



ЕВА ПИК
НИКА МАСЛОВА

Ведьма
внутри
меня

Annotation

Я в одиночной камере, среди крыс и полусгнившего сена, в длинном платье и со скованными руками. Всё тут ужасно, а я плачу от счастья, ведь снова могу ходить! Въевшаяся боль ушла из изломанного катастрофой тела, и лицо больше не изуродовано. Здесь именно так ужасно, как я это нарисовала, но внутри живёт уверенность, что весь этот кошмар — только начало чего-то большого, прекрасного, настоящего. Это мой второй шанс. Не хочу возвращаться в свой мир. Раз уж я попала сюда, постараюсь выбраться из переделки и найти своё счастье.

Майя Белохвостикова, начинающая художница в инвалидном кресле, рисует на заказ самую ужасную средневековую тюрьму, которую только может представить. Особое пожелание анонимного клиента — пентаграмма на полу, символы которой требуется изобразить с хирургической точностью. Закончив работу, художница оказывается в нарисованном мире. Если б не крысы и вонь — не поверила бы своему счастью. Теперь Майя может ходить, и на её теле больше нет следов страшных ожогов и шрамов.

-
- [Ева Пик, Ника Маслова](#)
 - [Глава 1. Тюрьма](#)
 - [Глава 2. Человек в чёрном](#)
 - [Глава 3. Королевский приказ](#)
 - [Глава 4. Ставка на жизнь](#)
 - [Глава 5. В бочке с водой](#)
 - [Глава 6. Между отчаянием и надеждой](#)
 - [Глава 7. Лорнский источник](#)
 - [Глава 8. Колыбель жизни](#)
 - [Глава 9. Подмоченная репутация](#)
 - [Глава 10. О лесах и лисах](#)
 - [Глава 11. Мечты-фантазии](#)
 - [Глава 12. Вопросы этикета](#)

- [Глава 13. Милый дом](#)
- [Глава 14. Новая жизнь](#)
- [Глава 15. О радостях и сложностях жизни «принцесс»](#)
- [Глава 16. Брат не брат](#)
- [Глава 17. Ржавый гвоздь](#)
- [Глава 18. Шаг за шагом](#)
- [Глава 19. Содержанка башмачника](#)
- [Глава 20. Не увлекайся](#)
- [Глава 21. Вопросы-ответы](#)
- [Глава 22. Быстроведьма](#)
- [Глава 23. Близкие отношения](#)
- [Глава 24. Книга](#)
- [Глава 25. Огонь и вода](#)
- [Глава 26. Ненавижу сомнения](#)
- [Глава 27. Серьёзный разговор](#)
- [Глава 28. Дозированная откровенность](#)
- [Глава 29. Обнажённая правда](#)
- [Глава 30. Тайные знания](#)
- [Глава 31. Леди Майя](#)
- [Глава 32. Нелёгкая тема](#)
- [Глава 33. Больше ада](#)
- [Глава 34. Нелепо, смешно, безрассудно](#)
- [Глава 35. Безумно](#)
- [Глава 36. Волшебно](#)
- [Глава 37. Чудесное утро](#)
- [Глава 38. Сокровища и находки](#)
- [Глава 39. Невезение](#)
- [Глава 40. Мир всё-таки подождёт](#)
- [Глава 41. Катастрофически](#)
- [Глава 42. Всё сложно](#)
- [Глава 43. Откровения и подозрения](#)
- [Глава 44. Разочарование](#)
- [Глава 45. Очарование](#)
- [Глава 46. Обманчивая неловкость](#)
- [Глава 47. Важный разговор](#)
- [Глава 48. Поговорим о любви](#)
- [Глава 49. Это не сон](#)

- [Глава 50. Майя и Майри](#)
 - [Глава 51. Победители](#)
 - [Глава 52. Ведьма](#)
 - [Глава 53. Охотник на демонов](#)
-

Ева Пик, Ника Маслова
Ведьма внутри меня

Глава 1. Тюрьма

Вонь тут стояла ужасная, кандалы стёрли кожу на лодыжках и запястьях, ни еды, ни воды заключённым, похоже, не полагалось, но я стояла на своих ногах, и это всё искупало. Гнилое сено и это длинное потрёпанное платье. И даже крыс. И нарисованную собственной кровью пентаграмму на полу — в происхождении темнеющей красной краски я ну нисколько не сомневалась.

Да, антисанитария тут, конечно, ужасная, крысы и мыши — мерзкие, но всё искупал один факт — я стояла, ноги мне подчинялись. Из тела ушла скованность, привычная, вьевшаяся в душу боль, от которой я спасалась, принимая таблетки горстями. Я стояла! Могла ходить! Пусть и несколько шагов, пусть и по ужасающе грязной камере, но только тот, кто пережил случившееся со мной, мог понять до конца, как ценна возможность владеть своим телом, быть здоровым, а не тем осколком катастрофы, на кого обычные люди не могут взглянуть без — поверьте, унижающей, оскорбляющей — жалости.

Инвалидное кресло, рабочий стол, заваленный бумагами, кистями, карандашами, небольшая, но уютная комната исчезли, вместо них — раз, и появились эти каменные стены, и грязный пол с пентаграммой, и крысы, и прочие прелести, которые я рисовала уже несколько дней, добиваясь той живости и точности, которую требовал у меня заказчик. Сначала я не могла в это поверить. Кричала. Прыгала от радости, звенела цепями. Зацепившись за что-то — упала, но и лёжа на сене, смеялась до слёз.

Наверное, я вела себя будто сумасшедшая. Но такую меня видели только крысы и мыши, так что ладно. Я всё ощупывала своё лицо, тело и ноги — такие живые, подвижные. Я едва могла поверить в случившуюся со мной перемену. Но верила. Ох, не слишком сложно поверить тому, что ощущаешь собственным телом. Ещё легче поверить тому, во что так хочется верить.

Здесь негде было себя рассмотреть, но руки были мои, лицо ощущалось знакомым — своим. Забытым, но правильным, а не тем, которое я видела в зеркале последние пять лет. Вернее, не видела — старалась в зеркала не смотреть. Отражения в них пугали.

Сидя в вонючей камере, я плакала от счастья. Конечно, моё положение не из завидных. Проснуться в спальне принцессы было бы куда как приятней. Но я всё равно благодарила судьбу, высшие силы, милосердного бога за то, что получила.

Моя новая — здоровая — жизнь могла скоро прерваться. Само нахождение в тюрьме намекало, что дела мои плохи. Но за одну лишь возможность подняться на ноги, вновь ощутить себя человеком я была до слёз благодарна. Я плакала, когда раздался скрежет замков.

Дверь заскрипела — я смотрела на неё, медленно открывающуюся, с надеждой. Ведь мне могло повезти. За дверью могло оказаться спасение, ровно как и наказание за преступления, которых я не совершала.

Ну же, судьба, ты ведь уже постаралась, подарив мне второй шанс. Так будь уже щедрой по-настоящему — дай мне его применить.

В камеру вошли люди. Большая часть, похоже, солдаты — с простыми неулыбчивыми лицами, в одинаковой тёмной форме, с оружием — клинками у пояса и чем-то непонятным, какими-то трубками. Несколько в руках держали светильники, похожие на газовые фонари. Белый огонь высветил всю убогость окружающей обстановки — и полное отсутствие жалости, хоть капли сочувствия на лицах вошедших.

С солдатами пришли двое важных господ. Их одежда казалась роскошной — сюртуки с вышивкой, шёлковые платки, начищенные сапоги и прочее в том же духе. Если бы мне заказали нарисовать знатного лорда без привязки к конкретной культуре и времени, то я бы, скорее всего, изобразила бы его в похожем наряде. Выглядели оба весьма впечатляюще — и совершенно чужеродно этой грязной тюрьме.

— Вы собираетесь вставать, Майри? — произнёс один из них недовольным тоном — высокий темноволосый человек с неприятным пронзительным взглядом. — Встаньте немедленно. Или вы ослепли? Перед вами дядя короля, принц Антуан.

О, теперь я знала своё имя. Майя Белохвостикова стала Майри. Надолго ли — главный вопрос.

Я встала. Не хотелось испытывать на себе грубость этих людей, проверять границы того, что они могут сделать с беззащитной женщиной.

Принц — мужчина под сорок, плотного телосложения — негромко поинтересовался:

— Так эта женщина пыталась лишиться плода Минерву?

— Да, мой принц. Дознаватели отработали, и она во всём созналась. Несомненно, это её вина, что королева вновь потеряла дитя.

— И как именно ведьма это совершила? — спросил принц и обратился ко мне: — Вы признаёте вину? Расскажите, что вы сделали, как именно вам удалось навредить королеве?

Судьба предоставила мне шанс и жестоко отбирила его. Что я могла? Но если не зацепиться за жизнь хотя бы кончиком когтя — она закончится, не начавшись.

— Прошу меня извинить, но перенесённые пытки лишили меня памяти. Возможно, когда-то я вспомню, но сейчас ничего не могу рассказать. Мне жаль, но сейчас я не смогу удовлетворить ваше любопытство.

— Пытки? — спросил принц, приподняв брови, и его спутник поспешил сказать:

— Она лжёт, Ваше Высочество. К Майри отнесли соответственно её высокому положению. Её всего лишь погрузили в бочку с водой и окунали в неё с головой, когда она замолкала. Святая вода развязала ей язык намного быстрее любых приспособлений, причиняющих боль. Пар стоял, так её ведьмовская кожа горела. Майри — несомненно, ведьма, и она виновата.

— А что книга? Она ведь была у неё?

— Найдена именно там, где она указала, и уже сожжена.

Принц кивнул, но нельзя было не заметить, что сожжение колдовской книги его не обрадовало. Он оглядывался по сторонам, притворная рассеянность и скука исчезли с его лица, взгляд стал хищным.

Вдруг тонкая улыбка скользнула по его губам.

— Тогда что это тут на полу? — Принц отбросил концом трости сено, прикрывающее кровавую пентаграмму. — Говорите, маркиз, книга ведьмы сожжена? Может, ещё скажете, что она по памяти нарисовала здесь это?

Глава 2. Человек в чёрном

Реакция на обнаруженную принцем пентаграмму оказалась более бурной, чем я могла ожидать. Суровые воины, все как один принялись показывать знаки руками — я бы сказала: в испуге креститься, но выглядело это иначе. Они соединяли все пять пальцев, кое-кто и на обеих руках сразу, и делали ими такое движение, будто пытались отбросить от себя что-то невидимое. Маркиз же и вовсе праздновал труса: едва не упав, то ли отпрыгнул, то ли отшатнулся от места, где стоял — у самого края прикрытой сеном пентаграммы. Надутая важность и самодовольство в один миг исчезли с лица с комично округлившимися глазами. Что интересно: и маркиз, и его люди будто боялись смотреть вниз, словно линии, точки и завитки, образующие сложный узор, могли навредить им одним своим видом.

Принц единственный сохранял хладнокровие. Концом трости он вернул сено на место.

— Немедленно уничтожьте это! — выкрикнул маркиз.

Его приказание выполнять не спешили, и он схватил за плечо одного из стоявших поблизости мужчин и толкнул вперёд.

— Выполняйте! Немедленно!

Выбранный им бедолага едва ли не позеленел, но гнева маркиза, видно, боялся немного больше рисунка на грязных камнях. О, какое же у этого немолодого мужчины стало испуганное лицо. Он топтался по соломе, мешая изображение из крови с грязью, «танцевал», вытирая пол сапогами. Света от фонарей хватало, чтобы видеть выступившую на его лбу испарину. Взгляды, которые он бросал на меня — вниз, кажется, ни разу не глянул — наполняла чистая, беспримесная ненависть.

Он боялся меня. Они все боялись меня. До чего же непривычная мысль, но сомневаться в догадке не приходилось.

Странное чувство охватило меня. До сих пор мне не доводилось вызывать у других людей страх, может, только если страх оказаться на моём жалком месте. Теперь же всеми этими мужчинами, вооружёнными, наделёнными властью, я воспринималась настоящей угрозой.

Маркиз брызгал слюной, требуя поторапливаться, отдавал приказы — немедленно позвать дознавателей и тюремщиков. Один принц стоял посреди этого хаоса с ленивой улыбочкой сознающего своё превосходство человека. Но остальные равнодушными не притворялись.

Плохо дело. Страх делает людей жестокими, агрессивными. Лучше б они не боялись меня, а жалели. Знала бы заранее, что всё так сложится, сама бы стёрла пентаграмму с камней. Но я лишь забросала её гнилым сеном — не хотелось, знаете ли, то и дело наткаться глазами на кровь. И вот что из этого получилось. Но кто же мог знать! Вот же чёрт.

Страх на их лицах чертовски пугал. Даже принц лишь строил из себя хладнокровного стойка. Я видела, он, как и другие, сложил пальцы в защитный знак. Только сделал это скрытно, держа ладонь у бедра. Наши взгляды встретились, и я первая отвернулась.

Увы, они, даже принц, боялись меня так же сильно, как и эту пентаграмму. И с той же лёгкостью могли стереть с лица земли. Пара ударов этими страшными сапогами с обитыми железом носами, и всё, вторая жизнь Майи-Майри закончится, не начавшись. Они не схватили меня и не пытали лишь потому, что я стояла на другой стороне тщательно стираемой пентаграммы. Но от рисунка уже осталась не больше чем треть.

Ну же. Думай! Что теперь делать?

Я могла сослаться на потерянную память, но кто мне поверит? Дознаватель скоро придёт. И потом меня, ха-ха, в качестве привилегии для важных особ «всего лишь» с головой погрузят в бочку с водой — и святая она или чёрная, словно нефть, дышать под ней я всё равно не смогу. Расскажу всё, что они захотят, возьму на себя и прерванную беременность неизвестной мне королевы, и убийство Кеннеди, да что угодно, любое преступление в любом из миров.

И как назло на ум ничего не шло. Кричать им, что это не я и вообще не из этого мира? Такой себе план, гарантированно обеспечивающий костёр. Они же ведьм сжигают, да? Вряд ли придумали что-то другое.

Та-ак, ладно. Об этом я подумаю, когда меня на костёр поведут. А сейчас стоит ещё раз рассмотреть все имеющиеся варианты.

Первый — я ничего не помню.

Второй — это не я, я вообще тут случайно, из другого мира попала.

И... Ну что же ещё? Я — великая ведьма и прокляну вас всех до седьмого колена? А как я это сделаю? Ну... пошлю вас всех и по батюшке, и по маменьке, и трёхэтажным — может, подействует.

Увы, из ведьмовского искусства всё, что я могла — даже с закрытыми глазами повторить каждую линию пентаграммы. Ещё бы — она точно совпадала с той, которую я рисовала и перерисовывала, получая от заказчика отказ за отказом от принятия и так превосходно выполненной работы. Он хотел точности, каждой точки, каждого завитка на своём месте, да ещё и последовательность в рисовке требовал соблюдать — те части, которые потемней, я должна была рисовать первыми. Ну, он так объяснял, забрасывая мой ящик электронными письмами с кучей инструкций и требований. Я делала так, как считала нужным. А когда он отказался принять работу в десятый, наверное, раз, хотела вернуть ему деньги — но он перечислил ещё, причём заплатил за каждый черновик как за принятую работу, так что отказываться в моих, мягко говоря, стеснённых обстоятельствах стало глупо. Любой каприз за ваши деньги, как говорится. Да он и требовал лишь одного — точно выполнять его указания.

Вот и выполнила — на свою голову! А так могла бы, как и всегда, сидеть дома, в инвалидном кресле, не таком уж по правде и неудобном, но осточертевшем до ужаса, заниматься любимой работой, и... Нет. Не хочу я туда даже сейчас. Уж лучше утопиться в бочке с водой.

В своё время я не смогла решить всё окончательно с изуродованной жизнью, побоялась взять грех на душу, пусть и не верила ни в бога, ни в дьявола. А решиться всё-таки не смогла, терпела боль, неподъёмные ноги и Франкенштейна в зеркале пять проклятых лет. И теперь вернуться назад — нет, нет и ещё раз нет. Даже если бы предложили, я бы сказала нет. Но ведь и предлагать мне вернуться домой было некому.

Вот и ладно. Способ закончить со всем этим адом помимо моей воли нашёлся. Можно и за это сказать спасибо судьбе. Не хочу я назад в безногую жизнь. Постояв на здоровых ногах, вспомнив, как это — быть человеком, нет, не хочу. Лучше сдохнуть.

А ещё лучше — выкрутиться, хоть как-то, любой ложью, чем угодно, любой ценой. Мне терять нечего.

Я не изменила решения, даже когда открылась дверь, и внутрь и так забитой людьми камеры вошёл человек в чёрном. От одного его вида — взгляда-кинжала — мне стало плохо.

Я видела его первый раз в жизни. Чёрные волосы до плеч, прямые густые брови, лёгкая синева на щеках, жёсткая линия губ, уверенный подбородок, ровный нос, глаза... Избитое сравнение, да, но глаза у него — будто портал в ад, настоящая бездна. Никогда не встречала человека с настолько тяжёлым взглядом. Он всего лишь посмотрел на меня, и всё — я сама не своя. Живот скрутило спазмом, меня словно ударило в грудь, и я осела на пол, будто мои ноги в один миг превратились в рыбий хвост, а сама я — хватающая воздух открытым ртом — тоже превратилась в выброшенную на берег рыбу.

У меня даже уши заложило. Они обменивались приветствиями, а я была совершенно оглушена, не слышала ни слова, лишь видела движение губ и этот взгляд — возвращающийся ко мне, не отпускающий, препарирующий душу.

Он пришёл сюда из-за меня, по мою душу. Я видела его первый раз в жизни, но нутром знала: этот человек — мой худший враг.

Глава 3. Королевский приказ

Мужчина в чёрном повернулся к принцу, поклонился ему — и я вновь смогла дышать. Звуки тоже вернулись.

— Дэбрэ. Чуть помягче с ней, нам нужно, чтобы она могла говорить, — сказал принц.

— Дознание проведено. Подробный отчёт я сам отправил в королевскую канцелярию. Что ещё она может сказать, чего мы не знаем? — голос мужчины соответствовал его взгляду. Холодный, морозно спокойный. Он говорил с принцем как равный, не тушевался, не мямлил, как тот же маркиз.

Этот человек — дознаватель. Ну разумеется. Я ещё не видела его за работой, но знала — у него природный талант. Его внешность и голос, и поведение, и та непонятная сила — его словно специально создали для этой работы, если пытки и жестокость можно так называть. В такие места люди устраиваются не ради денег, а чтобы удовлетворить что-то злое в душе.

Умолять его о милосердии — нет, можно сразу вычеркнуть этот пункт из списка вариантов спасения.

— Да, я видел ваш отчёт о преступнице-одиночке. Но здесь, на полу, почему-то нашёл пентаграмму, — скучающим тоном сообщил принц Антуан.

Дознаватель вновь бросил на меня взгляд, но кроме страха я не почувствовала ничего. Видно, сейчас он не использовал ту неизвестную силу, которая только что едва не вышибла из меня дух.

— Она сохранилась?

— Уничтожена. Но была тут, все это видели. Нарисована кровью, — сказал маркиз. Он вернул себе напыщенный вид, но покрасневшие кончики ушей выдавали нервозность.

— Ведьма не может рисовать по памяти, — сказал дознаватель. — Для колдовства ей нужна книга.

— Та самая, которую вы якобы нашли и сожгли?

— Вы в чём-то обвиняете меня, мой принц? — голос Дэбрэ стал ещё холоднее.

— Только в том, что вас наверняка обманули. Настоящую книгу она от вас утаила. Вот доказательства, — принц указал на пол перед собой, старательно вытертый сапогами и выглядящий ещё грязней и ужасней, чем прежде. — Поэтому мы и вызвали вас, как только увидели непотребство.

— Я получил приказ явиться сюда час назад.

— Это верно. Боги нам благоволят, соединяя пути нужных лиц в одном месте. — Принц достал кружевной платок, тщательно вытер руки. — Завтра ведьму казнят, как и объявлено, а до тех пор — делайте, что хотите, но добудьте мне её настоящую книгу и имена сообщников. Очевидно же, что кто-то сюда книгу принёс. Имена, Дэбрэ, и книга — вот, что я жду получить от вас уже утром.

«Завтра ведьму казнят». Он произнёс это с такой уверенностью, окончательностью вынесенного приговора. Для него я уже была мертва, он говорил обо мне словно о вещи, без капли жалости — он, скучая, лениво, обсуждал мою смерть.

— Зачем вам ведьмовская книга, мой принц? — бесстрастно поинтересовался Дэбрэ.

Маркиз нервно огладил шейный платок, и я затаила дыхание. Надежда — как огонёк свечи на ветру — металась между этими людьми, пытаюсь увидеть хоть в ком-то путь к спасению. Конфликт между ними, любой, давал мне призрачный шанс зацепиться за жизнь.

Принц Антуан предпочёл не заметить едва скрытую угрозу в прозвучавшем вопросе.

— Разумеется, для того чтобы помочь бедной Минерве. Для чего же ещё?

— И как это возможно сделать с помощью книги проклятий? — спросил Дэбрэ тем же тоном.

Принц улыбнулся.

— Хороший вопрос. Я отвечу на него, начав издалека. Леди Майри — дебютантка прошлого сезона, вошла в свиту королевы всего полгода назад, насколько я в курсе. Королева же не может доносить наследника уже лет пять. Вы ведь помните, скольких она потеряла? Дэбрэ, что вы скажете мне, объединив эти факты?

— Ничего. Я работаю с доказательствами. Домыслы — не мой путь.

— Недостаток фантазии весьма вам вредит, Дэбрэ. Ну же, приложите старание. Сейчас Минерве навредила Майри — как вы выяснили, и я верю, что вы хорошо проделали свою работу. Но согласитесь — вы выполнили её не до конца. Очевидно, что кто-то колдовал до Майри, кто-то из дам, может быть, из самых близких наперсниц. Я хочу увидеть книгу ведьмы, пролистать её, возможно, найти в ней чужие следы. Думаю, мы имеем дело не с одним врагом. У Майри могли быть сообщники, и пусть она вам не призналась...

Дэбрэ гордо вскинул голову, и принц решил отойти от раздражающей дознавателя темы, сказав:

— Ладно-ладно, поверю, что вырвать признание у неё было невозможно. Но теперь-то сообщники у неё точно есть. Это очевидно, доказательство вот, на полу — ей принесли сюда книгу. А до того у неё точно были предшественники, вернее, предшественницы. С помощью ведьмовской книги мы сможем их найти, если нам повезёт, разумеется. Так что приложите старание, Дэбрэ. Книга и имена — вот, что нам нужно. Можете не деликатничать. Поступайте с этой женщиной так, как вам велит долг перед короной. О других правилах я вам разрешаю забыть.

Дэбрэ выслушал всё это молча, ответил предельно коротко и, даже на мой взгляд, грубо:

— Вы не вправе отдавать мне приказы, мой принц.

— Верно. Но мой драгоценный племянник имеет полное право. Хоть кожу с неё живой сдирайте, но найдите книгу и добудьте имена тех врагов короны, кто до Майри колдовал о бесплодии королевы. Держите приказ, — принц протянул дознавателю свернутую бумагу.

Кажется, судьба что в том мире, что в этом была ко мне особенно несправедлива. Ведьма не зря сбежала из своего тела, отправив меня сюда вместо себя. Куда, как, правы ли мои предположения — не имело значения. Важно, что платить по проигранным ставкам придётся именно мне.

Перед уходом принц Антуан повернулся ко мне. Наши взгляды встретились и...

По приказу дознавателя ко мне приблизилось двое солдат, подняли меня на ноги и поволокли к выходу. Наверное, мне стоило бы кричать, умолять о пощаде — но ведь бесполезно. Я старалась идти

сама и всё думала о выражении лица принца. В его взгляде я прочитала обещание. Но чего?

Безнадёжная ситуация, но как же мне хотелось выбраться из неё. Всего один взгляд, который я могла неправильно прочитать, но он подарил мне надежду. Я хваталась не за соломинку, а даже за её призрак. И пока я это делала, солдаты тащили меня в дознавательскую — пытаться.

Глава 4. Ставка на жизнь

Удивительно, о каких глупых и совершенно неважных вещах думается в такие моменты. Моя жизнь висела на волоске, а я размышляла о том, что, рисуя в воображении средневековую тюрьму, почти во всём угадала. Лишь вместо горящих факелов на стенах кажущегося бесконечным коридора висели фонари. Белый свет щедро лил из них, освещая каждый камень и трещинку кладки. Заключённых пытали грязью и вонью, а в коридорах даже пол сиял чистотой. Здесь и пахло иначе, не свежестью альпийских лугов, но в разы лучше, чем там, в душной камере.

Говорят, перед смертью не надышишься, но я пыталась изо всех сил — пила относительно чистый воздух большими глотками.

Время двигалось странно, как будто рывками: то как всегда, то всё вдруг до крайности замедлялось. Если уж я смотрела на каменный пол, то видела каждую выщерблину, узор и крапинку каждого камня. Или светильники — один буквально врезался в память. Я могла бы нарисовать каждый завиток ковки на нём и даже скол стекла в уголке, и то, как красиво мерцал внутри снежно-белый свет — будто живой огонь, только холодный. Ну и, конечно, особую любовь моих глаз завоевал длинный чёрный плащ идущего впереди Дэбрэ. Развевающаяся плотная ткань временами выглядела, будто я смотрела в формате 3D рекламу исторического блокбастера — на все сто залипательное зрелище в настолько замедленной съёмке.

Похоже, у меня крыша ехала. Ту-ту и со свистом. Но сделать с этим я ничего не могла. Даже идти сама не могла — меня под руки держали. Сначала я старалась попевать за солдатами, но теперь, когда коридор вдруг закончился тупиком с глухой чёрной дверью, не волоки меня эти люди — я бы упала. И вряд ли бы сама поднялась, такая слабость вдруг охватила всё тело.

От вида этой чёрной двери я буквально лишилась всех сил.

Дэбрэ подошёл к ней первым. Раздался звук поворачиваемого в замке ключа — и дрожь прошла по моему телу. Дознаватель распахнул дверь и встал рядом с ней, будто привратник. До порога мне оставались считанные шаги.

Соппротивление бесполезно — да, умом я это знала, но инстинкты криком кричали: беги. Как же я боялась этой комнаты, пусть и никогда здесь не была. Но тело, похоже, помнило пытки и изо всех вдруг проснувшихся сил сопротивлялось повторению боли. Я птицей в силках задёргалась в руках ведущих меня мужчин. Они этого не ждали, и возникла заминка.

— Поторапливайтесь, — приказал Дэбрэ. — Или не можете справиться с ней?

Солдаты дотащили меня до порога и втокнули внутрь, несмотря на яростное сопротивление. Я не устояла на ногах, упала на одно колено, но тотчас вскочила, осматриваясь по сторонам, выглядывая опасность.

Пустой стол, стулья, книжный шкаф, большая деревянная бочка и ведра — вот и всё, что тут было. А ещё окно — маленькое, узкое, забранное решёткой, так что даже крупный кот не смог бы сбежать. Единственный выход — чёрная дверь, та самая, у которой сейчас стоял Дэбрэ и его люди.

Мне не избежать пытки. Тело это знало, и его трясло.

Совсем недавно я плакала от счастья потому, что могу стоять. Думала, что вернуться в прежнее состояние — ужас больший, чем смерть. А сейчас дрожала, как загнанное в угол животное, и не видела выхода. Ничего страшного со мной ещё не происходило, и пыточных приспособлений я тут не видела, а тело облил холодный пот.

Дэбрэ дал знак, и его люди ушли. Дверь за ними закрылась, и мы остались наедине.

— Вижу, вам не нравится здесь. Плохие воспоминания?

О, он ещё и издевался надо мной.

Дэбрэ, несомненно, ужасный человек. От одного его голоса мурашки пошли по коже.

— Вновь оказаться здесь — это ваш выбор, Майри. Я с вами закончил, но вам, видно, показалось мало. Желаете повторения? Или ощущений поострей? Прошлого раза вам не хватило?

Он смотрел на меня как на врага. Тон, взгляд, слова — всё наполняла издёвка. От него всего меня — моё тело — трясло мелкой дрожью.

Ну я и попала.

Майя, давай, соберись! Иначе погибнешь, если будешь так истерить. Или тебе не приходилось бороться с неподатливым телом? Или ты боли не знала? Давай. На кону твоя жизнь!

Если бы я всё ещё сидела в инвалидной коляске, то сдалась бы без боя. Но я стояла на ногах, чувствовала их, даже в этот миг наслаждалась свободой движения и отсутствием боли. Въевшийся в тело страх не мешал мне хотеть жить, наоборот, это желание стало по-животному сильным.

Дэбрэ неприятно улыбнулся.

— Я даже буду добр к вам. Вы сможете вернуться назад, в свою камеру, если скажете мне, где книга и кто ваш сообщник. Ну, говорите. Я обещаю поверить вам на слово, и мы обойдёмся без криков и слёз.

Я молчала. Да и что я могла говорить? Наверное, и хорошо, что я тут никого не знала. Не будет соблазна обвинить невинного.

— Не стесняйтесь, Майри. Смотрите, здесь только мы. Вы смело можете сказать мне всё, что вам поручил сказать принц, и избежать пытки. Чьё имя вам приказали назвать? Баронессы Альбской? Виконтессы Брамон? Или сестры Катарины? — к концу небольшой речи Дэбрэ почти шептал, его тёмные блестящие глаза пугали.

Ого. А они тут знают толк в играх. Дэбрэ, очевидно, считал, что пентаграмма на полу и принц с обвинениями появились в камере Майри накануне её казни не просто так.

И что мне со всем этим делать? Обвинять кого-то из незнакомых людей или принца? Эх. Ну вот зачем Дэбрэ вообще называл имена?

Нет-нет, оказаться на моём месте я бы и врагу не пожелала. Не могла я ничего об этих людях соврать.

Чёрт-чёрт-чёрт. Всё шло к тому, что моим единственным выбором станет «не помню, не знаю». Когда-нибудь дознаватель мне, конечно, поверит, но цена его веры может оказаться неподъёмно высокой.

У меня горло сохло, я хрипела, когда говорила:

— Я не знаю никого из названных вами людей. Впервые слышу их имена.

— Да? Даже с названной сестрой не знакомы? — Дэбрэ зло усмехнулся.

Я отступила на шаг. Его ненависть было тяжело выносить, она, словно кольца удава, душила.

— Мне нечего вам сказать. Я не знаю этих людей, я ничего не помню.

— Какой глупый выбор, Майри. — Дэбрэ покачал головой. — Что же такого вам пообещал принц? Ума не приложу, чем он мог купить приговорённую к смерти. Вас не помилуют, это невозможно. Вы ведь умная девушка. Верить принцу Антуану не стала бы даже торговка на рынке. Что бы он вам ни сказал — вас ждёт смерть. Вы могли бы упростить себе жизнь, её оставшиеся часы. Ну же, Майри, признайтесь, будьте благоразумны.

Ну же, Майя, давай: «Принц Антуан приказал мне обвинить герцогиню Бомон... Или графиню? И Бомон ли? Вот чёрт». Имена, названные Дэбрэ, будто кто-то влажной тряпкой стёр из памяти — начисто.

Но, может, оно и к лучшему. Обвини я принца, это не отменит казнь и ничего для меня не изменит. Да и вообще, начти лгать, тебя выведут на чистую воду, а потом ни за что не поверят ничему, что бы ты ни сказала.

— Я не знаю названных вами людей, дознаватель. Если честно, то я уже успела забыть их имена. Я говорю чистую правду.

Ну вот, я это сказала. Сделала самую глупую ставку на жизнь.

Глава 5. В бочке с водой

Дэбрэ долго смотрел на меня, склонив голову к плечу, будто пёс, увидевший нечто удивительное. Наконец он сказал:

— Какая невероятная преданность и столь же невероятная глупость. Но это ваш выбор, Майри. — Он рукой указал на что-то позади меня. — Тогда прошу. Что же вы стоите? Вы знаете, что вам делать.

Я даже не шелохнулась.

— Я не знаю, что вы хотите от меня, дознаватель Дэбрэ. Я не помню, что здесь со мной происходило. И о своих предполагаемых преступлениях тоже не помню. Из-за пыток, которым вы меня подвергали, я даже своё имя забыла.

Он усмехнулся. Его лицо обладало выразительностью и гармонией черт, пусть и не могло считаться красивым в классическом понимании. Хотя... Присмотревшись к нему, человек без предубеждений назвал бы его привлекательным мужчиной. Похоже, это тот случай, когда природу портит характер. Жестокая ухмылка и холод в глазах уродовали внешность Дэбрэ. Мама много раз говорила, что с лица мужчины воду не пить. Только вот это лицо превратило бы даже святую воду в отраву.

Дэбрэ был мне неприятен. Его слова, тон, выражение лица — всё отталкивало.

— Игры в забывчивость вам не помогут, Майри.

С ним хотелось спорить, его хотелось хоть как-то задеть. Его самоуверенность и апломб злили. Самые раздражающие люди на свете, по моему мнению, — те, кто считают себя во всём и всегда правыми.

— Игры в «вы сами должны знать» тоже не приведут к успеху, дознаватель. Я вас не понимаю. Поверьте мне, допустите хотя бы на время, что я говорю вам правду.

Дэбрэ поморщился, его взгляд стал пронзительным и до крайности неприятным.

— Хватит уже. Забирайтесь в бочку.

Я оглянулась: деревянная бочка не выглядела слишком высокой, плюс-минус мой рост, но залезть в неё вот так просто получилось бы, наверное, только у акробата. И даже прославленному циркачу помешали бы кандалы на руках и ногах и длинное пышное платье. Кстати, о нём.

— Что, прямо в платье?

Дэбрэ приподнял брови.

— А вы что же, хотите раздеться передо мной? Считаете, это вам как-то поможет?

Ухмылку с его лица захотелось содрать вместе с кожей.

— Я не о том. Как я, по-вашему, заберусь туда в таком виде? — Я протянула руки вперёд и развела их как могла широко, пока цепь не натянулась. Затем приподняла край платья и показала браслеты на лодыжках. Цепь между ними позволяла мне сделать шаг, но не больше.

— Даже не надейтесь. С вас их не снимут. — Дэбрэ вновь указал направление. — Идите уже. Там есть лестница, позади. И хватит уже этих игр. Вы ничего не измените, ваше притворство вас не спасёт.

Он не верил мне. Легче, наверное, пробить головой стену, чем его убедить. Страшно представить, какую боль мне предстоит испытать из-за его недоверчивой твердолобости.

Я махнула рукой. Ладно. В бочку, так в бочку. Раньше сядешь — раньше выйдешь, папа так говорил. Они с мамой коллекционировали пословицы и поговорки и... Чёрт, нельзя думать о них сейчас. Мне нужно быть сильной.

Ноги в сторону бочки отказывались идти — к ним словно привязали неподъёмные гири, но я справилась. Там и правда нашлась лесенка, и я поднялась по ней, гремя кандалами.

— Здесь вода, — сказала я, глядя вниз.

— А вы ждали увидеть там что-то другое, Майри?

«Кровь растерзанных вами младенцев», — ответ я приберегла при себе. Зачем его злить, когда он и так зол и, несомненно, выместит всё на мне. Разве я не знала таких, как он? Пользуется своим положением, чтобы унижать беззащитного человека. Ну и кто он после этого? Есть такое слово на букву «м», оно ему очень подходит. Когда ты не можешь ходить, таких «м» встречаешь немало, и не только мужчин. Иллюзий в отношении людей вообще остаётся немного.

Поверхность воды отразила моё лицо — о, так это и правда я. Волосы всклокочены, правда, и так грязны, что их льняной цвет не сразу поймёшь. Но в остальном я была рада увидеть себя такой, хоть и чумазой, но с гладкой кожей, здоровой — красивой. Я улыбнулась себе и помахала рукой. Цепь зазвенела.

На вид вода казалась чистой. Попробовала её сначала рукой — холодная. Ну ничего, воспаление лёгких мне не грозит, до завтра заболеть вряд ли успею. А если вдруг повезёт всё это пережить, то болеть буду потом, а значит, сейчас и волноваться об этом не стоит.

Я бросила взгляд на Дэбрэ. Он смотрел на меня, скрестив руки на груди. Лицо казалось бесстрастным, почти неживым.

— Залезайте внутрь, Майри.

— Сейчас. Подождите немного.

Я наклонилась и тщательно сполоснула ладони, наполнила их чистой водой. Уже вечность хотелось пить, но не то, что окажется в бочке после купания в ней в грязном платье, конечно. Вдоволь напившись, я осторожно села на край и опустила внутрь ноги — бррр, как холодно. Потом вечность путалась в длинном платье, в цепях, соединяющих браслеты, в общем, пришлось повозиться. Ноги у меня, разумеется, тоже оказались страшно грязны, так что я правильно сделала, что напилась сразу.

Наконец-то я забралась внутрь полностью, встала. Холодно, конечно. Уровень воды поднялся почти до бортика бочки, мне — по плечо. Платье было открытым, со спущенными рукавами — Майри с бала в таком виде, что ли, забрали? — так что снаружи должно было казаться, что я сижу в этой бочке вообще голышом.

Ткань промокала, и пузырьки воздуха поднимались вверх. Я уже начала мёрзнуть, но решила, что буду считать своё положение терпимым. Да, я стою в бочке с холодной водой, но поводов для паники нет. Разумеется, до тех пор, пока меня не станут топить в этой чёртовой бочке.

Дэбрэ смотрел на меня со странным выражением лица и, кажется, даже не мигал. Он выглядел бледноватым, словно это его погрузили в холодную воду. Синева щёк — ему, похоже, следовало бриться дважды в день — точно стала заметней.

Не знаю, чему он там удивлялся, но мне становилось всё холодней. Раньше сядешь — раньше... Ну, вы помните эту поговорку.

— Ну и, — спросила я у него, — что мне теперь делать?

Он упорно молчал — я стояла в бочке с водой. Если бы не крайняя серьёзность моей ситуации, то я бы сказала: ну прямо царевна-лягушка и Иванушка-дурачок, забравшийся в самую топь за стрелой, выпущенной в поисках невесты. Думаю, в момент встречи с суженой глаза у Иванушки стали намного круглей, чем у лягушки. Вот примерно такой же взгляд был у Дэбрэ. Он смотрел на меня, будто я — дивное диво.

— Ну? — повторила я. — Вы холодом уморить меня тут хотите?

От моего голоса он словно опомнился. Быстро подошёл, протянул руку — и я отшатнулась, не хотелось, чтобы он касался меня. Но он лишь опустил руку в воду, а затем долго смотрел на мокрую ладонь, тёр пальцы друг о друга.

Его лицо словно окаменело. Кажется, в его исполнении так выглядел гнев. Только злился он не на меня. Чеканным шагом он подошёл к чёрной двери и распахнул её.

— Принесите святой воды, — приказал он невидимым помощникам. — Немедленно.

А этой, что ли, ему не хватало? А, ясно. Я стояла в обычной воде. Наверное, это и правильно.

Я как-то была в церкви на Пасху, уже очень и очень давно, до катастрофы. Так священник брызгал на собравшихся с помощью кисточки. На меня, помню, попало несколько капель воды. В нашем мире этого, как я понимаю, хватало.

Нынешнее моё знакомство со святой водой происходило иначе. Люди Дэбрэ окатили меня двумя вёдрами холодной воды. Проявили старание — один плеснул прямо в лицо, так что и в глаза, и в рот, и в нос попало. Второй вылил целое ведро мне на голову. Я чуть не захлебнулась. Уровень воды поднялся по край бочки — и мне по шею, лишнее с хлопаньем полилось на пол.

— Эй, а можно поаккуратней? Или вы хотите меня тут утопить?

Я убрала волосы с лица, взглянула на изваяние-Дэбрэ и двух его помощников-лупоглазов. Они смотрели на меня, я — на них.

Ай, ладно, всё. Игра в гляделки мне надоела, и я принялась умываться. Да, в этой холодной воде, но просить о нормальной ванне для приговорённой к смерти, что сразу понятно — пустая затея. Раз уж они устроили мне принудительный душ, оставалось довершить дело. Я

окунулась с головой. Откинула голову назад и попыталась промыть волосы, а чёртовы цепи звенели, цеплялись, мешали. Впервые в жизни я мылась без шампуня, без мыла, в холодной воде, да ещё и в одежде — эффект от такого мытья мне представлялся сомнительным. Оставалось надеяться, что волосы всё-таки будут выглядеть чуть лучше, когда меня поведут на костёр.

Вот об этой «приятной» перспективе не стоило вспоминать, ну да ладно. Поведут — значит, поведут. Сейчас я об этом думать не буду.

— Майри, — позвал Дэбрэ.

— Ну что? — Да, я была зла, и да, мой голос отражал всё испытываемое в полной мере.

— Выпейте это, — он протянул мне стакан. На вид — с чистой водой, на запах — тоже.

Его люди смотрели на меня со священным ужасом на лицах, вот что напрягало.

— Здесь яд?

— Святая вода из моих личных запасов.

— А этой, не из личных, что, было мало?

— Она из лорнского источника, — с некой торжественностью объявил Дэбрэ. Будто его пояснение должно было что-то важное значить.

А, ясно. Значит, здешняя вода недостаточно святая, по его мнению. Ох, как же мне хотелось высказаться! Причём преимущественно матом. Но ладно.

— Давайте свою воду.

Я выпила её полностью, весь большой стакан до самого дна, и протянула его Дэбрэ назад обеими руками, демонстративно перевернув доньшком вверх.

— Ну что, теперь вы довольны, дознаватель Дэбрэ? Давайте уже решайте скорей. А то я тут замерзаю!

Глава 6. Между отчаянием и надеждой

Пытка откладывалась. Возможно, и насовсем.

Дэбрэ мог передумать в любой момент, так что я старалась сохранять хладнокровие. В одной книге читала, что качели между вспышками надежды и последующим острым разочарованием сильнее всего ломают психику. Так что мало ли, вдруг это его способ давить на меня, а не приступ добросердечия.

Профессия дознавателя, как мне кажется, предполагает умение играть на чужих нервах. Так что бурно радоваться я себе запретила.

Мне позволили выбраться из бочки. Пришлось просить о помощи — ведь мокрое платье из кучи слоёв ткани весило целую тонну, а выбраться из — не то же самое, что забраться внутрь. Дэбрэ снизошёл до того, чтобы помогать мне лично. Лучше б этим бугаям поручил. Его руки на моём теле казались нереально горячими, а ещё он деликатничал, будто боялся дотронуться до голой кожи, и из-за этого чуть меня не уронил. В общем, такой себе из него вышел спаситель. Ещё и, опустив меня на пол, тотчас сбежал, даже полотенца не предложил.

Я ужасно замёрзла. Кожа на кончиках пальцев сморщилась. С меня текло чуть ли не водопадом. Реки и ручейки, льющие с моего чудовищно тяжёлого платья, образовали целое озеро посреди пыточной камеры. Я только заметила, кстати, что всё тут было устроено с толком, из-за небольшого уклона вода собиралась в одном месте. Я смотрела на неё — уже не лужа, а пруд — и тряслась, и стучала зубами. Ну и холодина, просто кошмар.

— Идите сюда, леди Майри, — позвал Дэбрэ и, когда я оглянулась, указал на стул, стоящий с другой стороны стола. — Присаживайтесь сюда.

Он сменил тон на более любезный и назвал меня леди. А это означало, что у меня появилась надежда на человеческое отношение и серьёзный разговор. Только надо этот шанс не проворонить.

Я и не подумала двинуться с места. Во-первых, это физически крайне тяжело в этом чёртовом платье и кандалах. Во-вторых, куй железо, пока горячо. Леди Майри имела право требовать намного

больше заботы, чем ведьма Майри, и я собиралась этим фактом воспользоваться.

— Мне ужасно холодно. Дайте мне переодеться. И одеяло какое-нибудь. И что-нибудь сухое и тёплое на ноги, хорошо бы шерстяные носки. И закройте окно, а то дует, сквозняк.

Он смотрел на меня с таким видом, что могу поклясться: находилось немного охотников указывать ему что, как и когда делать. Волновал ли меня его дискомфорт? Нисколько. Меня ждала казнь и воспаление лёгких, если срочно не переодеться. Или воспаление лёгких и смертная казнь. В такой ситуации чужой душевный комфорт интересует не сильнее вчерашнего прогноза погоды.

Так, подбородок вверх, взгляд пожёстче, тон — максимально холодный. Ну давай, Майя, полный вперёд.

— Вы способны только смотреть или всё-таки прикажете своим людям принести всё необходимое? И воды пусть вскипятят, мне нужно выпить чего-нибудь тёплого.

Желудок очень вовремя вспомнил, что давно пуст, и я с усилием потёрла живот.

— И еды принесите. Погорячей.

— Вы решили, что вправе указывать мне? — он смотрел на меня с недоверчивым изумлением.

Нападение — лучшая защита. Папа всегда говорил, что в словосочетании «банальные истины» главное слово — истины, а банальные — синоним слова общеизвестные, то есть народные, проверенные временем, действенные. Так зачем изобретать велосипед?

Я храбрилась, подстёгивала себя, закрывая глаза на страх неудачи, но мне нельзя было, ну никак нельзя сейчас раскисать. Я должна настоять на своём, Дэбрэ должен увидеть во мне ровню себе, а лучше — кого-нибудь поважней. Но он грубил принцу, так что на последнее не стоило даже надеяться.

— Я решила, что вы человек, несомненно, умный и знающий, а значит, уже поняли, что я вам не солгала. У вас больше нет причин играть в злого дознавателя, и можно вернуть на место благородного человека, который не позволит невинной женщине умереть от переохлаждения. Или мне упасть вам в ноги и взывать к вашему милосердию, чтобы вы обогрели меня?

Один из солдат закашлялся, другой негромко присвистнул, и Дэбрэ одёрнул обоих. Он старался сохранить лицо, но порозовевшие уши выдали его. Ну надо же — крохотный намёк на сексуальный подтекст, и взрослый мужчина смутился, будто подросток в пубертате. Я вспомнила разговор о раздевании, случившийся до бочки, затем с какой осторожностью Дэбрэ касался меня, когда вытаскивал из воды — хм, как интересно. Да и эти двое лбов недалеко от него ушли, смотрели на меня как-то странно.

Мельком я взглянула на себя — вырез намокшего платья стал значительно ниже. Их моя полуобнажённая грудь, что ли, заинтересовала? Да ладно!

Но и на этом можно сыграть.

Я опустилась на колени — как могла грациозно. Чёртовы гремящие цепи и слои мокрой ткани сделать это красиво мне не помогли, да и вид у меня, наверняка, был не соблазнительный, а откровенно жалкий. Но мне-то что с того вида, когда главное — выжить.

— Умоляю, Дэбрэ, увидите же во мне страдающую женщину. Даже если я совершила что-то предосудительное, то не помню об этом. Я не чувствую за собой никакой вины. И ваша жестокость ранит мне сердце.

Никогда не думала, что тонны прочитанных за последние годы любовных романов когда-нибудь спасут мне жизнь. Рецепт успеха мамзелей в беде: откровенно говори об эмоциях, плачь и даже рыдай, если нужно разжалобить, взывай к благородству мужчины. И ведь сработало же. Эврика, это работало!

Аллилуйя, он сдался. Послал людей за одеждой и одеялами, за горячим чаем и едой, а сам подошёл ко мне, чтобы помочь подняться на ноги.

— Мне так тяжело, — призналась я, опираясь на его руку. — Это платье — как камень на шее. Я едва могу стоять.

Не совсем правда — стоять я могла, а открой он передо мной дверь и скажи: «Иди-ка, Майя, на все четыре стороны», — то не то что пошла, а побежала бы отсюда вприпрыжку. Но приврать нужно, даже необходимо — дамы, не боящиеся признаться рыцарям в своих бедах, в моих любимых историях всегда оказывались на коне.

Вскоре я сидела у стола, переодетая в длинную белую рубашку, подозрительно напоминающую саван, и в белой обуви, с белым же полотенцем, закрученным на голове, и двумя пледами, накрывающими плечи и ноги. Передо мной стояла чашка с дымящимся чаем — травяным, очень вкусным, а на тарелке лежала булочка, источающая божественный аромат.

Дэбрэ дождался, пока я верну чашку с недопитым чаем на стол, и сказал:

— Завтра, леди Майри, вас казнят. Отменить казнь не сможет никто, даже король не решится помиловать вас, чтобы не стать мишенью гнева толпы.

Кусок выпечки встал мне поперёк горла.

— Но я не виновата. — Он скривился, и я поспешила сказать: — Я не помню, чтобы делала что-то дурное. Я не помню вообще ничего. Пожалуйста, я же прошла испытание святой водой. Я не ведьма.

— Зато до того вы наговорили немало, а от святой воды ваша кожа дымилась, вы испытывали такую боль, что во всём сознались. Я лично опрашивал вас, и вы поведали о преступлении в таких подробностях, о которых могло быть известно только виновной в том, что королевская чета вновь потеряла наследника. Народу объявлено, что ведьма найдена. От вас отказалась семья, друзья отреклись. Ваше имя даже сейчас проклинаят с амвонов по всей стране. Вы уже в прошлом, леди Майри, вы уже мертвы.

— Но вы же видели. Я не ведьма! Хотите, я выпью целую бочку этой вашей лорнской воды.

— Не нужно. Завтра на глазах собравшейся публики вы сможете выпить хоть весь Лорнский источник.

Так ведьм здесь ждал не костёр.

— Меня утопят?

— Да. На глазах высшей знати всего королевства и простых людей. Из-за тяжести совершённого вами публики будет немало.

Спокойствие Дэбрэ казалось худшим его преступлением. Он знал, что я невиновна, но, похоже, не собирался шевельнуть даже пальцем, чтобы спасти меня.

— И вы позволите этому произойти? Даже не попытаетесь спасти невинного человека?

— Вас никто не спасёт, кроме провидения божьего, — бесстрастно ответил Дэбрэ, и я вся сжалась, охватила голову руками.

Мнимая победа ускользала из рук. У меня не было шансов спастись.

— А теперь, леди Майри, будьте любезны мне объяснить, что вы сделали, может, выпили какое-то зелье или провели ритуал, чтобы в вас больше не могли опознать ведьму обычными методами.

Вот честно — ни на миг не удивилась его словам. От него именно такого и следовало ожидать. То есть невиновной он меня не считает, когда я умру, не будет и совестью мучиться. Дознаватель до мозга кости, он не может допустить мысль, что в чём-то ошибся. И не поверит ничему, что я скажу. Прямые доказательства невиновности превратит в обвинительные.

Я распрямилась, посмотрела ему прямо в глаза. И как я сразу не поняла? Его мнимое добросердечие растёт всего лишь из профессионального интереса. Он хочет знать, как ведьма смогла его обмануть.

«Я — не я, я не из этого мира». Ну-ну, прямо вижу, как он мне поверит.

И всё же я не теряла надежды, пусть и они меня уже в погребальный саван одели. Как — не знаю, но я из этого ужаса выберусь.

— Скажите принести мне ещё чаю. Этот остыл.

Я откинулась на спинку стула и плотней запахнулась в плед. Если уж я и научилась чему-то за эти пять лет в инвалидной коляске, так это терпению. «С нынешним уровнем медицины и вашими травмами вы больше никогда не сможете встать на ноги. Это невозможно». И что же? Теперь я хожу — это факт. Пусть чудом, но я это сделала.

Как ни подстёгивай мёртвую лошадь... Неважно. Когда твои надежды пинают ногами, главное — стойко держать удар. Мёртвой я пока не была, так что имела полное право и даже обязанность перед собой верить в лучший исход и использовать любой подвернувшийся шанс на спасение.

Глава 7. Лорнский источник

Принц не дождался ни колдовской книги, ни имени вредоносной особы из окружения королевы. Его недовольство чувствовалось издалека. Я сидела в закрытой карете и наблюдала в окно за разговором Дэбрэ с принцем и его приближёнными. Из-за расстояния и закрытых дверей-окон не слышала ни слова, но жесты и мимика собеседников выглядели достаточно красноречиво, а в содержании беседы не приходилось сомневаться.

Чем больше упрёков Дэбрэ выслушивал, тем выше вздёргивал подбородок. Чем яростнее жестикулировал принц, тем отчётливей у Дэбрэ каменело лицо.

Я злилась на него. Имея доказательства моей невинности, он, во-первых, упорствовал в подозрении, что я неким волшебным образом его обманула, и не принимал во внимание, что до меня повернуть фокус со святой водой никому не удалось. Во-вторых, я сомневалась, что он кому-либо доложил о том, что я прошла проверку. За всё время мы расставались лишь на минуты, необходимые для посещения уборной, в остальное время я не видела, чтобы он что-либо писал. В-третьих, все пути спасения, которые я предлагала, он отвергал. Поднял меня на смех, когда я умоляла его позволить мне упасть в ноги королю или королеве. Он лишал меня даже крохотных шансов к спасению, в итоге — кого мне было ненавидеть, как не его?

Позади осталась бессонная ночь, где мне снова и снова задавали одни и те же вопросы, чтобы получить ответ: «Я не знаю, не помню, ну поверьте же мне уже, наконец». Усталость из-за беспрерывного допроса усугубилась ещё и довольно долгой и утомительной дорогой в Лорн.

Выехали ещё затемно. Нас ждала карета чёрного цвета, запряжённая парой лошадей тёмной масти. Из-за спешки мне так и не удалось что-либо разглядеть, кроме брусчатой дороги, тающей в серых сумерках приземистой крепости, огораживающей её зубчатой стены и бесконечного леса. Лошади шли рысью, карету трясло, меня страшно укачивало, а Дэбрэ продолжал спрашивать — упорный бульдог. Там, в дороге, остались мои слёзы — да, я прибегла и к крайнему средству, но

до героя моего романа Дэбрэ было как до луны. Он остался полостью равнодушен. Сказал: «Вы закончили?» — и предложил умыться холодной водой. А затем вновь спросил, как я его обманула.

Но сейчас, когда я наблюдала за принцем, позабывшим лелеять образ абсолютной самоуверенности, и короткими ответами на все обвинения Дэбрэ, вспомнилась другая подобная сцена. Тогда в камере принц сказал, что ради сведений о книге и сообщнице Дэбрэ может с меня живой кожу содрать. Принц требовал не церемониться. Разрешил всё, любую жестокость и даже привёз королевский приказ.

Дэбрэ приказ не выполнил. Он обошёлся со мной по-человечески. Не дал сбежать, но и пытал только вопросами.

Понятия не имею, как он оправдывался сейчас, что говорил. Я так устала. Надежда всю ночь угасала, сейчас от неё остался жалкий пшик.

За окном уже давно светило солнце. Карета стояла в редком лесу, соблазняя прекрасными видами. Я уже вечность не гуляла по лесу. Смотрела на белобокие берёзы, трепещущие осины — хотела выть, как тот волк, что всё на лес смотрит. До боли хотелось хотя бы разочек полной грудью вдохнуть свежий воздух, пробежать по траве босиком, упасть на землю и целую вечность смотреть в небо на облака-крокодилы, кудрявых барашков и прочих облачных жителей.

Дэбрэ, будь он человеком, дал бы мне шанс сбежать... Но цепь с ножными кандалами пристегнули к полу кареты, и будто этого мало — у каждой двери стояло по человеку, охраняли меня. Его помощники тоже знали, что я не ведьма, но не пытались помочь.

Дверь кареты открылась.

— Выводите её, — приказал Дэбрэ тоном, в котором отчётливо хрустел лёд.

Когда я выбралась наружу, у меня забрали обувь и плед, в который я куталась весь путь. Я осталась босой и в белой рубашке до пят — погребальном саване. Теперь я могла дышать свежим воздухом, стояла на земле, ступнями ощущала прохладный песок и мелкие камешки. Наверное, даже в таких обстоятельствах я смогла бы порадоваться и насладиться тем, о чём годами мечтала, но мне не дали даже вздохнуть. В кольцо, приваренное к одному из ножных браслетов, пропустили ещё одну нетолстую цепь и её же соединили с ручным браслетом. Недлинный остаток цепи — поводок — один из

помощников отдал Дэбрэ. А затем мне попытались затолкать в рот кусок ткани, и вот тут уж моё терпение кончилось.

Побеждённый в неравной битве был известен заранее, но я пыталась. Пиналась, толкалась, ткнула одного из помощников пальцем в глаз, укусила Дэбрэ за ребро ладони. Только в фильмах про зомби после укусов тупыми человеческими зубами льёт кровь. Я очень старалась, но добилась совсем немногого — будет ему от меня круглый синяк на руке на недолгую память.

Кляпа им показалось мало, они ещё и сверху завязали мне рот полоской белой ткани. Тут я уже не сопротивлялась. Просто стояла и смотрела в глаза этого человека.

Он снизошёл до того, чтобы объясниться:

— Это делается для того, чтобы ведьмы не оскорбляли слух собравшихся криками.

Вот как. Я кивнула.

— Идёмте. Надеюсь, мне не придётся вас тащить.

Я качнула головой: нет, не придётся.

Лорнский источник располагался внизу. Удивительно, я и не подозревала, что рельеф тут так резко менялся. Мне казалось, что мы в лесу, а на деле оказались на горе, хотя подъёма во время пути я не заметила.

Мы прошли от силы несколько десятков шагов по лесной тропинке, а затем нас ждал долгий спуск по каменной лестнице к расположенному внизу озеру. И я наконец поняла, почему нигде не видела обещанной публики, кроме принца и пары человек с ним, слышала лишь шелест ветра, а не шум голосов. Все они — сотни, а может, тысячи людей собрались на другой стороне озера. В глазах рябило от ярких нарядов, флагов, палаток, карет. С той стороны подъезд к источнику был удобным — пологим.

Сам Лорнский источник представлял собой круглое озеро совершенной формы. Возможно, тут произошёл природный катаклизм, но могли постараться и люди. Вода ярко блестела на солнце, почти не позволяя на себя смотреть, но кое-где я заметила выступающие из воды... камни? Сложенные из камней стены?

Я бы спросила у идущего впереди Дэбрэ, но кляп не позволил.

Не знаю, почему я вообще задавалась вопросом происхождения источника, когда меня ждала скорая смерть. Но в голову лезли лишь

такие вот глупости. О вечном я не думала, смерти не хотела, но и не боялась. О родных не тревожилась — с ними всеми я пять лет назад попрощалась. Так что будь что будет.

Великий волшебник Альбус Дамблдор как-то сказал, что смерть — это приключение. И я могла с ним согласиться, ведь уж кому-кому, а мне не стоило отрицать существование души. Моя душа как-то попала сюда, в это тело, значит, точно не умрёт, а уйдёт в другой мир. Так чего волноваться? Если уж этот мир отвергал меня, не желал дать мне шанс прожить тут интересную счастливую жизнь, поищу другой — не такой капризный и привередливый.

Да, разумеется, я боялась. Я ведь не сумасшедшая. Бла-бла-бла в голове помогало не паниковать.

Мы остановились в самом низу, и тогда я смогла оценить высоту обрыва — размером с девятиэтажку, не ниже.

Дэбрэ не предупреждал, но таких «счастливиц», как я, тут было ещё двое: полноватая женщина, на вид — мать семейства, и совсем ещё девочка с веснушчатым круглым лицом лет на пять младше меня. Их тоже одели в белые рубашки до пола, завязали рты, и, как и я, они были простоволосые. Девушка безостановочно плакала, женщина на меня даже не посмотрела. Дэбрэ обменялся с сопровождающими их дознавателями приветствиями.

С той стороны озера раздался звон, будто где-то ударили в колокол. Лодка у причала стояла одна, моя очередь оказалась последней. Первыми к центру озера поплыли та кругленькая рыжеволосая девчушка и её дознаватель.

— Дитера Огю приворожила сына барона Октана. Брак наследника уже был сговорён, но он вдруг начал рассказывать о неземной любви к простой девушке, просил у отца позволения разорвать помолвку со знатной невестой и обвенчаться с любезной его сердцу девицей. Когда ему отказали, потребовали одуматься, он напал на отца — проник ночью в спальню и задушил подушкой. Поняли не сразу, лишь когда, не дав трауру по отцу ни дня, новоиспечённый лорд объявил о приготовлениях к свадьбе. Братьев и мать, которые просили его одуматься, он тоже убил, только в этот раз не скрываясь. Причину его безумия раскрыли быстро — Дитера пыталась бежать, святую воду отвергла, призналась во всём в самых малых подробностях.

Не знаю, зачем он мне всё это рассказал. Хотел оправдаться? Бессмысленное занятие. Меня ждала та же судьба, что и Дитеру, и я не желала понимать справедливость обвинений и строгость закона. Я сочувствовала только ей, сказочка про «богатые тоже плачут» оставила меня равнодушной — я поверила ей в той же мере, как Дэбрэ верил тому, что я ему говорила.

Раздался ещё один удар колокола, и лодка с Дитерой остановилась на середине озера. Какое-то время ничего не происходило, а затем дознаватель, преодолев немалое сопротивление, вытолкнул девушку из лодки.

Её белая рубашка загорелась, как только тело коснулось воды. Я думала, её утопят — но увидела лишь огненную вспышку и белый дым, пошедший над водой. Дознаватель за конец цепи вытащил из воды пустые кандалы — ни следа девушки не осталось.

Я стояла неподвижно, будто меня ударили мешком по голове. Смотрела туда, где совсем недавно стояла уже возвращающаяся в нашем направлении лодка. От Дитеры не осталось даже дыма, вообще ничего.

Со второй женщиной случилось то же самое. От неё тоже ни следа не осталось.

— Они ведьмы, Майри, — сказал Дэбрэ, когда лодка вернулась на пристань уже по мою душу. — А вот кто вы, твердящая о своей невинности, мы совсем скоро узнаем.

Я смотрела в воду, когда мы плыли — видела стайки рыб, водоросли, каменную кладку и полуразрушенные стены, мозаику на полу гигантского затопленного сооружения. Не всё получалось рассмотреть, но, несомненно, это создали люди. Один элемент мозаики показался мне знакомым — часть единственной известной мне пентаграммы выглядела именно так. Я не смогла рассмотреть лучше — Дэбрэ дёрнул цепь, иначе, наверное, я бы выпала в воду, нарушив их церемонии.

Когда лодка достигла центра озера, Дэбрэ прекратил грести и бросил якорь, иначе бы мы и дальше двигались по инерции..

Отсюда уже получалось рассмотреть собравшихся ради моей казни людей. Богатый навес в центре, несомненно, предназначался королевской семье и придворным, выделялся ещё и особой яркостью и пышностью нарядов собравшихся лиц. Люди попроще толпились

вокруг, кто-то из-за недостатка места стоял чуть ли не в воде. Тут были и дети, и старики, и мужчины, и женщины.

Я слышала голос, но не понимала слов — видимо, рассказывали о преступлениях Майри. Рассказ длился и длился, затем голос замолк. Я ждала удара колокола. Поторапливала его. Да, я надеялась, что чудо, как и в бочке со святой водой, меня вновь спасёт, и я избегну участи предшественниц. И одновременно напоминала себе, что смерть — это приключение, и сомневаться в наличии души, а значит, и следующей жизни у меня нет причин. А колокол всё молчал..

И я наконец увидела почему — какую-то девушку, на коленях стоящую у кресел королевской четы, подняли на ноги и увели. За меня просили? Я не знала, кто она, та просительница, но на глазах выступили слёзы. На миг ко мне вернулась надежда, что ещё можно спастись, что остановят казнь, что ни белого огня, ни дыма не будет, я вспомнила, что добрых людей больше, чем злых...

В тот миг, когда колокол зазвучал, Дэбрэ вытолкнул меня из лодки.

Глава 8. Колыбель жизни

Вода в источнике оказалась необыкновенной прозрачности, я и подумать не могла, что тут так глубоко. Этот дурак — а как его иначе назвать? — выпустил из рук цепь-поводок, и я, отяжелённая кандалами, с цепями, не позволяющими с толком использовать ни руки, ни ноги, отправилась в последний путь — ко дну. Не камнем вниз, но похоже.

Барахталась, как могла, старалась задержать погружение, ещё сильнее старалась не паниковать. Кляп во рту не давал вдохнуть — хотя чем в воде дышать, если жабрами природа не одарила? Похоже, несчастье помогло, и именно из-за кляпа я сразу не захлебнулась. Задержала дыхание, как могла била по воде ногами-руками, смотрела вверх. Солнце стояло в зените, поверхность озера превратилась в огромный светящийся круг, единственное тёмное — силуэт лодки, и он всё отдалялся.

Я хотела бы это нарисовать. Именно с этого ракурса. Невероятная красота, совершенная. Мне повезло это увидеть, буду думать именно так, а о прочем — не надо.

Сияющий круг разбился — с лодки в воду бросился человек во всём чёрном.

Даже в сапогах. Нет, ну что же Дэбрэ за идиот! Он же так тоже утонет.

Не утонул. Плавал он хорошо. Добрался до меня ровно в тот миг, когда мои ноги коснулись камней — скользких и ещё более холодных, чем вода здесь, у дна.

Не смотрел он фильмов ни про спасателей, ни про выживание в дикой природе, но — не такой уж и дурак — приплыл сюда с верёвкой. Я пыталась за него ухватиться, пока он меня ею окручивал. Воздуха становилось всё меньше, отчаяния и страха больше. А потом он уплыл — и я смотрела на него, исчезающего в свету, и ненавидела так сильно, так бесконечно за то, что он меня здесь — в этом холоде, темноте, на самом дне — бросил.

Надежда боролась с отчаянием, ненависть с благодарностью: не бросил же. Ведь не бросил?

Он вытянул меня из воды, когда уже всё, воздух кончился. Я лежала на полу лодки, лёгкие горели огнём, тело трясло от холода. Он поцарапал меня, вырывая изо рта кляп, и на ладони, когда я протёрла рот, остались розовые разводы. Живот и бока, даже ноги болели — вытаскивая меня через край лодки, он не церемонился. Дышать удавалось с трудом. Я закрыла глаза. Лицо и так было мокрым, так что моих слёз никто не смог бы заметить.

Смешной человек. Всё пытался поправить мою задрывшуюся до коленей рубашку. Всё тянул и тянул за неё, а затем выругался негромко. Что он там прошипел себе под нос, я так и не поняла. Дэбрэ принялся сдирать с себя сюртук, накрыл мои ноги им — холодным, тяжёлым, мокрым насквозь. Нашёл, о чём позаботиться.

— Снимите эти чёртовы цепи. — У меня голос хрипел, будто я криком горло сорвала.

— У меня нет тут ключей...

О, так значит, когда будут ключи, он отпустит меня? Аллилуйя!

— Как вы, Майри?

Он наклонился надо мной, заставил повернуть к нему голову. Пока он вглядывался в мои глаза, я смотрела на него. Мокрый, он такой... С растрёпанными волосами ему в разы лучше. Ресницы длинные, густые, слиплись пиками. У него карие глаза, а в них — золотистые звёзды.

Очень опасный мужчина. Да ещё и спаситель. И тюремщик. И дурак, из-за которого я чуть не умерла.

— Зачем вы бросили цепь? — спросила я. — Хотели меня утопить?

Он отвёл взгляд, начал отстраняться, и я схватила его за руку — холодную, как и у меня, но широкую, сильную, с круглым следом от зубов на ребре ладони. Я погладила этот след, будто так могла стереть рану с его тела и из нашей памяти. Он бросил на наши соединённые руки такой взгляд, что я мигом его отпустила.

Да уж, умеет он отбрызнуть взглядом. Слова благодарности колом встали в горле, но мне всё же удалось сказать:

— Как бы там ни было, вы спасли меня, и я вас прощаю, Дэбрэ. Не забуду этого никогда, всегда буду помнить. — У меня губы дрожали, и я ничего не могла с этим поделать. — Спасибо.

Он отвернулся, но далеко не ушёл. Да и куда здесь, на этой маленькой лодке.

— Давайте, я помогу вам сесть.

Я смотрела на него: тонкая белая рубашка прилипла к телу — сильному, мускулистому. Ему удивительно шло. Таким он был будто совсем другим человеком. Он выглядел более настоящим, чем до сих пор. Без сюртука и лица — каменной маски он был прекрасен.

После пережитого мне нелегко было даже сидеть на скамье, а он грёб. Благодарение щедрой Вселенной, мы направились не туда, откуда раздавался гул, будто пчелиное гнездо ткнули палкой, а назад, к маленькой пристани.

Там мне предстояло подняться пешком по лестнице приблизительно на девятый этаж, но я не жалела о его выборе. Дэбрэ — единственный человек рядом со мной, и меня это всецело устраивало. Гул сотен человеческих голосов всё отдалялся, и мне становилось всё легче дышать. Я смотрела на лес, на небо, на прекрасные облака, на красивого мужчину напротив. Единственное, куда мне больше не хотелось смотреть — это в воду.

Я могла свободно дышать и дышала всей грудью. Мир казался удивительным и прекрасным. Я была спасена и скоро буду свободна.

А затем моё удивительное, совершенное счастье попытались разрушить.

— Прикройтесь же, наконец, леди Майри, — приказал Дэбрэ более грубым тоном, чем позволял себе когда-либо прежде.

Его лицо покраснелось. Ещё бы — он грёб быстро, размашисто, мощно. Но, оказывается, не только эта причина заставила его покраснеть.

Я опустила взгляд вниз — ого, а холодная вода сыграла с моим внешним видом занятную шутку. Мокрая рубашка всё ещё липла к телу, грубоватая плотная ткань не стала прозрачной, но подчёркивала всё с откровенностью мокрого трикотажа. Моя неголая грудь шокировала Дэбрэ, и я невольно улыбнулась.

— Наденьте сюртук, — сказал он ещё строже.

— Ваш мокрый сюртук? — уточнила я.

— Разве у вас есть другой? — Дэбрэ злился, а мне было ужасно смешно, я не могла спрятать улыбку.

Его чёрный сюртук накрывал мои ноги — Дэбрэ настоял. Холодный, промокший насквозь, тяжёлый — я, как хорошая девочка, послушно натянула его на плечи и подарила Дэбрэ возможность любоваться видом моих лодыжек и даже, о ужас, ха-ха, нижней части голеней. Мокрая рубашка липла к коже, мне никак не удавалось её толком поправить, и я бросила дурное занятие. Пусть смотрит, наслаждается или возмущается — мне всё равно.

Дэбрэ смотрел мне в лицо, взгляда ниже не опускал, а я любовалась прекрасными видами и его жарким румянцем.

До чего же забавно.

И хорошо. Как же ярко я чувствовала своё тело и ощущала всё вокруг себя таким живым и прекрасным. Я словно заново родилась там, в этой страшно холодной воде. Моя жизнь началась в четвёртый раз. Да, именно так, уже в четвёртый. После первого рождения, катастрофы, где погибли все, кроме меня, внезапного попадания в другой мир, здесь, в Лорнском источнике, я могла умереть, а значит, вновь заново родилась. И мне нравилась эта новая, уже четвёртая во втором мире жизнь. Я здорова, уже почти свободна от кандалов, я жива и больше не ведьма, о да!

Леди Майри, Майя, Маечка, пусть тебе повезёт прожить свою лучшую — самую долгую, самую счастливую — жизнь. На удачу я скрестила пальцы.

Глава 9. Подмоченная репутация

Ближе к середине пути наверх я мысленно, а может, и вслух проклинала создателей бесконечной лестницы. Дэбрэ благородно предложил меня понести, а я попросила передышку и уселась на ступеньку ещё до того, как он согласился. Адреналин, всё это время поддерживающий силы, иссяк. Усталость навалилась такая, что у меня ноги дрожали и голова кружилась, даже когда я сидела. Страх ушёл, мне больше не нужно было ни бежать, ни сражаться — и бессонная ночь и все тревобления дня напомнили о себе. Тело стало безвольным, тяжёлым, из него будто вытащили все кости. Сонливость не могли отогнать даже мокрая одежда и холод.

— Вам нельзя сидеть здесь, на камнях, — уговаривал меня Дэбрэ.

— Угу.

— Вставайте, леди Майри.

— Угу. Щас. Одну минуточку... минуточку, хорошо?

Глаза закрывались, я почти спала — и он воспользовался этим, чтобы решить всё по-своему.

Поднял меня на руки и понёс. По чёртовой лестнице. Наверх. Взрослого человека. Да ещё и старался так держать, чтобы не оскорбить мою — Майри — скромность.

«Он будет носить меня на руках» красиво звучит только в любовных романах. С отказавшими ногами, я на своём опыте знала, что носить взрослого человека на руках — это тяжёлый физический труд. Тем более по лестнице, тем более наверх. Обычный холодильник весит примерно столько же, и его несут двое грузчиков, останавливаясь на каждой лестничной площадке и утирая пот со лба, и кляня на чём свет хрущёвки без лифта.

Вернуться в прошлое, когда мне приходилось принимать и оплачивать подобную помощь — да ни за что!

Мгновенно взбодрившись, я потребовала себя отпустить. Мы это обсудили, и Дэбрэ позволил идти мне самой. И я шла какое-то время, переставляла ноги, и ещё, и ещё, и мне вновь больше всего на свете хотелось присесть... Он закинул одну мою руку себе на плечо и помог идти остаток пути, придерживая за талию.

— Позвольте себе принять мою помощь, Майри, даже если мои прикосновения вам неприятны.

М-м? Что? Он говорил что-то странное, и я не стала вникать. Правда устала.

Хорошо, что он меня вёл — иначе, почти наверняка, рано или поздно я бы пересчитала ступеньки той лестницы на пути вниз и получила возможность начать пятую жизнь раньше срока. Так что он меня второй раз за день спас. И как не любить этого человека?

Наверху нас ждал экипаж и двое его людей, и возница. Кроме них и пары лошадей — никого.

Дэбрэ довёл меня до кареты. И там случилось самое желанное чудо — с меня сняли кандалы. Синяки, ссадины и царапины на руках и ногах выглядели не очень, да и болели, но в те мгновения я любила весь мир, и потому всем всё простила — только б больше не видеть этих кандалов никогда.

Я хотела спросить, что мне теперь делать, ведь раз я свободна, то мне нужно куда-то идти. Но Дэбрэ даже не стал слушать мой лепет.

— Забирайтесь внутрь. В первую очередь вам нужно отдохнуть. И переодеться, конечно. Мы решим этот вопрос, я отошлю людей в ближайшую деревню. Вам что-нибудь привезут.

Пока он приказывал освободить лошадь из упряжки и разговаривал со своими людьми, я забралась в карету.

Один из его помощников отправится с поручением, но когда ещё он приедет назад? И мне до тех пор сидеть в мокрой рубашке? Ну нет. На сидении меня ждал плед — вот в него я и переоделась, приспустив занавески на окнах кареты.

Вижу, та же светлая мысль пришла в голову и Дэбрэ. С ним поделился одеждой второй из охранников. Я заметила из окна, как Дэбрэ снимает с себя рубашку, и откинулась на спинку сидения. Он странно относился к наготу, любому намёку на неё, и не стоило за ним подглядывать даже случайно.

Поджав под себя замёрзшие ноги, я удобней устроилась на сидении. Затем сползла по спинке вниз, опёрлась на руку. Но до чего же хотелось прилечь. Места тут, конечно, совсем мало. Я повернулась и так, и этак — устроилась как-то. Я лежала, видела в окно кусочек неба, плывущие облака, колышущуюся на ветру ветку берёзы. Листья

— то чёткие, тёмные или ярко блестящие на солнце, то расплывающиеся в месиво акварельными пятнами.

Самое главное — я могла это видеть, я жила, и я была бесконечно счастлива и благодарна за подаренный мне судьбой — и Дэбрэ — шанс начать всё сначала.

— ...Вам туда нельзя! Нет, вы не можете сейчас её видеть! Она не готова к визитам.

Я, наверное, заснула. Теперь голова страшно болела, а рядом с каретой кто-то кричал. Ну, выяснял отношения на повышенных тонах, так будет вернее. И один из выясняющих, несомненно — Дэбрэ. Он кого-то ко мне не пускал, кого-то весьма настойчивого. Виконта какого-то там.

Я села, плед сполз с плеча, да и ноги оказались частично обнажены — Дэбрэ бы такой вид не одобрил, наверняка бы сказал: «Прикройтесь, наконец, леди Майри». Так что мне стоило закутаться поплотней, а затем выяснить, кто и почему там кричит.

И в этот миг дверца кареты открылась, но с другой стороны — там, где всё было тихо. Оттуда на меня смотрел человек — несомненно, богатый, обладающий властью и не самым лёгким характером. Мужчина лет пятидесяти в роскошной одежде красиво седеющий несколько секунд молча смотрел на меня, а затем отступил на шаг и захлопнул дверь так резко, будто хотел её сломать. Я даже не успела прикрыться. Он мне ничего не сказал, хватило и взгляда, чтобы почувствовать себя с головы до ног облитой помоями.

Они тут что, все сумасшедшие? Сразу во фраках и бальных платьях рождаются? Я могла бы поклясться, что его возмутил мой внешний вид — в одном пледе, да ещё и неплотно закрученном.

— Вилар, — раздался громкий властный голос, и я сразу поняла — это говорил тот человек, — иди за мной. Мы уезжаем. Нам здесь ничего делать.

Теперь я слышала всё — дверь хлопнула, но не закрылась, и через щель внутрь кареты проникал свежий воздух, и звуки вокруг стали намного отчётливей.

— Но, папа. А как же Майри? Разве можно оставить её с этим человеком?

— А кто такая Майри? Я не знаю такой. И никто из нас больше не знает.

Ого. Дэбрэ говорил, что друзья и семья отреклись от меня. И, кажется, это как раз родственники явились сюда, по мою душу. Или уже нет, и больше я им не нужна?

— Папа, но ведь она доказала, что не совершала тех преступлений.

— Может, и так, но девушка с подмоченной репутацией никогда не войдёт в мой дом... Вилар. — Мужчине хватило всего одного слова, произнесённого с явной угрозой, чтобы сломать нежелание подчиняться себе.

Я видела в окно — они ушли вместе: сидящий мастодонт и его сын — высокий блондин в не менее роскошной одежде. Отец и брат Майри? Ничего себе. На моего отца этот человек не походил совершенно — небо и земля, мой отец и вот этот, брызгающий слюной повелитель Вселенной.

Дэбрэ негромко постучал в дверцу кареты.

— Леди Майри, я могу вас увидеть?

— Да, — сказала я, поправив на себе злосчастный плед.

Не уверена, что хотела бы иметь дело с такими людьми, но оказаться отвергнутой, да ещё и названной «девушкой с подмоченной репутацией» — м-да, не лучшая ситуация. А с другой стороны, после той грязной тюрьмы, да и после тюрьмы из изломанного тела, всё это — пыль.

Дэбрэ долго смотрел на меня, не заходя в карету, вздохнул тяжело. Затем положил сверток рядом со мной на сидении.

— Жаль, что вы не успели переодеться до того, как здесь появилась ваша семья. Герцог Виндарский отказался вам помогать. Я сожалею.

— Он мой отец?

Дэбрэ кашлянул и потёр горло. Даже для него близкое знакомство с холодной водой не прошло даром. И они хотели, чтобы я тут сидела во всём мокром? Ну что за идиоты.

— Названный отец. Герцог Виндарский принял вас в свой дом и воспитывал, будто собственную дочь. Вы разве не помните?

— Я же говорила, что не помню вообще ничего. — Я взяла в руки свёрток. Похоже, там было платье — нормальное, а не тот ужас с тысячько юбок. — Спасибо большое.

Значит, между нами нет кровного родства. Быть дочкой герцога, конечно, поприятней, чем просто девушкой, тем более с «подмоченной репутацией», но нет. Я даже на секунду не расстроилась, что потеряла «счастливую» возможность общаться с людьми, отказывающимися от других из-за голой коленки.

— Я переоденусь, Дэбрэ. Смотрю, вопрос одежды тут слишком многих волнует, будто не все мы пришли в этот мир совершенно без ничего.

Он открыл рот, как если бы собирался что-то сказать, а затем поклонился мне — это случилось впервые — и закрыл за собой дверь, предоставив мне необходимое уединение.

Если честно, то я, конечно, расстроилась из-за герцога. Но только самую малость.

Мне привезли длинную рубашку из мягкого хлопка. Шерстяное платье с нормальными рукавами. И даже косынку. Они не позаботились о белье, но винить помощника Дэбрэ не хотелось. Особенно потому что в свёртке оказались ботинки — невысокие, с завязками, и идеально подходящие мне по ноге. А ещё там был гребень!

Глава 10. О лесах и лисах

Дэбрэ сообщил, что мы возвращаемся в крепость-тюрьму. О том месте у меня остались не самые приятные воспоминания, но Дэбрэ пообещал помощь, а ещё напомнил, что в крепости остались мои вещи. Мокрое грязное платье — не причина, чтобы желать вернуться в тюрьму, но, оказывается, в крепости, в специальном сейфе находились драгоценности Майри. Они были на ней, когда её арестовали — да, я верно догадалась, это случилось во время королевского бала.

По словам Дэбрэ, пройдя окончательное испытание Лорнским источником, я доказала свою невиновность и теперь свободна. Дознаватель — не лучшая компания, как и тюрьма — не лучшее направление пути, но Дэбрэ оставался одним из немногих людей, которых я здесь знала. И он предложил помощь — разумеется, я согласилась.

Так что да, мы отправимся назад в крепость, но только через пару минут.

Желание ненадолго отлучиться я сформулировала предельно корректно и обтекаемо. Можно сказать, дула на воду, ну мало ли — после истории с герцогом и голой коленкой в чём и ком угодно увидишь подвох. Дэбрэ на мои витиеватые объяснения только кивнул, и я ушла в лес, в ту сторону, где деревья и кустарники росли гуще. Впереди нас ждал долгий утомительный путь, и не лишним было к нему подготовиться и физически, и морально. Да и не давала покоя мысль: когда ещё доведётся подышать свежим воздухом, полюбоваться на лес. Вот так я и подарила себе по-настоящему счастливые десять минут.

Или чуточку больше.

Меня устали ждать. Помощники дознавателя звали-кричали, а я отвечала: «Иду-иду!» — и оставалась на месте.

За пышными кустами жимолости нашлась полянка с земляникой. Удержаться я не смогла, собрала несколько горстей красивых и ароматных ягод и всё съела. С земли, не помыв — ну а что? Вкуснотища необыкновенная, и приправа к ней самая лучшая — голод. Ещё бы не проголодаться, последний раз я ела ещё до рассвета.

— Майри, вы идёте? Или мне прийти к вам? — к взывающим к моей совести присоединился Дэбрэ, и я наконец оторвалась от лесного пиршества.

— Уже иду.

От самых тёмных и сладких ягод на руках остались красные пятна, и я могла лишь надеяться, что не измазала рот. Зеркала не было, убедиться, что всё в порядке, я не могла — ну и ладно. Волосы, одеваясь, я точно так же собрала — на ощупь, и подвязала в хвост, воспользовавшись косынкой. И в том случае, и в этом — с предположительно пятнистым лицом — решила: и так сойдёт.

Я шла по лесу, с лица не сходила улыбка. У меня руки пахли земляникой, а от свежего чистого воздуха кругом шла голова. Каждый шаг по земле ощущался как маленький праздник. Под подошвами ботинок приминались мох и трава, ломались сухие веточки, шуршала опавшая листва и хвоя — мои ноги исполняли для меня самую прекрасную в мире симфонию. Я могла бы идти так целую вечность, но, увы, вышла к грунтовой дороге и карете на ней разочаровывающе быстро.

Дэбрэ хмурился, поджидая меня, но, когда увидел, его взгляд потеплел — ну так, на полградуса, возможно, лишь в моём воображении.

— Теперь вы готовы отправиться? — спросил он сухо, и я кивнула. — Тогда прошу в карету, Майри.

Дэбрэ называл меня то просто Майри, то леди Майри — интересно, от чего зависел выбор обращения? Сейчас мне казалось, что «леди» из его речи исчезло из-за простой одежды на мне. Я выглядела как крестьянка, поэтому? Не знаю, но о том пышном платье я совсем не жалела. Новое единственно оказалось длиной в пол, но в остальном — вполне удобным и по размеру, без кучи юбок слоями, а с одной лишь тонкой рубашкой.

День становился всё жарче, и в такую погоду даже представить себя в том многослойном платье-торте казалось пыткой. А ведь придворные дамы именно в таких и ходили — добровольно издевались над собой ради красоты. Я видела из лодки: они все там разоделись, будто не казнь собрались смотреть, а на бал — прихвастнуть нарядами и блестяшками.

Похоже, они все тут немного помешаны на одежде. Дэбрэ, кажется, было несколько неловко в своей. Ему тоже кое-что привезли из деревни, и он переоделся, пока я гуляла. Новый наряд был ну просто wow, обалденным. Дэбрэ очень шло, сразу делало его моложе, раскованней, легче.

Я бы поспорила на немалую сумму, что его помощник решил если не подшутить, то узнать, наконец, как начальник выглядит не в исключительно чёрном. И именно потому теперь Дэбрэ красовался в светло-серых брюках, светлой рубашке и щедро украшенном жилете жемчужно-серого цвета. Чёрные сапоги к наряду не подходили, но в остальном он выглядел wow.

Вот честно. Вряд ли единственная возможность добыть вещи для начальника — это ограбить запасы местного модника... Я наклонила голову к плечу. А что, забавная мысль, но ведь вполне может быть, что на Дэбрэ самая нарядная и красивая одежда какого-то крестьянина. А что это может быть? Ну конечно же костюм для свадьбы!

— Вы выглядите очень хорошо в светлом, — заметила я. — Чёрный всегда так строг и мрачен, а светлое придаёт беззаботность и лёгкость. Вам светлое очень к лицу. Когда вы в этой одежде, то видишь в первую очередь привлекательного мужчину, а не сурового дознавателя.

Дэбрэ даже не подумал улыбнуться — нахмурился ещё сильнее. В полном молчании, никак не отреагировав на комплимент, он помог мне забраться в карету. Повисшее между нами напряжение тревожило. Я всего лишь попыталась быть милой с ним, но, кажется, попала впросак, когда хотела совершенно иного. Всё же он единственной человек, который вызвался обо мне позаботиться, и я хотела наладить с ним отношения.

Даже худой мир лучше доброй ссоры. А мы не ссорились, ситуация поставила нас по разные стороны. Его мрачный вид мне не нравился. Я что, вновь нарушила правила поведения? Высказалась неудачно, или женщины комплименты мужчинам тут не говорят?

Когда он занял своё место напротив, я сказала:

— Я чем-то обидела вас? Простите, я не хотела. Прошу, принимайте все мои слова за чистую монету, не ищите в них подвох или второе дно. Я искренне благодарна вам за спасение, за помощь, за одежду, которая на мне. Я действительно считаю, что светлое вам идёт,

и имела в виду только это. Я бы хотела, чтобы вы перестали видеть во мне врага, и надеюсь, что мы будем свободно общаться, хочу заслужить вашу дружбу.

— Хотите видеть во мне друга, леди Майри?

Вот вроде простой вопрос, а тон у Дэбрэ такой и выражение лица, что прямо чувствуешь, как под ногами трещит лёд, и вот-вот рухнешь в ледяную воду. Я бы даже нарисовать эту эмоцию на его лице не смогла, так скудно она проявлялась. Но если постараться, присмотреться внимательно, то да, его чувство удалось бы заметить. Оно крылось в уголках глаз, изгибе губ, чуть приподнятой левой брови. Картину я бы назвала «Недопрезрение». Дэбрэ не хватало чуть-чуть до презрения и вспышки безобразного гнева.

Всего лишь интуиция, но я поверила ей. Почему-то показалось, что я стою у края пропасти. Некоторые линии лучше не переходить, даже если не знаешь, по каким причинам они существуют, и сомневаешься, не воображаемая ли опасность. Я постаралась вернуться на твёрдую почву — туда, где Дэбрэ всего лишь хмурился из-за задержки, а не злился из-за неудачного комплимента.

— Я не знаю, чем обидела вас. Простите меня, если можете. Если мы до моего ареста были знакомы, если я что-то плохое сделала вам — простите меня. Я не помню, в чём провинилась, и были ли мы знакомы — не знаю. Для вас это звучит странно, наверное, но поверьте: я вчера словно заново родилась. Сегодня вы спасли меня. Из всех людей на свете мне знакомы только вы, принц Антуан, маркиз и несколько ваших людей, которых я помню в лицо. Больше никого. Из всех этих лиц вы, Дэбрэ, кажетесь мне лучшим человеком. Вы сделали для меня так много. Конечно же, я хочу вашей дружбы и покровительства...

Его лицо порозовело, будто он сдерживал гнев или смущение.

Как же с ним сложно. Я словно ходила по тонкому льду с завязанными глазами и в скользкой обуви.

— Если сейчас я неверно выразилась, то простите меня. Я всего лишь надеюсь на ваше хорошее отношение. Я попала в беду, не помню никого, не знаю, кем я была. Я не слишком хорошо помню правила этикета. Кажется, я нарушаю их одно за другим. Но услышьте меня. Я ни на что не намекаю, говорю только прямо. Пожалуйста, Дэбрэ. Мне действительно нужна ваша помощь и дружба.

Он слушал молча, смотрел на меня, будто на врага. И чем тяжелей становился его взгляд, тем сильнее я подозревала, что мы не только преступница и дознаватель.

— Нас связывали личные отношения? Пожалуйста, ответьте мне. Не хотелось бы случайно ранить вас...

— Замолчите.

Карета тронулась. Я молчала, глядя в окно.

— Когда-то я уже допустил ошибку, — сказал Дэбрэ, и я повернула к нему голову. — Ваши слова казались столь же убедительными, искренними. Вы точно так же складывали руки и прижимали их к сердцу. Ваши глаза точно так же блестели, словно готовые пролиться слезами. Вы называли меня привлекательным мужчиной, единственным, на чью помощь вы могли положиться. Мое происхождение не пугало вас, ведь вы тоже родились в бедной семье. Вы искали моей дружбы с настойчивостью лисы, пытающейся пробраться в курятник.

— И что же случилось? — спросила я, когда поняла, что продолжения не последует.

— О своей неискренности вы очень, очень, очень, очень и очень пожалели. Не повторяйте своих ошибок. Я никогда не поверю вам. Даже если вы и правда не помните ничего, лиса остаётся лисой, даже когда меняет зимнюю шубу на рыжую летнюю.

Глава 11. Мечты-фантазии

Дэбрэ ясно дал понять, что я — ведьма. То есть уже не ведьма в их понимании, но в нашем — о, да. Злая женщина, окрутившая и соблазнившая мужчину ради своих целей. Я спросила:

— Вы не хотите мне всё рассказать?

Ни отказ, ни его резкий тон меня не удивили, но и радости не добавили. Конечно, стоило бы всё разузнать о его отношениях с Майри, а с другой стороны, это как лезть в чужую переписку. Это их личное, не моё дело. Да и Дэбрэ не тот человек, у которого можно требовать подробности. Нет уж, не хочу с ним ещё и из-за этого ссориться, у меня не девять жизней в запасе.

Я ещё раз уверила его, что говорю искренне, и нарвалась на неприятную усмешку.

Как же жаль.

Дэбрэ, конечно, не образец рыцарского поведения... Хотя почему нет? Он спас меня. И вёл себя благородно. Другой бы выместил зло на враге, попавшем в его власть, да ещё и имея разрешение делать с ним всё, вплоть до сдирания кожи. Или он мог окончательно отомстить, всего лишь не став спасать — утопив меня в Лорнском источнике. И никто — я уверена в этом — ему бы ничего не сказал: одной ведьмой больше, одной меньше. А он накрывал мне ноги своим сюртуком и, позволь я, тащил бы на руках наверх по той жуткой лестнице.

Он находил моё поведение вызывающим. Он едва сдерживал гнев, а не смущался, когда я... Да не делала я ничего такого уж, чтобы видеть во мне непонятно кого. Не делала! Но он думал, что я его вновь соблазняю.

Интересно, у них с Майри дошло до постели?

Чёрт! Да не хочу я этого знать!

Да что тут знать. Он так трогательно охранял мою скромность, что нет сомнений — не было ничего. Он собирался вернуть семье непорочную деву, а вышел конфуз, и исключительно по моей вине. А также потому, что мой приёмный отец — герцог Как-его-там, вроде на «В» — человек с гнилым сердцем.

Дэбрэ может не захотеть общаться с женщиной, которая уже причинила ему боль. Если так — очень жаль, насильно мил не будешь. Он хороший человек, но — всё же — не единственный на земле.

Временами он мне нравился, и даже без всяких почти что, но я смогу прожить и без него.

В жизни Майри наверняка были и другие люди — родные, близкие, друзья и знакомые. Дэбрэ говорил, что все отвергли Майри, но сейчас-то я не преступница. И если кто-то отвернулся только из страха (или вопиющей глупости, как герцог Как-его-там), то бояться этим людям больше нечего. Друг познаётся в беде, но я не стану отказывать тем, кто захочет вернуться в жизнь Майри. Время всё расставит по местам, так всегда случается — нечего торопить его отказами и излишней категоричностью.

Когда попадаешь в сложную ситуацию, то каждый из окружения показывает себя. Никогда не узнаешь заранее, кто друг, а кто так, на поболтать за чашкой кофе. Хочется отказаться, больше вообще не видеть всех тех, кто не поспешил прийти на помощь, но нет, такой ошибки я больше не допущу. Отказывать всем, кто не на все сто идеальный человек — глупость. Иначе может оказаться, что и кофе будет не с кем попить.

Ну а если говорить о настоящих друзьях, то та девушка просила за меня у короля с королевой — скорее всего, в ней я найду того человека, на которого можно положиться. Ну а если нет, и никто вообще не захочет мне помогать, то остаются драгоценности — живые деньги, на которые можно снять или даже купить жильё. Скромный домик с хотя бы небольшим садом... Мечты-мечты. Ладно, там разберёмся. На семье герцога Как-его-там и Дэбрэ мир не заканчивается — нечего унывать.

Я смогу со всем справиться и сама, без чьей-либо помощи. Но помощь, конечно, не помешает. И терять Дэбрэ я не хочу. Я буду пытаться заслужить его доверие. Но если он раз за разом будет меня отвергать, со слезами на глазах за ним не побегу.

— Учитывая нашу историю, о которой я совершенно не помню, — осторожно сказала я, — вам, наверное, неприятно видеть меня и заботиться обо мне. Есть ли возможность порекомендовать меня другому? Возможно, есть человек — мой друг или родственник, или, не знаю, учитель, который мог бы позаботиться обо мне...

Я бы ещё долго терзала наш слух многочисленными «наверное», «если бы» и «не знаю», но Дэбрэ прервал меня. Не думаю, что его преподаватель этикета был бы им доволен. С другой стороны, стараться не оскорбить — тот ещё квест, когда ты не можешь предположить реакцию на самые простые слова.

Ничего обидного я, кажется, не сказала, но он разозлился. Старался сдержаться, не показать гнев, но Дэбрэ, с его лицом-маской, не так уж сложно читать.

— Вы предполагаете, Майри, что я не смогу как следует позаботиться о вас? Или думаете, я воспользуюсь властью, которую даёт мне ваше незавидное положение?

Ох. А он умел загонять жертв в угол. Он заставил меня говорить «нет», «нет» и «нет», чтобы в итоге получить:

— Да, я согласна ехать с вами туда, куда вы скажете. Вы можете мне не доверять, но я вам доверяю.

Сколько в моих словах правды — не знаю. Он давил на меня, и хотелось вывернуться, ускользнуть из-под его тяжёлой руки. Если бы я была настоящей Майри, то, скорее всего, ни за что бы не приняла его помощь. Но меня толкали к нему не только обстоятельства, незнание мира, людей, но и любопытство. И тайны «моего» прошлого, и азарт — смогу ли изменить к себе отношение.

— Вот и отлично, — он откинулся на спинку сидения и скрестил руки на груди. — Может быть, поедим? Франк привёз из деревни не только одежду, но и корзинку с едой. Уверен, что вы проголодались. Земляника, конечно, вкусна и полезна, но вы не смогли бы насытиться ею, как бы ни старались.

Вот же! Значит, на моём лице всё-таки остались пятна от земляничного сока, и я вот такая — красавица, да — сидела перед ним всё это время. А он моей невольной неловкостью наслаждался. Вот же му... мужчина мечты.

Еда оказалась отменной — вкусный, несколько мутноватый напиток и пышные пироги. Он сказал — это пиво. Извинился за то, что мне приходится пить столь неблагородный напиток. Я покивала и подставила ещё кружку. Местное пиво не походило на то, оставшееся в прошлой жизни. Оно было лёгким, ароматным, с приятной кислинкой.

— Мне всё нравится, перестаньте переживать.

— Я не переживаю.

— Ага. Это я так, выразилась неудачно. Будете ли вы шокированы, если я прилягу вот тут, на скамье? Насколько такое поведение непристойно?

— По десятибалльной шкале — примерно на восемь, — ответил Дэбрэ.

Я рассмеялась.

— Ого. Значит, мне ещё есть, куда падать. Спасибо, что не отговариваете меня.

Я лежала, смотрела на проплывающие в вышине кроны деревьев, облака, танец зелёного, синего, белого. Фрагмент окна многое увидеть не позволял, но мысль в голове крутилась всего одна: «Какая красота. Красота невозможная».

— Куда вы везёте меня? — спросила я, резко повернувшись, и застала Дэбрэ за разглядыванием. — Тот дом, о котором вы упоминали — он ваш?

— Да. Подарок короны. Это небольшой дом с садом. Там тихо, уединённо, там вы сможете прийти в себя, и мы решим, что делать дальше. Мой статус не позволит трактовать ваше пребывание у меня как нечто непозволительное. Мы даже оформим бумаги.

— М-да? И о чём же они?

Он смотрел на меня с таким странным выражением, которого я ещё не видела у него. Так кот смотрит на мышь... Хотя нет, всё же нет, не так однозначно. Но я явно видела в нём предвкушение. Дэбрэ хотел мне помочь так же сильно, как я хотела принять его помощь — но если, конечно, она придётся мне по душе.

— Вы будете моей заключённой. Под домашним арестом. Тогда никто не посмеет осудить вас за жизнь в моём доме. Никто никогда не задаст лишних вопросов.

— А какая причина моего заключения? Я думала, что свободна. Лорнский источник ведь уже доказал, что я не ведьма.

— Но вы ею были — это несомненно. Должны же мы узнать, как вам удалось меня обмануть.

Я приподнялась на одном локте.

— Вы опять за своё?

— За своё, — ответил он резко. Его лицо... Хм.

Я вновь легла. Улыбнулась, глядя на кусочек синего неба, а затем закрыла глаза. Мысленно я рисовала его лицо, и в его выражении

никто бы не обманулся — там жило равнодушие, даже страсть. Он так хотел доказать свою правоту? Сомневаюсь.

— А вы не пострадали, Дэбрэ, спасая меня?

— Что вы имеете в виду, Майри?

— Ваша репутация не пострадает?

— Моя?

Он так комично изумился, что я рассмеялась.

— Сначала вы доказали, что я — ведьма. Затем источник и я вас опровергли. Вас не ждёт наказание за плохо выполненную работу?

— Ах, вы об этом. — Дэбрэ недолго молчал. — Раньше уже такое случалось. Вы не первая, леди Майри, кто избежал наказания за совершённое преступление.

— Тогда почему вы так удивились? — я спрашивала, не открывая глаз.

— Такого не случалось уже лет двадцать, наверное. А до того — да, бывало. Потому ведьм не казнят, как других, отсечением головы, а отдают божественному провидению.

— А те, другие, что были до меня, они что говорили?

— Им не так повезло, как вам. Их поразило безумие.

— Да? — я затаила дыхание. — А во мне вы не видите подобных следов?

На Дэбрэ я не смотрела. Старалась выглядеть сонной, беспечной.

— Ну, вы ведь не рассказываете мне про другие миры, где повозки двигаются без лошадей, а по небу летают железные птицы — возят людей. Или вы хотели бы поделиться со мной такими рассказами?

— Думаю, я воздержусь от столь нелепых фантазий. Лучше расскажите мне ещё про дом и сад. Кто в нём живёт?

— Только я и прислуга.

Вот и хорошо. Значит, у меня будет много времени для изучения этого мира.

А пока, Майя, помни: будь очень осторожной, своих тайн никому не доверяй. Ты ничего не помнишь, не знаешь и даже не догадываешься. Ты, Майя — потерявшая память Майри, а пиво, кстати — очень коварный напиток.

Глава 12. Вопросы этикета

Мы, кажется, уже какое-то время стояли — навевающее сонное настроение покачивание прекратилось. Умиротворяющий стук копыт и поскрипывание кареты тоже стихли, и разбудила меня, похоже, полная тишина. Мне ничего не снилось, и вспомнила я обо всём случившемся сразу. Глаза не спешила открывать. Сначала прислушалась, но не услышала ничего, даже звука чужого дыхания.

Неудивительно: Дэбрэ ушёл. Но оставил мне кое-что, что сразу же заставило о нём вспомнить. Под головой я нашла несколько раз свёрнутый жилет — тот самый, часть крестьянского свадебного наряда. Судя по тому, как он измялся на местах сгибов, подушкой ему пришлось служить немалое время. Я расправила ткань, погладила искусную вышивку. Какая красивая вещь. Всего лишь моя догадка, но хотелось верить, что за этой красотой скрывается прекрасная история любви.

Затем я представила, как Дэбрэ снимает жилет, сворачивает, подкладывает мне под голову — и невольная улыбка тронула губы. Небольшое проявление заботы, не великий подвиг, а всего лишь красивый жест, но ведь уже далеко не первый от него по отношению ко мне.

И да, я замечала его галантность. Ещё бы.

Какая женщина осталась бы равнодушной к подобным поступкам мужчины? О, я могла ответить: страстно влюблённая в другого, счастливо замужняя или не видящая в себе женщину по любой из причин: неподходящий возраст, болезнь, душевная травма.

Ничего из названного мне больше не подходило, и я никак не могла уговорить себя быть равнодушной. Напоминала себе, что он опасный человек и между нами стоит прошлое Майри. Что бы ни говорила себе, а жилет, ставший на время подушкой, всё не выходил у меня из головы.

Доброта всегда привлекательна, так что думать в таком ключе о Дэбрэ лишний раз не стоило. Так им и увлечься недолго.

Во влюблённости ничего плохого нет. Но не для меня. Не сейчас, не время мне увлекаться. Стою всего одной ногой в этом мире, не знаю

о нём ничего. О нём — это и о мире, и о мужчине, который, несомненно, заслуживает внимания, но и опасен.

Для меня Дэбрэ очевидно опасен. Есть вероятность, что он понимает, что делает, что делает так специально, приручая меня мало-помалу — этакий волк в овечьей шкуре. Дознаватель в крестьянском свадебном костюме — а что, очень похоже.

Я вздохнула и отложила свёрнутый жилет в сторону — к пледу, которым накрыл меня, понятно, тоже Дэбрэ.

Нет-нет, с ним мне всегда надо быть настороже. Не очаровываться, чтобы потом не разочароваться. Узнать больше, а не прыгать в омут с головой.

В прошлой жизни у меня не было ни одного шанса на счастье. Даже если кто-то захотел бы разделить со мной одиночество, то я бы его прогнала. В Франкенштейнов не влюбляются, их используют. О любви я могла только мечтать и мечтала, читая запоем романы. Они уносили меня в другие миры, где не было ни следов катастрофы, ни боли. Я никогда не фантазировала всерьёз о побеге в подобный мир, но это случилось. И в первый же день здесь я встретила вот такого мужчину — мечту. Ну, почти. Не милого принца, а сурового дознавателя.

Постараюсь лишний раз не думать о нём — так и выскользну из ловушки, в которую загоняет меня он (что лишь возможно), или это делаю я сама (кто б сомневался).

Наступили сумерки, солнце уже село. Снаружи в карету всё ещё проникал серый свет уходящего дня, но темнело быстро.

Мы находились в крепости, стояли там же, где и ранним утром. На мне больше не было кандалов и цепей, и в тюрьму меня никто волоком не тащил — в общем, не зря я Дэбрэ доверилась, имела право себя похвалить. Всё же немного научилась читать людей: он неплохой человек, излишне властный, правда, но его обещаниям, кажется, можно верить.

Поймала себя на мысли, что вновь думаю о Дэбрэ, и усмехнулась. Быстро же я выбросила из головы обещания не думать о нём.

Он вскоре вернулся, держа в руке небольшой фонарь. К моему разочарованию, он переоделся и, разумеется, в чёрное. Я же осталась в крестьянском платье и всё, что успела, пока ждала, — расчесала волосы и заново их подвязала косынкой.

Дэбрэ предложил мне посетить крепость — совсем ненадолго. Я отказалась. Он вновь повторил приглашение, но я сказала: «Нет-нет-нет, что вы, я ни за что не вернусь туда!» — и только потом, когда карета тронулась, когда выехали за ворота, поняла, что он, наверное, таким способом предлагал мне сходить в туалет. Очень вовремя поняла, м-да, но момент оказался упущен. Сказать повернуть назад я не могла, так что следовало набраться терпения.

— Нам долго ехать? — спросила я. Коварное пиво как раз решило напомнить о моей несдержанности за обедом.

— Меньше часа.

Я побарабанила пальцами по колену. Меньше часа я точно могла потерпеть. Просить остановить сейчас карету — м-м, нет! Не хотелось позориться перед ним. И хотелось сделать рука-лицо с самой себя. Открыть рот и попросить остановиться ненадолго я так и не смогла. И это после всех размышлений о том, что о Дэбрэ мне следует думать поменьше.

Кстати, о нём. Дэбрэ в свадебном наряде и Дэбрэ в чёрном ходили друг на друга, как ангел и демон. У Дэбрэ в застёгнутом на все пуговицы строгом сюртуке даже взгляд стал тяжелей и опасней. Очаровываться им таким хотелось в разы меньше — хоть одно хорошо.

Мы ехали в молчании, и время ужасно тянулось. Обещанный дом с садом, кажется, не приближался, а отдалялся от нас. Что-то с этим следовало сделать.

— В вашем доме, он, вы сказали, скромный, совсем небольшой, для меня найдётся отдельная комната?

Дэбрэ сдавленно кашлянул.

— Я не хотела вас оскорбить, — тотчас сказала я, — но почему-то волнуюсь. — Потёрла кожу чуть ниже ключиц. — Как-то мне не по себе.

Внутри и правда стремительно разгоралось ощущение, что я допускаю ошибку — интуиция проснулась в самый неподходящий момент. А до того что делала? Видно, крепко спала вместе с сообразительностью и пивом.

— У вас будет своя комната, но без личной горничной вам придётся обойтись, — сказал Дэбрэ. — Это скромный дом, и всё хозяйство ведёт экономка. Софи со мной много лет, она женщина

уважаемая, добросердечная, она поможет вам во всём — в том числе и как горничная. Обижать её я вам запрещаю.

— Вы считаете, я стала бы её обижать?

Он не ответил, но его молчание показалось мне весьма красноречивым. Эта Майри что, ни в чём не могла повести себя как нормальный человек? Везде и во всём надо было показать себя ведьмой?

— Я буду вести себя мило с госпожой Софи, — пообещала я, и Дэбрэ приподнял брови.

— Собираетесь называть Софи госпожой?

Чёрт. И снова впросак. А я ведь старалась! Но не сдаваться же из-за того, что я не знала элементарных вещей.

— Разве такое обращение может кого-то обидеть?

— Софи, разумеется, нет. Думаю, она будет польщена. А вот я — да, меня ваша избирательная вежливость, несомненно, оскорбит и обидит.

Что?

Дэбрэ ответил на произнесённый вопрос:

— Всё это время вы зовёте меня по фамилии, не упоминая титул, ни называя даже господином. Ваша вежливость будет распространяться только на экономок и принцев, мне её никак не заслужить?

Чёрт-чёрт-чёрт.

— Простите. Вас так назвал принц и... Сожалею, но я даже не подумала, что должна обращаться к вам иначе.

— Дознаватель Дэбрэ. Я помню, как вы меня называли. Хоть от этого отказались, уже спасибо.

Кажется, я не просто попала впросак, а целые сутки топталась по чужим большим мозолям. Ну молодец, ну вот просто... Но он тоже хорош!

— А вы не могли сделать мне замечание раньше? Буду откровенной: я думала, что Дэбрэ — это имя. Как принц Антуан, только, — я кашлянула и потёрла горло, — не принц.

Уж конечно, не принц! Дэбрэ же сказал, что родился в бедной семье.

— Виконт Дэбрэ. Виконт Дамиан Дэбрэ.

— Но принц называл вас по фамилии...

— ...как прислугу, всё верно. Чтобы указать на моё низкое происхождение. Титул мне пожалован королём. Некоторые люди, такие как принц Антуан, не могут удержаться от желания подчеркнуть разницу между лордами с родословной и дерзкими выскочками.

— А вы не можете удержаться от желания поставить их с их желаниями на место, — сказала я. Ой, зря. Ну вот зачем?

Дэбрэ усмехнулся.

— А вы неплохо изучили меня.

Он не разозлился. Отлично.

— Я была потрясена тем, как вы спорили с принцем, виконт. Я бы даже сказала, грубили ему. Вы явно показали ему, что считаете вас равными. И никто с этим фактом не спорил.

Дэбрэ скрестил руки на груди, улыбнулся уголками губ, но глаза остались холодными.

— Вы быстро учитесь. Сообразительны. Используете и свою красоту, и ум, и бойкий язык, чтобы свести мужчину с ума. Вы смотрите на меня с таким восхищением на лице, с блеском в глазах, что, даже зная вас, вам хочется верить.

О чёрт. Он делает это снова!

— Я всего лишь хочу быть милой с вами, виконт Дэбрэ. Хочу вашей дружбы. Я ведь уже говорила.

— Поверьте, я это понял. Вы и правда весьма милы. Если захотите быть ещё милее, то называйте меня Дамиан.

Я наклонила голову к плечу, разглядывая его со всем вниманием. И знаете, что видела — захлопнувшуюся ракушку, которую даже ножом не раскроешь. Руки себе испоганишь, собственной кровью обольёшься — и это всё, что получишь в итоге.

Так и хотелось спросить: в моих обстоятельствах насколько по десятибалльной шкале непристойно называть мужчину, в доме которого я буду жить в качестве заключённой, только по имени? И что-то подсказывало: на одиннадцать — самое малое.

— Всё это время вы называли меня по имени. Майри — я слышала от вас много раз. И очень редко вы называли меня леди.

— Когда-то мы с вами были настолько дружны, что вы просили меня быть вашим самым близким другом и разрешили, даже настаивали на том, чтобы я называл вас только по имени.

Он так улыбнулся, что даже мне — Майе, не Майри — захотелось его ударить.

— Майри, — произнёс он тягуче.

Как имя может звучать оскорбительно? Ему удалось.

— Думаю, так как я не помню наше с вами общение, нам следует вернуться к общепринятым правилам. Я отзываю своё разрешение. Называйте меня так, как велит вам ваша совесть и воспитание, виконт Дамиан.

Я даже не поняла, почему карета остановилась.

— Мы прибыли, леди Майри, — сказал Дэбрэ.

Я выглянула из окна кареты. И вот это он называл скромным домом с садом? Вот уж правда, мужчина мечты, виконт Дамиан.

Глава 13. Милый дом

В свете встающей луны двухэтажный белый особняк показался мне менее всего напоминающим скромный домик. Я насчитала по пять рядов окон влево и вправо от главного входа с колоннами, занимающего не менее трети фасада. Ведущую к высоким резным дверям каменную лестницу украшали скульптуры, держащие светильники, вход был ярко освещён.

Дом не показался мне новым. На первый взгляд он выглядел родовым гнездом старинного аристократического семейства. Поднявшись по лестнице, я всё ждала увидеть дворецкого в ливрее, встречающего нас, но нет, Дэбрэ сам открыл передо мной дверь.

Часть холла занимала парадная лестница. Яркий свет лил из фантастически красивой люстры. Картины на стенах, скульптуры, напольные вазы и живые цветы в них — всё тут очаровывало с первого взгляда.

Я была настолько потрясена этим «скромным домиком», что у меня разбегались глаза. Хотелось поскорей рассмотреть и то, и это. Я настолько увлеклась, что не сразу заметила женщину, встречающую нас. Она скромно стояла в дверях слева от лестницы и, по всей видимости, ожидала, чтобы поприветствовать нас.

Дэбрэ опередил нас обеих.

— Вот леди Майри, матушка Софи. Какое-то время она будет жить с нами. Я вручаю её вашим заботам. Покидать пределы поместья ей запрещено.

Женщина не задала ни одного вопроса, не проявила ни малейшего удивления. Тихим спокойным голосом она ответила, что ей всё понятно, и приказания господина будут исполнены.

Софи носила длинное серое платье в пол и белый передник. Её невысокая фигура отличалась пышностью, но не чрезмерной, тёмные волосы были убраны в высокий пучок. Ей можно было дать и сорок с хвостиком лет, и пятьдесят с небольшим, и, немного посомневавшись, шестьдесят тоже. Прожитые годы не оставили заметных следов на её лице, карие глаза казались живыми и ясными. С её хорошей кожей и

здоровым румянцем ей бы сниматься в рекламе чудодейственных кремов для омоложения.

В целом, на первый взгляд, Софи выглядела спокойной и милой, и я понадеялась, что смогу найти с ней общий язык.

— Госпожа Софи. — Я наклонила голову, изображая короткий поклон.

Как же всё сложно с этими реверансами, но логика подсказывала, что проявленной вежливости более чем достаточно. Я ведь не на приёме у королевы. Хотя, возможно, создать благоприятное впечатление о себе здесь не менее важно. Обращение «матушка», выбранное Дэбрэ, намекало, что хозяйина и служанку связывает общее прошлое, а значит, Софи может оказать на мою жизнь влияние даже большее, чем королева.

— Леди Майри. — Женщина тоже слегка поклонилась. Она явно узнала меня, но никак не показала, что её радует наша встреча.

Мне следовало сделать первый шаг для сближения. Я собиралась жить в этом доме, и помириться с его домоправительницей стояло пунктом номер один в моём недлинном списке дел на сегодня.

— Возможно, мы встречались прежде, — сказала я. — К сожалению, я этого не помню, хочу сразу пояснить. Простите, если я что-то плохое прежде сделала вам. И прошу не судить меня по прошлым поступкам. Дайте мне шанс создать новое впечатление о себе. И заранее простите, если я нарушу несколько правил. К сожалению, я не помню и о них тоже. Могу ли рассчитывать на ваше понимание и доброту, госпожа Софи?

Разумеется, я могла. После такой речи воспитанный человек не может ответить иначе, чем согласиться со всем услышанным. Софи меня ни в чём не разочаровала, ответила ровно так, как я и ожидала. Но выражение её лица не изменилось. Как я ни вглядывалась, мне никак не удавалось понять, что она в действительности обо всём этом думает. Как и Дэбрэ, Софи умела быть закрытой ракушкой.

Затем речь зашла о другом. Софи сказала:

— Посыльный обогнал вас всего лишь на час-полтора, я не успела приготовить всё, что может потребоваться молодой леди, но гостевая спальня готова. И ужин тоже. Всё накрыто в столовой, молодой господин.

— Мне нужно умыться с дороги, — поторопилась сказать я. — Боюсь, я выгляжу не лучшим образом. Мне нужно сделать хоть что-то, прежде чем садиться за стол.

— Конечно, молодая госпожа. Разрешите, я провожу вас в вашу комнату.

И в уборную. Ну наконец-то.

Скажу честно, ни путь к своей комнате, ни её саму я не разглядывала — бегом побежала туда, куда Софи мне указала. Организм требовал о себе позаботиться, и я была счастлива, что его терпение не лопнуло в самый последний момент. Только затем я смогла осмотреться. Фух. Как же всё-таки людям мало надо для счастья.

Унитазы у них, кстати, походили на современные, из кранов текла вода — и горячая тоже. В крепости те же помещения оснащались намного скромней — фаянсовой чашей в полу, а вода из кранов текла только холодная. Здесь же меня ждала незабытая роскошь — приличная сантехника и горячая вода — единственное, о чём бы я точно безмерно скучала.

Удивительно? Да. Но я не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню. Этот мир будто создали для меня, и я чуть ли не пела от счастья, разглядывая ванную комнату. Стоящая на красивых гнутых ножках ванна ослепительно белого цвета обещала, что я смогу помыться по-настоящему. Флакончики с цветным содержимым пахли чудесно, среди них точно найдётся шампунь. А то и пена для ванны.

Я представила, как лежу в тёплой воде, поднимаю ногу вверх, поверх пены, шевелю пальцами — да я об этом пять лет мечтала, сотни раз видела во сне.

— Госпожа, вам нужна помощь? — Софи деликатно постучала в дверь.

— Нет-нет. Хотя, вернее, да. — Я подошла к двери, распахнула её, — Покажите мне, пожалуйста, где тут шампунь, а где мыло. И полотенца. А ещё, — я огляделась кругом, — а где тут зеркало?

— Зеркало в ванной комнате? — с явным удивлением спросила Софи, последовав в ванную за мной.

— Зеркало вообще. Где оно?

— В комнате, разумеется, возле платяного шкафа. И ещё одно у туалетного столика.

— Хорошо, — я счастливо вздохнула. — Спасибо.

Тут было всё необходимое для жизни, и я уже начинала чувствовать себя человеком, а не обломком кораблекрушения.

Софи показала мне всё, о чём я просила, а также где лежат полотенца, где гребни и прочее. В шкафу ванной комнаты на плечиках висела одинокая ночная сорочка и белый тёплый халат. Я представила, как надену их после горячей ванны — ах. Я хотела этого так сильно. Простые мелочи, даже мысли о них делали меня абсолютно счастливой.

— Думаю, вам стоит принять ванну после ужина, госпожа. Еда остынет и станет невкусной.

Софи что, мысли читала?

Я повернулась к ней с улыбкой.

— Я быстренько. Помыться мне нужно больше еды.

Софи мило улыбнулась.

— Возможно, и так, госпожа. Но я даю вам всего пять минут, чтобы умыться и переодеться к ужину.

Моей улыбки как не бывало. Это что же, она мне угрожала?

Софи сказала:

— Там, в холле, вы повели себя правильно. Ваши извинения запоздали, но хорошо, что вы произнесли их сразу, и мне не пришлось их из вас выбивать.

— Выбивать?

Ничего себе. Ну и слова выбирает эта милая дама.

— Давайте я вам кое-что объясню. — Софи не меняла тон, выглядела милой, как и прежде, и тем поразительней казались её слова. — Вы заключённая, я — ваша надзирательница. Если вы ведёте себя хорошо, то мы довольны друг другом. Если же вы нарушаете правила, то я вас наказываю.

Та-ак, ладно. Я подумаю об этом позже. Покричу и позлюсь позже. А пока...

— А каковы правила?

— Оно всего одно. Вы легко его запомните, госпожа. Интересы виконта Дэбрэ всегда стоят на первом месте. Доволен молодой господин — довольна вами и я.

— И чем же сейчас он может быть недоволен? — спокойно спросила я.

— Длительным ожиданием. Я приготовила для вас платье к ужину. Оно лежит в комнате, на кровати. Помочь вам переодеться?

— Нет, благодарю, я сама.

— Спасибо. — Софи поклонилась. — Я надеялась, что вы именно так и ответите. Думаю, вы и правда несколько изменились со времени нашей последней встречи. Не скрою, я надеялась больше никогда не видеть вас, госпожа, однако, божественное провидение решило иначе, и вы вернулись в наш дом.

Она говорила о Майри, но даже мне слушать всё это было до крайности неприятно.

— Для вас будет хорошо, если вы не притворяетесь, леди Майри. В любом случае хочу вас сразу предупредить.

Она замолчала, и мне пришлось спросить:

— И о чём же?

— Один раз вы Дамиана уже обманули. Второго раза не будет. Если вы вздумаете вновь его уничтожить, то вас не станет, — Софи щёлкнула пальцами. — Вот так.

Она приблизилась ко мне, поднялась на цыпочки, чтобы прошептать на ухо:

— Навредите ему, и я вас сама убью.

Отстранившись на шаг, она изобразила лёгкий поклон.

— Я могу идти, госпожа? Или вам всё-таки нужна моя помощь?

Нет, после таких заявлений — никогда не нужна. Софи улыбнулась. Она, как настоящая ведьма, видно, мысли читала. А может, они большими буквами были написаны у меня на лице.

Глава 14. Новая жизнь

Всё оказалось не так плохо, как я предполагала, пусть и не так хорошо, как я надеялась. Софи больше не повторяла шокирующих заявлений, но и я не давала ей поводов. Она внимательно посматривала на меня, так же поступал и Дэбрэ — они оба ждали от меня... не знаю, взрыва? Что я как-то выдам в себе Майри?

Не дождутся.

К столу я вышла в том платье, которое весь день было на мне. В новое не стала переодеваться.

— Простите мне мой вид, виконт. Не хотела заставляя вас ждать, а переодеваться сейчас — выше моих сил.

Он приподнял брови, я усмехнулась. Мы оба знали, что я выспалась в дороге, но, если вспомнить, каким тяжёлым выдался для меня весь этот день и предыдущая ночь — я имела право говорить об усталости, даже если её не чувствовала.

Я не надела платье потому, что не разобралась в белье. А разобравшись, решила, что нет, игры в садо-мазо не для меня. Ну, по возможности, разумеется. Конечно, когда-нибудь обстоятельства заставят меня надеть корсет, да и потренироваться носить его будет нелишним, но пока, только увидев этот плотный, жёсткий кошмар, я решила без промедления стать большой любительницей крестьянских платьев. Ладно ещё выезжать в этом пыточном приспособлении в свет, но носить такое дома — увольте.

Я умылась, распустила волосы и расчесала их. Выглядела, кстати, на миллион. Я наконец добралась до зеркала и увидела в нём собственное лицо, такое, каким оно должно было стать в моём возрасте. Я помнила себя примерно такой же, может, с более пухлыми щеками. Повзрослевшее на пять лет лицо похудело и стало намного интересней. Глаза казались больше, губы — ярче, как будто поспели. Я всё ещё не могла поверить, что девушка в отражении — я. Привыкла видеть сожжённую кожу, ужасные шрамы и навсегда перекошенные черты. Но в отражении я видела себя. Не кого-то другого — себя. Настоящую Майю Белохвостикову, только правильную, здоровую и такую красивую.

Странно, ведь раньше в этом теле — несомненно, моём — жила Майри. Но обсуждать странности перемещения между мирами мне было не с кем. Не с Дэбрэ же. А то мало ли, с его любовью к закону и порядку после таких бесед можно поутру проснуться в психушке.

— Вы за что-то на меня злы? — спросил Дэбрэ. А Софи, взявшая на себя труд наполнить наши тарелки источающей божественные ароматы едой, подняла на меня укоряющий взгляд.

И что, теперь будет только так? Из-за любого недовольства Дэбрэ я буду ждать мести Софи? М-да, ситуация. К опасному мужчине в моей новой жизни добавилась опасная женщина.

Кого мне бояться больше — сложно сказать. Ну ладно. Не собираюсь я жить в постоянном страхе. Буду считать, что бояться мне нечего. Пусть всё идёт своим чередом. В конце концов, у меня в жизни — явная белая полоса. Я жива, на ногах, здорова, почти свободна, а из Лорнского источника меня вытащило божественное провидение руками Дэбрэ.

Ему об этом, кстати, тоже можно напомнить. И ей — слушающей каждое наше слово, перехватывающей каждый взгляд.

— Сегодня я чуть не умерла. Только вашей помощью, виконт Дамиан, я жива. Разве я могу на вас злиться?

Могу, разумеется. Благодарность — чувство недолговечное. Дэбрэ помог мне, но, я, как те девять прозревших слепцов, уже забыла о пережитой боли и больше беспокоилась о будущем и настоящем.

Еда на тарелке выглядела привлекательно, весьма аппетитно. Белое мясо, омлет, свежие овощи — в самый раз для столь позднего ужина. Но что, если Софи его отравила? Когда-то я бы лишь поблагодарила того, кто взял бы на себя труд прервать мою никчёмную жизнь, но здесь и сейчас желание жить стало сильнее, чем у знаменитого одуванчика, пробившегося к солнцу через асфальт.

— Приятного аппетита, молодая госпожа, — сказала Софи с благодатной улыбкой. Неудивительно, что Дэбрэ считала эту женщину ангелом.

— Не знаю, стоит ли мне сейчас есть, — ответила я, разглядывая тарелку, затем подняла взгляд на Софи. — Боюсь, что эта еда не пойдёт мне на пользу. — Подумав, я добавила: — Сегодня я уже ела. Пиво и пироги. Всё оказалось очень вкусным и здесь тоже выглядит

весьма аппетитным, но вдруг потом из-за допущенных излишеств в еде я не влезу ни в одно из своих платьев?

Софи недолго смотрела на меня, затем спросила у Дэбрэ:

— Господин, вы не будете против, если я поменяю ваши тарелки с молодой госпожой? Я положу ей только овощи и омлет. От них не поправишься.

Неплохой способ показать, что еда не отравлена. Софи отнесла мою тарелку Дэбрэ, а на взятую у него пустую положила совсем немного омлета и овощей. Я посмотрела на жалкую кучку еды, на Дэбрэ, на Софи и вздохнула.

— Что-то я поспешила в суждениях. Если хорошо подумать, после такого дня мне не грозит потолстеть. Будьте добры, положите мне ещё хороший кусочек мяса, госпожа Софи, и этого чудесного соуса тоже.

Софи поспешила выполнить мою просьбу. Смотрела на меня, улыбалась. Я прямо чувствовала, как она смеялась надо мной, моим страхом.

Готовила эта ведьма чудесно. Я съела всё и попросила добавки. И даже не один раз.

Дэбрэ смотрел зачарованным взглядом на то, как я ем.

— Вы смущаете меня, виконт, — сказала я, вернув вилку на опустевшую тарелку.

— Простите. — Он отвёл взгляд, затем вновь взглянул на меня. — Мне нравится ваш здоровый аппетит. Приятно видеть, когда женщина ест приготовленную тобой еду.

Я не нашла ничего лучшего, как возразить:

— Но вы её не готовили.

Дэбрэ кивнул.

— Да, конечно. Но я её добыл. В некотором смысле. Не то чтобы я бегал с ножом за несчастной курицей... — опомнившись, он резко замолчал.

Мы оба осознавали то затруднительное положение, в которое он сам себя загнал, забыв, что ненавидит меня.

— Мы можем притвориться, что этого разговора не было, — предложила я в качестве благодарности за прекрасный ужин. — Вы не были невероятно милы, одаривая меня комплиментами, и ни слова не говорили о несчастной курице.

Софи переводила взгляд с него на меня и обратно. Настолько забылась, что даже Дэбрэ это заметил и предложил подавать чай.

К чаю прилагались пирожные. Маленькие такие корзиночки со сладкими фруктами и взбитым кремом. Настолько вкусные, что я умудрилась прикусить себе щеку изнутри. Съела пять. Нет, уже шесть.

Дэбрэ вновь смотрел на меня тем же зачарованным взглядом — я молчала. Не хотела его вновь спугнуть.

Только объевшись, я осознала тот здравый смысл, который леди вкладывали в ношение корсетов. С желудком, прижатым к позвоночнику, я бы ела, как и они во всех книгах и фильмах — то есть клевала бы по зёрнышку, будто птичка. Больше внутрь бы просто не влезло. А в моём удобном платье я могла бы съесть и втрое больше — наестся как слон. Что я и сделала на радость Дэбрэ.

Он проводил меня до моей комнаты. Долго раскланивался. Поглядывал на мои губы. Когда мы расстались, я сначала потёрла их, а затем посмотрела в зеркало — нет, ничего не прилипло. Я и так это знала, но мне хотелось убедиться самой.

Я нравилась Дэбрэ, что очевидно.

«И почему это тебя так радует?» — у внутреннего голоса оказалась препротивнейшая интонация старого брюзги, забывшего, что молодость нам дана для любви и приключений.

И я показала ему язык. Да, скорчила рожицу и посмеялась над своим отражением в зеркале.

Мне всё здесь нравилось. А что не нравилось, в том я не видела катастрофы. Людей можно умиротворить, с ними можно найти общий язык, навести мосты, договориться. Самое главное — вот она я, здоровая, на ногах, и живу в таком чудесном, прекрасном, восхитительном месте!

Покружившись по комнате, я разбежалась и с ногами запрыгнула на высокую пышно убранную кровать. Сто лет этого не делала — скакала на ней, будто ребёнок. А потом упала, лежала, разглядывала потолок с гипсовыми завитушками и всей душой улыбалась.

У меня всё будет хорошо — я это знала. Верила. Я за это благодарила того невидимого, кто подарил мне эту прекрасную жизнь. А ещё думала о Дэбрэ — больше, чем следовало. Как и с маленькими пирожными — не могла и не хотела остановиться. Наслаждалась, жила, дышала счастьем именно здесь и сейчас.

Глава 15. О радостях и сложностях жизни «принцесс»

Полночи мне снились кошмары. А не стоило на ночь так наедаться. Я вставала с постели, пила воду из-под крана, смотрела на себя, красавицу, в зеркале. Говорила и мысленно, и вслух: «Я вырвалась из изломанного тела, я теперь здесь!» Но когда леглась в постель, воспоминания ко мне возвращались. Я даже плакала, мысленно глядя на себя ту — обломок катастрофы, искорёженный и несчастный. В той жизни я плакать себе не позволяла, а здесь прорыдала полночи над своей страшной судьбой. Всё никак не могла успокоиться. Всё боялась закрыть глаза и проснуться в прежнем теле.

Мир вокруг меня оставался незыблемым, даже и не думал меняться, а я вдруг до ужаса испугалась его потерять. Ну что за нелепость!

— Как вы спали, госпожа? — спросила меня Софи, разбудив поутру.

— Спасибо. Прекрасно.

Понятия не имею, зачем я ей соврала.

Зеркало честно показало опухшее лицо — всё равно такое невозможно красивое, растрёпанные волосы — блестящие в лучах солнца, сияющие, будто нимб. Я смотрела на себя и не могла насмотреться. Знала — это я, правда я, а всё гладила лицо кончиками пальцев. Я даже ущипнула себя, чтобы увериться: да, это я, и это моя новая жизнь, и настоящее лицо, а не та образина.

После умывания холодной водой, протираний с запахом роз, расчёски я стала выглядеть ещё ослепительней. И всё боялась моргнуть не так и вернуться в своё прежнее тело, в прежнюю недожизнь.

Но я была здесь. Никуда не исчезала. Я чувствовала стул под собой, полированную поверхность туалетного столика, сладковатый аромат пудры, лёгкий и свежий — туалетной воды. На мне была тонкая ночная сорочка, а из приоткрытого окна в комнату проникал прохладный воздух. В саду пели птицы, солнце светило сквозь

занавески. Мир вокруг оставался на все сто настоящим, только другим — лучше прежнего в миллион раз.

Воспоминания о ночных кошмарах таяли, и туда же, под невидимый коврик, я заметала картины прежней жизни. Одёргивала себя, в прямом и переносном смысле слова хваталась за новую жизнь — касалась всего, что видела, оценивала ароматы, попробовала туалетную воду на вкус — всеми способами доказывала себе: да, я здесь, всё это не сон, а реальность.

Не хватало ещё крышей поехать от свалившегося на меня счастья. Лучше, наверное, мне и вовсе забыть о том, что раньше всё вокруг меня было другим.

— Вам нужна моя помощь с платьем? — спросила Софи, и услышала тот ответ, который её не порадовал.

— Да. Мне нужна будет помощь с корсетом. Но это потом. А сейчас я приму ванну.

Ту самую, о которой уже пять лет мечтала. И она оказалась ровно такой прекрасной, какой я её представляла. Я плескалась в ароматной пенной воде, пока у меня кончики пальцев на руках и ногах совершенно не сморщились.

А затем пришла очередь пытки — корсета. Из ванной я вышла в панталонах, украшенных кружевами, и в тонкой маечке. С помощью Софи я разобралась в том, как корсет надевается, но до чего же он оказался неудобным, ну просто кошмар.

— Вы тоже такое носите? — спросила я, упакованная словно в панцирь.

— Нет, конечно. Я простая женщина. Мне такое надевать не позволено.

Я попыталась вдохнуть всей грудью — не удалось.

— Поверьте, вы ничего не потеряли. Или, может, его не стоило так затягивать?

— Он несильно затянут, — ответила Софи без капли сочувствия к моим страданиям. — Вот здесь ещё можно подтянуть, а тут ужать, тогда платье на вас сядет ещё лучше. Только, наверное, его придётся немного ушить.

Платье в моём распоряжении имелось только одно. Я дважды спрашивала, и Софи дважды уходила от ответа, откуда в доме виконта Дамиана вообще взялось платье. Серебристо-серое с голубым,

расшитое незабудками, украшенное кружевными и шёлковыми лентами, при свете дня оно показалось мне восхитительным.

— Думаю, мы не станем ничего менять в этом чудесном платье, — сказала я, погладив его по гладкому шёлку и вышивке, слегка царапающей подушечки пальцев.

Пришло время надевать юбки, а под них — специальную конструкцию, чтобы они казались пышней. В тюрьме у меня такой не было, как и корсета. Там я просто мучилась с тучей юбок и слишком длинным платьем. Теперь стало понятней, зачем нужна такая длина.

Одевание — без преувеличений — заняло вечность времени. Но и эффект у него оказался сногшибательным.

Я смотрела на себя в зеркало — хороша. Талия — как у Скарлетт О'Хара. Платье — чистый восторг. Волосы ещё причесать, и можно превращать тыкву в карету, мышей — в лошадей, а крысу — в кучера. Между прочим, даже сказка не скрывала сложностей жизни принцессы. Хрустальные туфли — да это же пыточный инструмент. В правильном переводе они, конечно, были меховые, но всё равно, я бы даже на деньги поспорила — принцессы тоже носили корсет. А мне в моей сказке хотя бы не досталось пыточных туфель: надела те, что носила вчера — удобные, с высокой шнуровкой.

Осталось лишь причесаться, и можно отправляться на бал. Меня, правда, на бал не звали, так что, одевшись, я собиралась походить туда-сюда в качестве тренировки и договориться с Софи — вернуть себе вчерашнее платье, которое та, не спросив разрешения, успела унести из моей комнаты. Стирать унесла, надеюсь, а не выбрасывать.

Я всё ещё возилась с волосами, когда в дверь вновь постучала Софи.

— Госпожа, к вам пришли с визитом. Я устроила гостей в гостиной, вас уже ждут.

Я смотрела на неё, она — на меня. Я надела корсет и пышное платье, чтобы потренироваться их носить. Никаких гостей встречать не планировала. И вот...

— Кто это?

— Члены вашей приёмной семьи.

Час от часу не легче. Хотя, если бы Софи сказала: «Это принц Антуан», или да кто угодно другой, мне не стало бы проще.

— Отказать им я не смогла. Виконт разрешил вашу встречу.

— Он дома?

— Нет. Гости привезли от него письмо-разрешение.

Вчера Софи мне угрожала, сегодня вела себя так, будто мы на одной стороне.

— Вам следует появиться перед гостями в лучшем виде. Нельзя, чтобы поползли слухи, что виконт о вас плохо заботится.

Ага. «Мы на одной стороне» стало намного понятней. Возражать я не стала: не в моих интересах подводить Дэбрэ. Мне нужна спокойная тихая жизнь в его доме, чтобы освоиться здесь — не только в доме, но и в мире вообще. А для этого мне нужна ещё и помощь Софи, и, в общем-то, уже ясно, каким образом можно будет уговорить её мне помогать. Интересы виконта — понятие растяжимое, всего лишь нужно будет натянуть его на свои интересы.

— Хорошо, я постараюсь уверить их, что здесь ко мне относятся как к дорогой гостье. А пока, пожалуйста, помогите мне с волосами, Софи.

У Софи оказались чудесные руки. Я получила вполне приличную причёску всего за несколько минут, а до того возилась час. Ну полчаса. Может, и меньше, но в прекрасном платье (и ужасном корсете) даже руки поднимать было неудобно.

— Что вы знаете о моих гостях? — спросила я. — Мне нужны их имена и хотя бы общеизвестные сведения.

Софи закусила губу — я видела в отражении.

— Вы не помните их?

— Не помню вообще ничего.

Софи покачала головой и принялась закалывать локоны шпильками и инкрустированными камнями гребнем.

— Не советую вам сообщать им об этом. Вас могут захотеть обмануть. Незнание может быть весьма опасным оружием в руках недруга. А доверять им я бы не стала.

И это говорила женщина, пообещавшая меня убить.

Но ведь пока не убила.

— Думаю, вам лучше больше молчать, леди Майри. Пусть они говорят, раскрывают карты.

Софи дала мне дельный совет. Хотя и без него я собиралась поступать точно так же.

— Спасибо. Но как их хотя бы зовут? Будет странно, если я стану спрашивать их имена.

— Вас ожидают виконт Вилар и сестра Катарина. Виконт — наследник герцога Виндарского. Катарина — его старшая сестра. Они единственные дети герцога. По слухам, вы спасли Катарину от смерти, и в благодарность герцог принял вас в свой дом, оплатил обучение и способствовал вашему успеху в свете. Его протекцией вы попали в свиту королевы.

— А до того кем была?

— Сиротой на обучении в приюте, который патронировал герцог. Звание леди вы получили став частью семьи герцога Виндарского. Ваши родители неизвестны.

Софи замолчала, и я не могла не спросить:

— То, что мои родители неизвестны, может означать что-то важное?

— Только то, что, вероятней всего, вы были рождены вне брака женщиной высокого положения. Все знают: в этом приюте воспитываются особые дети. Подбрасывают им на порог многих, но остаются там только те, в чей корзинке нашёлся толстый кошелёк с золотыми.

— То есть мои родители могут быть живы?

— Да, это так. Но, сомневаюсь, что они принимали деятельное участие в вашей судьбе. Вы помогли себе сами. Старшая дочь герцога Виндарского Катарина во время посещения приюта отправилась купаться с девочками-воспитанницами и едва не утонула. Вы спасли её, рискуя жизнью. Такова официальная версия.

— А неофициальная?

— До вашей встречи Катарина была весьма болезненным ребёнком. После её чудесного спасения и вашего удочерения здоровье Катарины значительно улучшилось. А до него, люди говорили, в приюте появилась девочка, способная исцелять травами и наложением рук даже безнадежно больных. И что-то мне подсказывает, что люди не сочиняли, а герцог не просто так предоставил вам кров и защиту своего имени.

Помолчав — помощь Софи оказалась бесценной — я спросила:

— Настолько законно исцеление наложением рук по десятибалльной шкале?

— Так близко к ведовству, что людей с подобными задатками отделяют от других и отправляют жить в удалённые монастыри, где они остаются до конца своих дней. Там они просят Создателя сохранить их души от искушения применить свой талант во вред, а другие люди их охраняют и поддерживают в стремлении жить благочестиво.

— То есть держат в тюрьме.

Софи не ответила, но и так всё стало ясно.

— Вот и всё, госпожа, готово. Вы можете в таком виде предстать перед гостями. Они, кстати, прибыли на двух каретах, я видела из окна — обе нагружены сундуками.

— Привезли мои вещи?

— Думаю, да. По приказу короля вы теперь подопечная виконта Дамиана, и он вас всем обеспечит, но хорошо, что ваша семья решила привезти вам личные вещи.

Я встала, оправила платье. Не знаю почему, но разволновалась.

— Как я выгляжу, госпожа Софи?

— Как и всегда, — ответила та.

Я повернулась к ней, склонила голову к плечу — и она всё же ответила:

— Вы ослепительно хороши, леди Майри. Виконт Вилар будет потрясён свежестью и прелестью вашего лица, а сестра Катарина, несомненно, порадует, увидев вас живой и здоровой.

Глава 16. Брат не брат

Софи не угадала ни в чём. За исключением того, что бывшие родственники привезли сюда мои — Майри — вещи.

Войдя в гостиную, я увидела молодого человека, сидящего в кресле, и девушку, стоящую у окна. Виконта Вилара — высокого привлекательного блондина с удлинённым лицом и светлыми глазами — я видела вчера днём вместе с его отцом. Сестру Катарину тоже видела, только издали. Это, несомненно, она стояла на коленях перед королевской четой. Я узнала её по очевидному фамильному сходству и платью — не такому пышному, как у других, тёмного цвета. Она и вчера была в нём, что, конечно, весьма необычно для дочери герцога. Костюм её брата — приятный синий цвет, дорогая ткань, белая рубашка, вышивка и кружева — выглядел намного нарядней её унылого платья. Все называли Катарину сестрой. Она послушница или монахиня? Жаль, я не успела расспросить Софи поподробней.

Я слегка наклонила голову и пожелала гостям доброго утра, не называя их имена. Мало ли, вдруг они привыкли пользоваться сокращениями или прозвищами.

Так оно и оказалось — в отношении меня. Ни имя, которым назвал меня виконт Вилар, ни его тон мне совсем не понравились.

— Что за ужасное платье на тебе, Маймай, — «любезно» поприветствовал он меня, не вставая с кресла. — Серое тебе категорически не идёт. Ты в нём как привидение, сбежавшее с того света. Ха-ха, но так ведь оно и есть. Ты и правда вернулась к нам с того света!

Сомневаюсь, что его поведение соответствовало правилам этикета, как и его глупая шутка.

Его сестра повела себя совершенно иначе — бросилась ко мне и едва не сбила с ног, а затем расплакалась от избытка переживаний. Она с такой силой вцепилась в меня, роняла горячие слёзы мне на плечо, что вскоре я уже и не знала, что с ней, почти рыдающей, делать. Катарина плакала всё сильнее, хотя я просила её успокоиться и гладила по спине. Предложила ей присесть, но она меня словно не слышала.

Вилар наблюдал за нами из кресла и даже не думал прийти на помощь и как-то успокоить сестру. Когда он закинул ногу на ногу и улыбнулся с видом «ну-с, где мой попкорн», я решила, что всё, с меня хватит.

— Что же вы сидите, виконт? — сказала я, обнимая плачущую Катарину. — Принесите воды. Разве не видите, вашей сестре это необходимо.

У виконта стало такое лицо — его сходство с отцом-мастодонтом стало неоспоримым. Лет двадцать практики, и он тоже научится убивать взглядом. А пока я лишь мысленно закатила глаза: столь же смешно видеть, как щеночек показывает крохотные клыки и рычит-тявкает.

— Виконт? Теперь ты называешь меня виконтом, Маймай?

Он снова меня так назвал. Ну что за нелепая кличка, точь-в-точь как у болонки.

— Разумеется, виконт Вилар. Я всего лишь выполняю пожелание вашего дорогого отца. Он ясно дал понять, что я больше для вас не сестра. Следовательно, теперь я для вас леди Майри, не Маймай. И будьте так любезны, виконт, помогите мне успокоить сестру Катарину.

Вилар сел прямей, его взгляд стал тяжёлым. Возможно, до отца-мастодонта он дорастёт побыстрее, чем мне это показалось поначалу.

— Ты мне не сестра, всё верно, и никогда ею не была. Но с чего ты решила, что теперь вправе указывать мне, что делать, а, Маймай? Я тебе что, слуга?

Видимо, безропотной прислугой он считал Майри. Иначе с чего бы такие возмущения? Но я-то ему не Маймай, и даже не Майри, и терпеть подобное отношение — не в моих правилах.

— Виконт Вилар, вы не прислуга, конечно. Будь здесь Софи, уж она не стала бы спорить и давно помогла сестре Катарине. Не можете сами принести воды, то позовите того, кто сможет выполнить столь трудную для виконтов задачу. Позовите Софи, она тут будет полезней. Или вы хотите дожидаться, чтобы у вашей сестры началась истерика?

Он вскочил с кресла, будто его укололи в зад. Смотрел на меня с яростью на лице — ему, кстати, шло, делало живей, привлекательней.

— Помни своё место, Майри. Не забывайся, — сказал он, проходя мимо меня к двери. Забыл о «Маймай» и выполнил мою просьбу — чудесно.

В их семье у Майри было «место» — и почему я не удивлена? Бедная девочка, богатый дом и капризный наследник, приобретший безропотную игрушку, — классическая история агрессора и жертвы. Конечно, я могла только догадываться, но почти не сомневалась, что всё так и было. «Маймай» до сих пор резало слух, раздражало.

В общении с прислугой виконт Вилар продолжил демонстрировать изысканное воспитание и великолепные манеры:

— Эй, вы, да, вы! Принесите воды, моей сестре плохо.

Проходя мимо меня назад, он сказал:

— И почему я должен за тебя что-то делать?

Он упал в кресло с видом мученика. Перетрудился, бедняга.

Софи принесла воды, и двойными усилиями мы усадили Катарину на диван, а затем и уложили. Фасон её платья позволил это сделать. Корсета она не носила — я сразу проверила, боялась, что ей трудно дышать. Софи сказала, что принесёт розовой воды и соли, а я присела у Катаринины в ногах, взяла в ладони влажную почти безвольную руку.

Катарина всё ещё плакала. Крупные слёзы катились по ставшему мокрым лицу. Некоторые люди умеют красиво плакать, но Катарина к ним не относилась. Она кусала губы, явно пыталась сдержаться, но вернуть самообладание ей не удавалось. Заметив мой взгляд, она уткнулась лицом в подушку, её плечи дрожали.

— Дорогая Катарина, не стоит так расстраиваться. Уже всё хорошо, уже всё позади.

Тотчас раздался язвительный голос:

— Всё хорошо? Всё уже позади? — Вилар фыркнул. — Майри, открой глаза. Ты была восходящей звездой, твоего внимания добивались лучшие люди, и что ты теперь? Не кто, а именно что — содержанка сына башмачника! А я, благодаря тебе, теперь вынужден посещать дом башмачника. И моя сестра — тоже.

Я погладила Катарину по руке и встала. Чёртов корсет необыкновенно мешал нормально дышать и почти не сгибался. С другой стороны, когда-то у меня ноги не двигались, так что это небольшое неудобство я собиралась игнорировать. А вот кое-что другое я игнорировать никак не могла. Тем более когда за моей спиной стояла вернувшаяся Софи, которая, как и я, слышала каждое произнесённое Виларом слово.

— Вы находитесь в доме виконта Дамиана Дэбрэ, — сказала я и улыбнулась. — Извольте вести себя здесь подобающе, виконт Вилар. Ваши слова не делают чести вашему происхождению и воспитанию.

Он тоже встал. Его лицо покраснело так же некрасиво, как и у Катарины — неровными пятнами.

— С каких это пор ты делаешь мне замечания, Маймай?

— С тех пор, как это стало необходимым, виконт Вилар.

— И с каких это пор ты обращаешься ко мне на «вы»? Мы уже вечность друг с другом на «ты». Я для тебя Вилар, а ты для меня — Майри, милашка Маймай, моя милая девочка.

Он улыбнулся с той снисходительностью, которую мужчина нередко проявляет к женщине, которую не уважает (и с которой, скорей всего, спал).

— С тех пор, как перестала быть частью вашей семьи. И да, спасибо, что напомнили мне. — Я улыбнулась. — Я отзываю у вас своё позволение называть меня по имени, виконт Вилар. Теперь я для вас только и исключительно леди Майри.

Он пренебрежительно махнул рукой, но глаза стали злыми.

— А ты уверена, что без протекции моего отца всё ещё вправе называть себя леди? Что до твоего имени — кому ты уже отдала право называть себя просто Майри? — Он улыбнулся ещё неприятней. — Не отвечай. Я и так знаю: конечно, Дэбрэ. Ты, содержанка башмачника, посмевающая мне хамить.

Софи кашлянула, привлекая к себе внимание.

— Четверть часа уже истекли, — сказала она. — Боюсь, что вынуждена просить вас покинуть дом. Господин в письме дал чёткие указания о продолжительности визита.

Вилару такая постановка вопроса не понравилась.

— Смеешь мне указывать на дверь, женщина?

— Ни в коем случае, — вмешалась я, сделав шаг вперёд, закрывая Софи. — Софи всего лишь исполняет приказания господина. Думаю, будь тут виконт Дэбрэ, мы бы и слова не услышали про башмачника и его содержанку. А если бы услышали, то виконт первым указал бы на дверь человеку, позволившему себе подобные высказывания. Простите нам наше нежелание терпеть оскорбления в адрес хозяина дома, когда он отсутствует и сам не может себя защитить. Думаю, вам стоит уйти,

виконт, — я слегка наклонила голову и тотчас выпрямилась. — Прошу вас со всем уважением.

Гнев Вилара стал почти осязаемым.

Не знаю, на что мы рассчитывали. Две женщины против молодого сильного мужчины. Служанка и заключённая против сына герцога. Как из ситуации выкручиваться, я не знала, но до чего же хотелось поставить этого хама на место.

Глава 17. Ржавый гвоздь

Хаму легко побеждать тех, кто слабей, или тех, кто не желает опускаться до его уровня. Но он быстро поджимает хвост, когда ему противостоит противник с зубами.

Софи как-то по-особому цокнула языком, и из коридора через приоткрытую дверь внутрь гостиной зашёл чёрный пёс размером с телёнка. Далек не пошёл, сел сразу же возле двери. Дышал шумно, ему наверняка было жарко. Ещё бы, даже зимой такую шубу увидишь не на каждой собаке. Густая совершенно чёрная шерсть лежала волнами, блестела там, где её касался солнечный свет. Пёс выглядел одновременно и очаровательным, и очень опасным — для того единственного человека в комнате, с которого не сводил внимательных карих глаз.

Вилар тоже заметил собаку. Понял, что означало появление пса, намного лучше, чем я, имеющая возможность только догадываться.

— Не стоило утруждаться, — сказал Вилар с кривой усмешкой. — Я бы и сам ушёл, даже лишней минуты тут не остался. Я терплю своё нахождение здесь только из-за Катарины... Сестра, ты идёшь? Смотри-ка, нас выгоняют. Кому расскажи — не поверят.

Катарина не ответила. Я слышала её сдавленное дыхание и подавленные всхлипы. Но даже не оглядывалась, смотрела то на Вилара, выглядящего так, будто он поверх изящного костюма надел невидимые доспехи, то на жарко дышащего пса — спокойного, уверенного в своих силах.

— Про сестру Катарины таких указаний от господина не поступало. Она может оставаться здесь столько, сколько захочет, — сказала Софи и низко поклонилась виконту. — Прошу нас простить. Мы не держим дворецкого. Бренан — обученный хартман, он здесь лишь для того, чтобы вас проводить.

Услышав своё имя, пёс встал, вильнул пушистым хвостом. Он дышал ртом, что позволяло рассмотреть не только длинный розовый язык, но и клыки — выдающегося размера. Предложи мне пойти куда-то с настолько зубастым проводником, я бы не сделала в его сторону даже шага.

Вилар, как мне кажется, думал нечто подобное. Возможно, он боялся собак. Хотя и старался не показывать страх, но напряжение в плечах его выдавало.

Я сделала то, что сделала, не потому, что пожалела его или решила простить его хамское поведение. Мне захотелось сгладить момент. Враги никому не нужны, ни Дэбрэ, ни особенно тем, кто в этом мире без года не то что неделя, а всего-то вторые сутки.

— Нет-нет, — сказала я. — Разве можно поручать виконта... м-м... Бренану?

В последний миг я удержалась от того, чтобы назвать собаку собакой. Мало ли. Я не знала этого мира, а вдруг Бренан никакой не пёс, а, например, оборотень, как в фантастических фильмах и сказках? Он явно понимал, что вокруг него говорят. Его сообразительность поражала.

Софи моё вмешательство не понравилось, но она не могла возразить. Разумеется, виконтов не поручают собакам, даже если они — оборотни. Последнее — лишь моя версия, не факт.

— Виконт Вилар, позвольте мне проводить вас до кареты, — предложила я. — Софи пока присмотрит за вашей драгоценной сестрой.

Вилар принял моё предложение, как мне показалось, с некоторым облегчением. Он всё ещё строил из себя оскорблённого в лучших чувствах подростка, но перестал казаться оцетинившимся ежом.

Собака пошла за нами следом. Цоканье её когтей по каменному полу сопровождало нас до главного входа. Мы вышли за дверь, и уже там, на крыльце, Вилар остановился, как и, разумеется, я. Он долго смотрел на меня с совершенно другим выражением лица — словно сбросил с себя удобную маску. И впервые за всё время я обратила внимание на его несомненную привлекательность. Лёгкий ветер играл с его светлыми волосами, солнечный свет придавал яркости голубым глазам. Он больше не казался разбалованным жестоким мальчишкой, и я, неожиданно для себя, разволновалась под его взглядом.

— Майри, — сказал Вилар тоном, которого я до сих пор от него не слышала. — Мне ужасно жаль, что ты попала в такую ситуацию, а я ничем не смог тебе помочь. Нам всегда приходилось играть на людях, и я лучше всех понимаю, что стоит такое притворство. И здесь ты тоже

должна играть по установленным правилам, и не мне винить тебя за то, что ты хочешь выжить и обрести свободу, но...

Он взял меня за руку, прижал мою ладонь к своей груди. Со стороны мы наверняка выглядели влюблённой парочкой.

Я молчала. Не знала, что сказать. В отношениях между Майри и Виларом для меня ещё оставались секреты и тайны, но в том, что они были весьма близки, сомневаться не приходилось. Я и до того догадывалась, когда он мне откровенно грубил, но сейчас всё стало в разы хуже. Теперь он смотрел на меня глазами влюблённого человека и говорил с нежностью и печалью. Равнодушной к нему не осталась бы даже статуя. Я бы совершенно растаяла, если бы уже была в него влюблена.

— Пожалуйста, не забывай нас. Помни о том, кто мы друг для друга. Не позволяй другому мужчине стать рядом, называть себя по имени. Это право ты отдала мне, помни об этом. Даже не думай меня забывать. Сын башмачника не для тебя, ты достойна лучшего.

Мне следовало как можно скорей разузнать всё об обращениях. Как и одежде, здесь, видно, все придавали обычным для нас формальностям особое значение. А ещё мне следовало в романе Вилара и Майри поставить жирную точку. Причём сделать это как можно быстрее.

У меня и правда не девять жизней, чтобы позволить себе иметь герцога во врагах. А что отец-мастодонт захочет уничтожить угрозу достойного будущего единственного сына и наследника — это и так понятно. Роман с бывшей ведьмой герцог не одобрит. Да и с приёмной дочерью сомнительного происхождения без связей и денег — тоже. Герцог не мог одобрить их связь, потому они скрывались.

И как Майри могла быть настолько неосторожной? Будущие герцоги не женятся на сиротках-воспитанницах из благотворительного приюта имени собственного отца, тем более не женятся на взятых из милости в отчий дом названных сёстрах. Настоящие герцоги берут в жёны женщин с репутацией и состоянием. И только принцы из сказок бегают за золушками и пастушками.

— Мы будем вместе. Я ещё смогу всё изменить. Верь мне. Люби меня, как любила прежде.

Вся сложность ситуации заключалась в том, что сам Вилар, похоже, оторвавшись от реальности, парил где-то там, на седьмом небе

своих фантазий. И не его отцу, а мне придётся причинить ему боль и сдёрнуть с небес на землю. А значит, приобрести в отвергнутом поклоннике врага. С его гордостью и самомнением другого и быть не может.

Я смотрела на Вилара, мне было почти больно от того, как много чувств я могла видеть в его лице — и уже почти ненавидела Майри.

— «Нас» больше не существует, — сказала я. — Твой отец выгнал меня. Всё кончено.

Вилар судорожно вздохнул.

— Пожалуйста, думай об этом иначе. Теперь ты мне не сестра. А значит, у нас есть шанс быть по-настоящему вместе, заключить брак. Не сразу, но когда-то я сделаю это, назову тебя герцогиней.

Кажется, он искренне верил тому, что говорил. Вот же...

— Я бывшая преступница. Я всё ещё под надзором, и неизвестно, когда смогу покинуть этот дом. И куда дальше пойду — ты думал об этом? Я опозорена. Меня больше никогда не примут в обществе. О каких «нас» ты можешь говорить, сын герцога Вирского? — Я вздохнула и сказала первое, что пришло в голову: — Разве отец не договорился о твоём браке с богатой и знатной невестой?

Вилар потёр лоб, тяжело вздохнул. Выглядел, будто его ударили ножом в грудь.

— Ты знаешь? Так ты знала о Жаннет? — Он покачал головой. — Я так и знал, я боялся, что всё это случилось из-за меня. Я так надеялся, что ты не из-за этого решилась...

Он говорил что-то странное. Я честно его не понимала.

— Решилась на что?

— Известно королеву.

Как связана женитьба виконта Вилара и проклятие, упавшее на королеву? Увы, я не успела спросить. Нас прервали. И, если честно, лучше б это оказалась Софи. Но нет, мне не могло так повезти.

— Какая любопытная тема беседы. Могу я к вам присоединиться? — из-за ближайшей колонны к нам вышел Дэбрэ. Он нас явно подслушивал. Но, когда Вилар ему на это указал, даже не подумал смутиться.

— Дети башмачников обыкновенно плохо воспитаны, — сказал Дэбрэ, махнув рукой.

Он ещё и смеялся. Над собой или над Виларом — не знаю. Дэбрэ и прежде напоминал мне человека, способного ковырять собственную рану ржавым гвоздём, а затем использовать его как оружие.

— Прошу вас, виконт, поделитесь своими догадками ещё и со мной. Вы на самом деле считаете, что леди Майри решилась на злое ведовство, потому что королева похлопотала о вашем браке со своей сестрой? У вас есть доказательства?

Глава 18. Шаг за шагом

Пока Дэбрэ и Вилар обменивались ударами из острых слов, я молчала. Слушала их, но больше думала о своём.

Так у Майри и правда имелась причина желать королеве зла. Интересно.

Если речь идёт не о деньгах, то все войны, говорят, начинаются из-за женщин, но и женщины, влюблённые в мужчин, тоже вносят свой вклад. Могла ли Майри захотеть отомстить, да ещё и так странно — не сопернице, а её старшей сестре, не какой-то простушке или ровне, а королеве? Всё возможно, конечно. Люди во всех мирах одинаковы: мы стараемся быть логичными, но чувства имеют над нами большую власть. Допустим, Майри полюбила Вилара, или, что вероятней, он настолько увлекся ею, что неосторожно пообещал брак, а она — по глупости, на эмоциях — позволила себе поверить ему, мечтала, строила воздушные замки. В таком случае, когда всё рухнуло, она могла потерять голову из-за боли и гнева.

И всё же мне не нравилась эта версия. Не сходилось: бедные сиротки, знающие своё место, а Майри-Маймай его явно знала, не мстят законным наследникам богатых родов и уж тем более не связываются с королевами, отнимающими их шанс на счастье. Майри, конечно, мог вести порыв, временное безумие, отчаяние. Если она, как и Вилар, витала в облаках и видела счастливое будущее с ним, то возвращение к реальному положению дел могло её не просто ранить, но и сломать, и даже убить — или толкнуть на убийство.

Дэбрэ считал Майри ведьмой во всех смыслах слова, Вилар видел женщину-глину, нежный цветок. Кто из них прав, сложно сказать, но обида и ненависть — страшные чувства. Пять лет назад мне довелось их испытать во всей полноте, и я до сих пор помнила, какой стала грязной и чёрной внутри. Я потеряла семью и будущее — Майри, кажется, то же самое, только иначе. А значит, и милашка Маймай могла показать себя совсем не милашкой.

Мысли о том, как убиваешь, уничтожаешь того, кто уже уничтожил тебя — токсичная дрянь, убивающая тебя самого. Мне ли не знать. В моём случае дело до сумасшествия не дошло, но

таблеточки профилактически пришлось попить где-то с полгода. И то временами на меня накатывало: я белугой ревела, меня всю трясло, руки скрючивало от ненависти-ненависти-ненависти... О состоянии Майри я могла только догадываться. Из всех окружающих её лиц она была самой слабой, лёгкой жертвой, но даже загнанный олень иногда может порвать брюхо волка рогами.

Водителя фуры, напившегося, а затем и уснувшего за рулём, я ненавидела так сильно, что мысленно представляла, как разрезаю его ножом на куски. Меня выворачивало от собственных мыслей, от картин, то и дело вспыхивающих в голове. Тошнило от себя, своей ненависти. Я ненавидела и его, и себя. Себя, наверное, не меньше — ведь не могла прекратить думать об этом, чувствовать это. А в один не самый прекрасный момент поняла, на *что* трачу свою несчастную жизнь и остатки здоровья.

Я простила его. Не ради него. Ради себя, ради того, чтобы больше не думать о нём. Я за него даже свечи поставила в церкви. Вернее, это сделала не я, а соседка, тётя Катя, милая такая старушка — я дала ей деньги и попросила заказать молебен о его здравии на целый год и чтение псалтыря. Человек, который убил всю мою семью и уничтожил меня, сел в тюрьму. И что-то мне подсказывало, что его жизнь тоже стала не сахар. Но когда я платила, чтобы молились о нём, то точно знала, что делаю это ради себя. Чтобы освободиться от удушливой ненависти, вязких снов, чёрных мыслей.

Простила ли я его по-настоящему? Не знаю. Руки бы я ему не подала. Никогда не забывала причинённое им зло, но больше и не проклинала. Вообще не думала о нём, выбросила из головы, вычеркнула из жизни. И уж точно я бы не пошла убивать его сестру или жену в качестве мести ему. Даже если бы знала, что они вместе сидели в кабине машины и пили.

А Майри пошла. Ну, или они все так о ней говорили. И чем дольше они её — меня — обсуждали, тем меньше я верила, что у поступков Майри могло быть настолько нелепое объяснение.

Вилар и Дэбрэ спорили, обменивались колкостями, будто фехтовали на шпагах. Укол, ещё укол. Мне это, если честно, страшно надоело, и я вмешалась.

— Могу я попросить вас прекратить эту безобразную сцену, господа? — я встала между ними, так что им волей-неволей пришлось

услышать меня.

— А вы осмелели, леди Майри, — сказал Дэбрэ, на полвдоха опередив Вилара.

Какое единство оценок, даже забавно. Хотя в чём они сошлись мнениями.

— Вы обсуждаете меня в моём присутствии, говоря обо мне, как о постороннем человеке. Это как минимум невежливо, как максимум — оскорбительно. Я уже говорила вам, виконт Дамиан — мне нечего вам сказать о причине совершённого мной. И виконт Вилар, даже желая того, не в силах удовлетворить ваше любопытство. Его зовут не Майри, он не может знать, что я думала и чувствовала, почему так или иначе поступила. Давайте каждый будет отвечать сам за себя.

Вилар, споря с Дэбрэ, вновь строил из себя заносчивого дурака, но мог быть и другим — теперь я это знала. Его репутацию можно было спасти всего парой слов — и я сделала это.

— Нас с виконтом Виларом не связывает ничего, вы неверно поняли его слова, виконт Дамиан. Ему не в чем себя упрекнуть. Он вёл себя по отношению ко мне исключительно благородно.

Дэбрэ мне не поверил, естественно, но формальности были соблюдены.

— Странно слышать, что вы допускаете мысль, — продолжила я, — что влюблённость, тем более заведомо безнадёжная, могла толкнуть меня на столь гнусное и бессмысленное преступление. Допустим, я как-то могла навредить королеве, но что бы мне это дало? Разве сделало бы меня богатой и знатной, достойной невестой для сына герцога?

Вилар молчал. Дэбрэ спорил:

— Вы вновь утверждаете, что невиновны?

— Это не я утверждаю, а божественный суд. Я лишь говорю, что не верю в месть как повод для злодеяний. Наказание заведомо превышает любые возможные выгоды. Или вы считаете, виконт Дамиан, что таким странным способом я могла бы разрушить планы на брак виконта Вилара с сестрой королевы? Мне это представляется весьма сомнительной идеей. Она бросает тень не только на моё здравомыслие, но и на доброе имя виконта Вилара. И я считаю недопустимым повторять подобные глупости даже в шутку.

Дэбрэ ещё выпрямился, гордо вскинул подбородок. М-да, его недовольство будет мне дорого стоить. А что я делала? Завоёвывала благосклонность другого — делала Вилара своим должником. А ещё тихо надеялась, что позже смогу залечить рану, нанесённую самомнению Дэбрэ и нашим с ним отношениям.

— Я смотрю, ваша память вернулась.

Какое неудачное замечание сделал Дэбрэ. И так не вовремя — Вилар, конечно же, услышал, нахмурился.

— Как и прежде, я утверждаю, что не помню ни своего преступления, ни причин, которые могли толкнуть меня на него. Благодарю, что разрешили нам с виконтом Виларом встретиться. Он помог мне многое вспомнить.

— Не сомневаюсь. И не могу дождаться той минуты, когда вы поделитесь своими воспоминаниями со мной.

— Боюсь, это невозможно. Всё это дела личные, семейные, не имеющие отношения к несчастью, случившемуся с нашей дорогой королевой.

Я оправдывалась и выкручивалась, как могла — Дэбрэ всерьёз злился. Застёгнутый на все пуговицы, он и внутренне ощущался таким: закрытым, ошетилившимся всеми защитами. Если бы я знала, что он встретится нам тут, на лестнице, то осталась бы в гостиной, предоставив чёрному псу право проводить Вилара до кареты. Или всё-таки нет? Сведения о жизни Майри, полученные от Вилара, оказались бесценными. И зная, что их получу, я бы, наверное, всё же рискнула.

Я должна рисковать, если хочу выпутаться из той ловушки, в которую попала Майри. Мне нужно больше знать о её жизни, чтобы навести в ней порядок. Теперь-то она моя, а разведка боем, как мне кажется, самая эффективная.

— Вы позволите мне спуститься с лестницы и проводить виконта до кареты? — спросила я у Дэбрэ.

О, как же ему не понравилась моя просьба.

Мы вместе посмотрели вниз. Несколько мужчин уже разгрузили обе кареты, и множество сундуков и коробок стояли на гравийной дорожке, а кое-что уже занесли в дом. Вещей у Майри оказалось немало.

— Хорошо. Только не делайте глупостей, — предупредил меня Дэбрэ, в последний миг удержав за руку.

— Не стану. — Я улыбнулась. Он что же, предполагал, что я сяду в карету и умчусь с Виларом в закат?

Вилар заметил, что меня задержало. Убийственный взгляд, который он бросил на Дэбрэ, прочитал бы и невинный ребёнок. Дэбрэ ответил таким же и недоброй улыбкой. Он отпустил меня, и его рука легла на пояс. Ни пистолета, ни шпаги там не было, но жест показался мне отнюдь не невинным. От него веяло невысказанной угрозой, и я решила, что не хочу прямо сейчас узнавать, как в моём новом мире выглядят драки между знатными господами.

Я встала между мужчинами, затем Вилар предложил мне руку, и мы спустились по лестнице. У кареты пришлось задержаться.

Вилар не хотел уезжать. Он долго смотрел на меня, в лицо, глаза, ласкал взглядом губы — его влюблённость заметил бы и слепец. А он не стеснялся её демонстрировать — похоже, больше не собирался скрывать свои чувства, по крайней мере, перед Дэбрэ. Но если наверху лестницы, когда мы считали, что говорим наедине, я видела в нём любовь и надежду на совместное будущее, то здесь, внизу, на первый план вышла печаль.

Он будто прощался со мной. Да, именно так. Я правильно поняла — он прощался с Майри. И я сказала, чтобы поставить твёрдую точку в их отношениях:

— Ты многое мне обещал — я возвращаю тебе все твои обещания. Отныне ты свободен от них и от меня.

— Майри...

— Пожалуйста. Для нас всё кончено — мы это знаем, и ты, и я. Я отказываюсь портить твою репутацию, твой будущий брак. Не хочу стать причиной разлада между тобой и отцом. Так случилось, что у нас больше нет будущего.

Он это понимал. О герцогине Майри больше не говорил. Только всё смотрел больным взглядом.

Ну же! Давай же, иди!

Вилар уже получил от меня все возможные индульгенции, но почему-то медлил. Всё стоял и смотрел на меня, держал за руку и будто не мог заставить себя сделать решительный шаг.

Как же всё это было мучительно.

Помощь скоро пришла.

Дэбрэ спустился по лестнице и подошёл к нам. Он по-хозяйски коснулся моей спины, положил руку на талию. Не знаю, как это возможно, но его ладонь мгновенно согрела кожу даже сквозь все слои корсета, юбок и платья.

— Виконт Вилар, уезжайте. И если у вас есть хоть капля тёплого чувства по отношению к леди Майри, больше сюда не возвращайтесь.

Глава 19. Содержанка башмачника

Вилар сделал вид, что не верит собственным ушам:

— Отказываете мне от дома, Дэбрэ? Вы — мне?

О, сколько возмущения. Он бы ещё по-пацански начал тыкать пальцами в грудь себе и противнику. Вместо этого — не лучший выбор, кстати — начал рассказывать, насколько он важен, а уж его отец, а уж в сравнении с сыновьями башмачников...

Я бы тихо посмеялась над сходством поведения благородных виконтов и крутых пацанов на районе, вот только беспокоилась о другом. Очень бы не хотелось стать участницей обычного продолжения беседы на тему: «Ты чё, меня не уважаешь?» Подобного нельзя допускать, даже если в этом мире разборки красиво назывались дуэлями. Суть-то от названия не менялась.

Мне не нужна между ними вражда, и хорошо бы наладить отношения с обоими. Я не в том положении, чтобы разбрасываться связями, даже такими сомнительными, как с Виларом. Папа часто повторял: «Не плюй в колодец...», и я хорошо помнила его совет, но вот эти двое явно собирались примерить на себя роли верблюдов. Хотя нет, Дэбрэ хоть и страшно злился — я чувствовала — внешне контролировал себя не в пример лучше соперника.

Он объяснился куда более сдержанным тоном:

— Я всего лишь предлагаю вам вспомнить о кодексе чести благородного человека. Надеюсь, вы понимаете: репутация леди Майри пострадает из-за продолжения ваших визитов, а сама она приобретёт ещё одного врага в лице вашей будущей невесты. А это не нужно ни ей, ни вам — никому, включая вашего отца. Вашими визитами сюда он точно не будет обрадован.

Ну наконец-то глас разумного человека! Я поймала взгляд Дэбрэ, улыбнулась ему. Он не ответил мне, но ощущение тепла от его руки на моей талии усилилось. Мы стояли напротив Вилара, вместе противостояли ему. Ещё и думали одинаково. Когда ты один против всего мира, чувство локтя, поддержка бесценны.

— Спасибо, виконт Дамиан, — с чувством сказала я. — Своим решением вы оберегаете не только меня, но и защищаете репутацию и

будущее семейное счастье виконта Вилара. Очень благородно с вашей стороны.

Дэбрэ никак не показал, что ему пришлось по душе мои слова, но я бы могла поклясться, что в нашей с ним игре только что набрала очки, а не потеряла.

А вот Вилар смотрел на меня так, будто я его предала. Словно не верил тому, что услышал от меня. Не знаю тогда, чем он до того слушал, когда я раз за разом повторяла, что нам нужно расстаться.

Повторение — мать учения, не так ли?

— Да, я согласна с виконтом Дамианом. Нам не стоит встречаться какое-то время, виконт Вилар. Моя репутация — м-м, я не так сильно беспокоюсь о ней, как о вашей. Вы не должны пострадать из-за меня.

— Вам не стоит говорить так даже в шутку, леди Майри, — спокойно заметил Дэбрэ. — Вы находитесь в этом доме именно для того, чтобы ваша репутация не пострадала.

Вилар покачал головой, переведя взгляд с Дэбрэ на меня и обратно. Мне не понравилось выражение его лица. Он всегда демонстрировал высокомерие, но сейчас как будто искренне смеялся над нами.

— В каком мире вы живёте? Пони и единорогов? — Вилар поднял руку. — Нет, не отвечайте. Майри девушка наивная, ей простительно витать в облаках, но вы, Дэбрэ, человек иного склада ума. Вы утверждаете, что привезли Майри в свой дом, чтобы защитить её репутацию? Вы это серьёзно? Ведь то, что Майри провела эту ночь под крышей вашего дома, полностью разрушило её репутацию, то, что от неё ещё оставалось. Вы уничтожили её, вы, а не я, соверши сюда хоть сотню визитов.

В наивности он меня зря обвинил. Его слова меня несколько не удивили, но, честно говоря, я ждала, что ответит Дэбрэ, как будет отрицать обвинения. И ничего не услышала.

Я повернулась к Дэбрэ. Он молча смотрел на Вилара: в глазах — холод, подбородок гордо поднят, губы плотно сжаты.

А Вилар будто не замечал сгущающегося напряжения — или, наоборот, специально дразнил притворяющегося статуей тигра.

— Пожалуйста, перестаньте так говорить, — пришлось защищаться самой. — Виконт Дамиан позаботился обо мне со всем

уважением. Даже самый строгий судья не найдёт в его поведении ничего предосудительного.

— Позаботился? — Вилар рассмеялся. — Маймай, твоя наивность очаровательна, но иногда ты такая глупышка.

Дэбрэ не стал возражать. Возможно, тоже считал меня душой.

— Смотрите сами, — Вилар начал загибать пальцы. — Эту ночь ты, Майри, провела в доме свободного от обязательств мужчины. После того как вчера этот же самый мужчина вытащили тебя почти голую из воды. А ещё все мы тут знаем, не так ли, что тебя, Майри, видели в непристойном виде в его карете. Отец нам с Катариной всё рассказал.

Вилар неприятно улыбнулся и заговорил, уже обращаясь к Дэбрэ:

— Так же не следует забывать, что вы дознаватель по её делу. Как происходит дознание, знают немногие, но любой с лёгкостью представит, каким способом человек с неограниченной властью может надавить на беззащитную женщину. Как легко, — он щёлкнул пальцами, — сломить сопротивление женщины и добиться от неё всего, чего пожелаешь.

Понятно, на что он намекал, и тем громче звучало молчание Дэбрэ.

Я повернулась к Дэбрэ, попыталась ему взглядом сказать: «Пожалуйста, не молчите». Но Дэбрэ даже не шелохнулся. Он оставался сосредоточенным и спокойным, казался совсем безразличным — но не мог такой человек, как он, быть в действительности равнодушным к таким обвинениям.

— Пожалуйста, — прошептала я, но он так ничего и не сказал.

Вилар демонстративно загнул последний палец на правой руке, так и не дождавшись возражений.

— Я насчитал пять причин, по которым множество людей уже сейчас готово поклясться, что Майри принадлежит вам душой, разумом и телом, и, возможно, не только этой ночью, но уже много дней. Так кто же испортил репутацию *леди* Майри, а, Дэбрэ? Я или вы?

— К леди Майри всегда относились соответственно её высокому положению, — холодно ответил Дэбрэ.

Вилар пренебрежительно махнул рукой, заговорил живо, активно жестикулируя:

— Но могли ведь относиться и по-другому. И в это другое люди поверят намного скорей. Признайте же, наконец, Майри уничтожена вами. Теперь никто никогда не даст ей своего имени, и её путь — это или стать содержанкой, или монастырь, или брак с человеком низкого происхождения.

Что? То есть он видел меня либо чьей-то любовницей, либо женой, не знаю, лавочника... А Вилар быстро забыл о предложении мне когда-нибудь стать его герцогиней. Играл тогда или сейчас? В любом случае расписанный им жизненный план меня не устраивал.

— Вы не можете обвинять меня в том, что мы с виконтом Дамианом разделили постель, — сказала я прямо.

— Я и не обвиняю тебя ни в чём, Маймай. Я знаю, как ты его ненавидишь. Но люди уже называют тебя его содержанкой. — Вилар нервным жестом откинул волосы со лба. — Мне жаль тебя огорчать, но это правда.

— Вы ошибаетесь, виконт Вилар, — ответил Дэбрэ. — Леди Майри — не моя содержанка, а заключённая под домашним арестом. И так как у неё больше нет дома, то я предоставил ей свой. На всё это есть королевский приказ.

Вилар усмехнулся. Желание как-то уколоть, уязвить предполагаемого соперника пышным цветом цвело и в выражении его лица, и в голосе.

— Дэбрэ, ну хватит уже притворяться ожившей статуей закона. Вы такой же человек, как и все. Я назову только факты, которые всем известны. Вы захотели Майри с первой встречи, упорно добивались её, решились свататься, хотя знали, что эта женщина не для вас. Уж поверьте, никто не забыл тот скандал — сын какого-то башмачника обхаживает воспитанницу самого герцога Вирского. А сейчас та, которая публично унизила вас, живёт под одной крышей с вами. Ну же, вы ведь дознаватель, сыскарь, так ответьте мне, что будут думать люди о вас и этой женщине в полной вашей власти, какие станут предполагать отношения между вами?

— Леди Майри находится под моей опекой, наблюдением и защитой. На это есть королевский указ, — повторил Дэбрэ холодным тоном. — Всё остальное — не более чем гнусные предположения. Но я совершенно не удивлён тому, что слышу их от вас. Вы допускаете низость в других, потому что сами на неё способны.

Вилар деланно рассмеялся. Глаза у него стали злыми. Верхняя губа дёрнулась, выдавая всё испытываемое им презрение.

— Да уж, Дэбрэ, а вы мастер переворачивать с больной головы на здоровую. Ну-ну. Вот только почему-то никто, ни один человек, из встреченных мной этим утром, даже не сомневается в том, что вы уже воспользовались столь щедрым королевским подарком. Кстати, передаю вам всеобщие поздравления. Вас называют баловнем судьбы и короля.

Дэбрэ, словно зеркало, повторил неприятную улыбку Вилара.

— Если уж строить предположения, то в равной степени справедливо сказать то же самое и о вас. Когда леди Майри стала для вас Маймай? С первого дня пять лет назад, или вы позволили ей повзрослеть достаточно, чтобы связь богатого наследника и бедной воспитанницы не считалась домогательствами по отношению к ребёнку?

Вилар побледнел — удар попал точно в цель, и я не могла не вмешаться:

— Пожалуйста, хватит оскорблять друг друга и пытаться как-то задеть. Прошу вас, дайте мне шанс восхищаться вашим благородным поведением.

Но они не желали слушать ни меня, ни цитаты из прочитанных книг. Топтались по больным мозолям друг друга и повторяли одни и те же суждения.

— Леди Майри находится здесь, потому что заботу об её дальнейшей судьбе мне доверил король.

— Да хоть сотни указов у короля подпишите. Рты вы ими никому не закроете. Со вчерашнего дня столица обсуждает только вас. То, что король благоволит вам настолько, что подарил в дополнение к титулу ещё и женщину, которая вам пришлась по вкусу.

Вилар повернулся ко мне. Его взгляд словно говорил: «Мне жаль». И при этом чувствовалось: ему давно хотелось это сказать.

— Больше не хочу обманывать тебя пустыми надеждами. Продай себя подороже, Маймай. Не первому встречному, а тому, кто даст тебе всё.

Ничего себе!

В переводе его речь, несомненно, означала: «Будешь выбирать любовника — выбери меня. Будь моей содержанкой, и за то, что ты

будешь моей милашкой Маймай, я тебя всем обеспечу».

Полчаса не прошло, как он говорил мне: «Люби меня, как любила прежде», «Я ещё смогу всё изменить», «Когда-то я назову тебя герцогиней». Настоящая Майри, скорее всего, растаяла бы, поверила ему и верила бы ещё долго, пока совсем не надоела и не оказалась бы вышвырнутой вон. Сейчас же, после того как открытые карты легли на стол, даже мне, не настоящей, не любящей его Майри, захотелось плюнуть ему в лицо.

Дэбрэ стоял рядом, и я скопировала его позу — высоко подняла подбородок, расправила плечи.

— Думаю, виконт Вилар, я нахожусь не в столь плачевном положении, чтобы торговать на улицах своим телом. Продавать себя я не планирую. Сейчас я нахожусь под защитой благородного человека, и даже когда он отпустит меня, то, уверена, не бросит без помощи.

Вилар держал лицо. Возможно, уже жалел о вырвавшихся у него словах. Но я за них была благодарна. Больше не приходилось гадать, кто такой виконт Вилар, каковы его чувства и цели по отношению ко мне — всё стало кристально ясно. Он видел Майри своей содержанкой. Разумеется, не только сейчас, но и всегда. Дурил девочке голову, а та, похоже, развесила уши и покинула этот мир под тяжестью навешенной им лапши.

Дэбрэ кончиками пальцев погладил меня по спине — единственный знак поддержки, который он себе позволил. Но мне хватило и этого, чтобы продолжить:

— Мы об этом уже говорили, виконт Вилар. Вам следует забыть ту лёгкость и простоту, с которой мы прежде общались, живя в одном доме. Ваш отец ясно дал понять, что больше я вам не сестра. Пожалуйста, помните об этом, когда говорите обо мне или со мной. То, что вы называете меня только по имени, может вызвать у окружающих людей не нужные никому подозрения. Ваша репутация не должна пострадать из-за меня. И моя репутация не должна пострадать из-за вашей неосторожности.

Я ходила по тонкому льду, но ни разу не поскользнулась. Говорила то, что считала нужным для себя и своего будущего. Кусочек мира, на который я могла опираться, с каждой минутой становился всё прочнее и больше. Теперь я не сомневалась, что выбранная линия поведения верна.

Вилар уехал — и я не приобрела в нём врага. Дэбрэ остался — и теперь мне предстояло утихомирить проснувшегося в нём дракона, а затем всё хорошенько обдумать. Предложенные мне жизненные стратегии восторгов пока что не вызывали. Но кто сказал, что Вилар прав, и это всё, что способна предложить мне новая жизнь?

Глава 20. Не увлекайся

Карета Вилара скрылась за поворотом дороги, привратник вновь запер кованые ворота, и только тогда Дэбрэ повернулся ко мне.

— Так вы всё вспомнили.

— Не совсем, — коротко ответила я.

Что-то я чрезмерно расслабилась в его присутствии. Мы вместе противостояли Вилару, наверное, поэтому. Теперь же защитник прямо у меня на глазах превращался в угрозу. Но если в Виларе временами мне виделся комично рычащий щеночек, то Дэбрэ напоминал хартмана. Того самого — размером с телёнка, серьёзного, с очень большими клыками.

— Что значит «не совсем»?

Мне не нравился его тон — недоверчивый, недружелюбный.

— Я всего лишь решила, что не стоит всем и каждому сообщать о потере памяти. Мне показалось, так будет лучше, чем объяснять виконту Вилару, что я не помню его. Вернее, увидела вчера в первый раз.

— Складно врёте, — коротко сказал Дэбрэ и кивнул в сторону лестницы. — Пойдёмте в дом.

— Я не вру.

— Да? — Дэбрэ слегка подтолкнул меня — и руку с моей спины не убрал. — Виконт вам поверил, значит, солгали вы талантливо. Либо не менее талантливо лжёте сейчас. В любом случае, вы, леди Майри, — опасная лгунья.

Опять двадцать пять. Что бы я ни сделала — в глазах Дэбрэ всё будет бесчестно и плохо. Интересно, он всегда будет видеть во мне недостойного доверия человека? Я как-то смогу изменить его отношение, или это в принципе невозможно?

Сложный вопрос. Как и человек. И чувства у него к Майри сложные, противоречивые.

Дэбрэ казался мне намного опасней Вилара. И предыстория их отношений с Майри тоже казалась более сложной и провоцирующей дальнейший конфликт. Если верить Вилару, Дэбрэ был настолько увлечён Майри, что сватался к ней. Получил отказ, причём со

скандалом — примем это на веру. А затем его назначили дознавателем по делу Майри, то есть официально позволили пытаться женщину, которая его оскорбила и публично унизила. У них тут что, вообще нет понятия о конфликте интересов?

Ещё одно доказательство противоречивости наших отношений с Дэбрэ я чувствовала собственной кожей. Мог ли он не замечать, что его ладонь всё это время касалась моей спины? Это продолжалось и когда мы стояли у кареты Вилара, и когда поднимались по лестнице, и когда вдвоём направлялись к гостиной.

Не верю, что он настолько рассеян. Но верю, что голова может думать одно, а руки делать совершенно другое. Обычное дело, когда ум спорит со страстью души. Если Дэбрэ не осознаёт, что творит, тогда это более чем откровенное признание с его стороны. А если осознаёт, то тогда Вилар прав, и ничто человеческое Дэбрэ не чуждо. Но может ли он расчётливо меня соблазнять?

Да уж, сколько мыслей и чувств, и всего-то из-за лёгкого касания к спине.

Шагая вперёд, я улыбнулась, наклонив голову. Сердце взволнованно стучало в груди, и как же мне это нравилось. Соблазняло так же сильно, как вчерашние корзиночки с кремом. Знаешь, что столько нельзя, а нравится так, что остановиться не можешь.

Интересно, что сказал бы Дэбрэ, если бы я сравнила его с украшенным малиной пирожным? Нахмурился или рассмеялся? Я ещё ни разу не слышала его смех...

На полпути нас встретила Софи.

— Сестра Катарина уснула, — она поклонилась нам обоим по очереди, — господин, госпожа.

Я повернула голову к Дэбрэ. Не знаю, о чём он всё это время думал, но вид у него стал строже обычного, лицо посуровело. Я зависела от его доброго расположения, но почему-то совсем не испугалась, заметив его недовольство.

— Я как раз хотела посоветоваться с вами. Катарина странно себя вела. При встрече расплакалась до истерики, а теперь спит. Вам не кажется, что это необычное поведение для неё, виконт Дамиан?

Я улыбнулась, и он нахмурился ещё сильнее.

— Вам лучше знать, что с ней происходит. По слухам, вы с вашей названной сестрой очень близки. Все знают: она и шагу не может

ступить без вашей помощи, и так было с момента вашей встречи.

Злой Дэбрэ — весьма неприятный Дэбрэ. Я постаралась пропустить мимо ушей его тон.

— Она больна?

— Почти не сомневаюсь, что её болезнь как-то связана с вами.

Здоровым людям поводыри не нужны.

Он так это сказал — я не смогла удержаться и возразила:

— Я не вредила ей!

— Да? — Он приподнял брови. — Откуда бы вам, беспамятной, об этом знать?

Он снова это делал. Пытался загнать меня в угол, обвинял. И злился. А ещё смотрел на мои губы. Ему бы определиться, что он хочет больше — целовать меня или оскорблять и отталкивать.

Софи сказала:

— Простите меня, господин, госпожа, но горничные и кухарки не должны оставаться без присмотра. Мне нужно раздать поручения и проследить за их исполнением. Сестра Катарина спит в гостиной одна. Думаю, она разволнуется, если, проснувшись, никого не найдёт возле себя.

Мне даже понравилось, как умело Софи дала мне указания. Не как горничной или кухарке, но оставалось лишь согласиться с тем, что она хотела заставить меня делать.

— О, спасибо, конечно же, я за ней присмотрю. Благодарю за помощь, госпожа Софи. Вы были очень добры, позаботившись о Катарине.

Софи поклонилась и без лишних слов ушла к девушкам, которые натирали пол дальше по коридору.

Дэбрэ остался стоять рядом со мной. И его ладонь всё ещё касалась моей спины. Не могу сказать, что мне это не нравилось — наоборот, будоражило, кружило голову, как лёгкое вино. Только глубоко дышать в корсете не получалось, а в остальном я чувствовала себя превосходно. Кровь быстрее бежала по венам — всего лишь из-за одного его лёгкого прикосновения, твёрдо заявляющего: «Я здесь». Я ощущала его так полно, мне это нравилось, и, в отличие от Дэбрэ, я себе не врал. Чем сильнее он злился, тем больше мне нравилось его неравнодушие. Как вызов на бой, оно делало меня более живой, а мир вокруг — ярким.

Да, он опасный человек. Я это помнила... Ну, временами.

До чего ж удивительные ощущения, а ведь мы даже не смотрели друг на друга. Разговаривали, глядя в спину уходящей Софи.

— Не стоит искать во всех моих словах только ложь. Да, я не могу точно знать, делала ли что-то против Катарины. Но я не верю, что могла бы решиться на такую жестокость. Тем более в столь юном возрасте. Сколько мне было лет, когда мы с Катариной встретились? Вы знаете?

— Сейчас вам двадцать два...

«Так же, как и мне...»

— ...значит, тогда было семнадцать.

«Как и мне, когда я всё потеряла...»

— Некоторые в семнадцать рожают детей. А вы хотите уверить меня, что в свои семнадцать были невинным ребёнком, не знающим зла. Это вы-то, Майри?

«У него нет доказательств. Он всего лишь предполагает. Стоп, я подумаю обо всём этом позже, а пока...»

— Леди Майри, — я впервые напомнила ему о том, как он должен ко мне обращаться. — Пожалуйста, виконт Дамиан. То, что касается репутации виконта Вилара, касается в равной мере и вас. Не стоит называть меня только по имени, если вы не хотите, чтобы наше поведение неверно истолковали. Не стоит этого делать и наедине, иначе в присутствии других лиц легко будет ошибиться.

Я не смотрела на него, но его гнев так ярко чувствовался даже в давлении на мою талию кончиков его пальцев. Оно стало другим, более твёрдым и властным.

— Простите, на миг я забылся, что вы лишили меня права называть вас по имени, леди Майри.

— Вы забыли не только об этом, или ваша рука на моей талии должна значить что-то совершенно невинное?

Он мгновенно убрал руку и отступил на шаг. Значит, и правда забылся.

Я всё ещё чувствовала тепло в том месте, где он касался меня. Но теперь оно таяло — хорошо для него, и для меня тоже. Виконт Дамиан Дэбрэ не корзиночка с кремом, им нельзя так безудержно увлекаться. Но и удержаться почти невозможно. Особенно, когда понимаешь, что его ведёт не разум, а чувства. Как и тебя.

— Простите, я не хотел ранить вашу скромность. Я всего лишь... неважно. Простите меня.

Он ещё и извинился. Как это мило. Если, конечно, не замечать, насколько он зол.

Теперь Дэбрэ стоял напротив меня. Пышное платье касалось его сапог. Он смотрел мне в лицо, и я бы могла поклясться, что его настроение ещё сильнее испортилось.

— Возвращаясь к вопросу моей репутации, — Дэбрэ говорил, глядя мне прямо в глаза. — Моей репутации в свете ничто не может навредить. Одного моего происхождения и рода занятий хватает, чтобы леди, включая точно таких же выскочек из низов, отказывали мне и выставляли мои чувства на потеху всем желающим посмеяться.

О. Я и не ожидала, что он сам об этом заговорит. И хотя я хотела услышать его версию, моё настроение тоже стало стремительно ухудшаться.

— Пожалуйста, не говорите так. Я не могла отказать вам только по этой причине. Я не могла быть настолько жестокой. Пожалуйста, Дэ... виконт Дамиан. Я не помню этого совершенно.

— Зато я отлично помню ваше поведение и слова, и ту скандальную публичность, в которую вы завернули свой отказ. Вы швырнули его мне в лицо, как пощёчину. Будь вы мужчиной, я бы вызвал вас на дуэль.

Не понимаю, как до этого дошло. Только что мы говорили совсем о другом.

— Я не помню этого. Не знаю, что заставило меня так поступить. Простите меня. Если вас это удовлетворит, то поверьте, я сожалею, что между нами всё так случилось. Если бы я могла что-то изменить, как-то исправить причинённое вам зло...

— Замолчите.

Он тяжело дышал, и я тоже. Я почти не могла смотреть ему в лицо. Собственное — пылало, хотя я, Майя Белохвостикова, никогда не делала ничего плохого Дамиану Дэбрэ. Хотя бы потому, что тогда он общался не со мной, а с Майри. Но почему-то за случившееся между ними *мне* стало удушливо стыдно.

— Я хочу дать вам дельный совет, — сказал Дэбрэ.

Мне приходилось дышать очень часто. Проклятый корсет ужасно давил.

— И какой же?

Дэбрэ мучил меня недолгой паузой. Наконец сказал:

— В столице я, наверное, единственный человек, кто точно знает, что эту ночь вы провели в собственной спальне.

И... Это всё? А где же совет?

— Что означают ваши слова? Вы единственный знаете, что я чиста перед вами. Ваши слова — это предложение?

— Нет. — Противореча себе, он шагнул вперёд, сменяя моё чрезмерно пышное платье. — Никаких предложений вам от меня не будет. Никогда.

Дэбрэ коснулся моих губ кончиками пальцев. Прикосновение вышло нежным и бережным. Волнующим, будто поцелуй.

Я смотрела ему в глаза, не могла шелохнуться. А он меня всё «целовал». Наконец убрал руку. Чёртов корсет — у меня перед глазами мутилось. Казалось, ещё миг, и я тут лишусь чувств, как нервная барышня из романа. Но сознание оставалось при мне, и я стояла навтыяжку перед Дэбрэ. Только дышала едва-едва под его взглядом и мысленно рисовала его лицо, чтобы потом обязательно повторить на бумаге. Такую откровенность нельзя потерять и повторить вряд ли получится. Но я так старалась запомнить его таким — закрытым и открытым одновременно. Пытающимся скрывать чувства и кричащим о них.

— Я поклялся, что никогда больше не попаду в настолько унижительную ситуацию, как тогда с вами.

— Я не помню ничего. Я не знаю, о какой ситуации вы говорите.

У меня сердце прыгало в груди так, что казалось: если бы не корсет — вывалилось бы ему прямо под ноги. Мантра «Он очень опасный человек, не увлекайся» больше не помогала.

Он едва заметно покачал головой.

— Я вам не верю, Майри.

Он опять забыл назвать меня леди.

— Но я готова поверить тому, что вы скажете мне. Просто скажите. Что я должна сделать?

Глава 21. Вопросы-ответы

— Идите к сестре.

Не этого ответа я ждала от Дэбрэ, но он быстро взял себя в руки. С таким лицом не возвращаются к откровенным признаниям.

«Не стоит жалеть. Он опасный человек. Возможно, он ненавидит и любит Майри, но ты не Майри. Ты здесь первый день, и он — твой первый встречный. Думаешь, в этом мире нет людей лучше него?»

Ничего я не думала. Он хотел уйти — я хотела его удержать, пусть это и было желанием сродни подёргать тигра за хвост.

— А вы? — В груди всё ещё так гулко стучало и на что-то надеялось глупое и неосторожное сердце. — Вы пойдёте со мной?

— Я приехал сюда лишь для того, чтобы убедиться, что вы не наделали глупостей.

— И?

— Что «и»?

— Я наделала глупостей?

Кажется, я пыталась их наделать прямо сейчас. Он тоже так думал. Выражение его лица стало холодным и отчуждённым.

— Не играйте с огнём, или для вас это плохо закончится.

Он повернулся на каблуках и ушёл, больше ничего не сказав. Даже не кивнул на прощание. Жалел, что раскрыл свои чувства? Уверена, что так и есть. От меня, чеканя шаг, уходили его гордость и самомнение под флагом застарелой обиды, которую он и не думал прощать.

Я думала о его словах и о поцелуе — таком необыкновенном и странном, обо всём случившемся и ни о чём конкретном, сидя в кресле напротив спящей Катарины. Время шло, часы в углу уютно тикали, а сердце продолжало стучать, обгоняя секунды, никак не хотело возвращаться к прежнему ритму.

Это случилось. Я чрезмерно им увлеклась.

Дэбрэ — очень опасный мужчина. Всего одним невинным прикосновением и несколькими словами он заставил меня почти забыть о... Если бы только о Виларе. Но я забыла о себе, своей жизни и интересах. Как он это сделал? Меня тянуло к нему. Я думала о нём, а

не о новой жизни, в которой всё требовало размышлений. Разумно так поступать? Конечно же, нет!

— О чём ты думаешь?

Я вздрогнула всем телом. Совершенно забыла, что находилась здесь не одна. Поза Катаринины не изменилась, даже ритм дыхания не поменялся, единственное отличие — теперь она смотрела на меня и легко улыбалась.

Первые её слова подсказали, что мы на «ты» и, кажется, в неплохих отношениях.

— Ты уже не спишь? — Я провела рукой по волосам, уложенным Софи в высокую причёску. — Как давно?

— Я и не спала.

— Так ты притворялась. — Я улыбнулась ей точно так же, как и она мне. — Зачем?

— Конечно, чтобы поскорей избавиться от Вилара. — Катарина села, оправила платье. — Вы поговорили? Ты ведь отказала ему, или он опять задурил тебе голову? Что тебя так задержало? Но ещё интересней — о ком ты думала только что? Ты даже не заметила, что за тобой наблюдают. Как любопытно.

Катарина задавала вопросы, но ответов не требовала, легко перескакивала с темы на тему. Единственное, на чём она настояла — чтобы я пересела к ней на диван.

— Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, Маймай, — уговаривала она меня, не замечая, как собачья кличка режет мне слух, и тянула за руку, живая и непосредственная, будто ребёнок.

А ведь она старше. Ей даже не двадцать пять. И она не замужем, что для женщины в мире, где правят мужчины, — настоящая катастрофа.

Она хотела сидеть рядом со мной и держать меня за руку. Она так прямо и сказала — с подкупающей искренностью и даже наивностью. Повторила около дюжины раз, что страшно, просто ужасно соскучилась за время нашей разлуки.

— Это были самые страшные две недели в моей жизни. Я просила о встрече с тобой всех, даже Себастьяна, ходила к нему несколько раз, умоляла тебя простить. Но никто не слушал меня. Хорошо ещё, слугитель Томин не смог мне отказать, а так, — она судорожно

вздохнула, — я так боялась, что мы больше никогда не увидимся. И я даже не смогу попрощаться с тобой.

Я кивала. Будто знала, кто такой Себастьян и служитель Томин.

— В тюрьме нам так и не дали поговорить. Служитель Томин такой вредный. Разрешил мне пойти с собой, но заставил поклясться у алтаря, что я буду молчать. Хорошо хоть священные книги позволил нести. И я смогла увидеть тебя!

Она взяла мою ладонь в свои горячие немного влажные руки. Смотрела на меня с такой радостью, будто была моей настоящей сестрой. Возможно, я заразилась подозрительностью Дэбрэ, но не могла не заметить чрезмерности её восторгов. Детская непосредственность, открытость, лучистый взгляд, солнечные улыбки — всё это, конечно, прекрасно, только дочь герцога, сестру Вилара — тем более, я представляла иначе. Более жёсткой, эгоистичной, высокомерной. Возможно, я жертва предубеждений, но Катарина выглядела Золушкой, а не принцессой. Да ещё это унылое платье на ней, полное отсутствие украшений. Она ведь красавица, с её происхождением могла бы стать королевой, а по виду и поведению — простушка простушкой.

— Ты ведь не сердись на меня? Ну скажи, ну скажи же, Маймай, что не сердись!

Я улыбнулась, пряча тревогу. Мне откровенно не нравилось её ребячливое поведение. Если бы она играла, но нет, она казалась искренней и естественной. Это-то и пугало. Словно в теле взрослой женщины жил наивный ребёнок.

Наверное, только такой человек отважился бы просить короля с королевой о помиловании Майри. Сама эта просьба ставила просителя под удар, ведь Майри обвиняли в убийстве ребёнка королевской четы. Так кто, как не ребёнок по духу, решился бы на столь безрассудный поступок?

Да и, если подумать, что я знала о Катарине? Пять лет назад, когда мне было семнадцать, Катарина, посещая приют, содержащийся на деньги её отца, отправилась с другими девочками купаться. Разве это обычное поведение для дочери герцога? Скорей всего, уже тогда Катарине исполнилось больше двадцати лет, она должна была бы интересоваться не посещением приютов, а балами и женихами, или

уже быть замужем. С таким-то отцом, да и красотой желающих взять её в жёны должно быть немало.

Дэбрэ прав. Тут что-то не так.

— Хорошо, я не сержусь на тебя. Но за что не сержусь, ты мне можешь напомнить?

Катарина весело рассмеялась и лукаво взглянула на меня из-под светлых ресниц.

— Я знала, что ты не станешь сердиться. Я верила, что ты не всерьёз мне приказала отказаться от встреч с тобой, когда ты спасёшься.

«Когда спасусь? Она это серьёзно?»

— Целая неделя — это ведь так долго. А когда до того мы не встречались уже две недели — так это целая вечность. Я так рада, что ты не сердишься. Я бы не выдержала ещё целых семь дней вдали от тебя!

Я постаралась её не спугнуть:

— Ты верила, что я спасусь?

— Конечно. Я это знала. Ведь ты мне это сказала! Я прекрасно всё помню.

— Ха-ха. — Меньше всего мне хотелось смеяться, но я улыбалась так широко, что щёки болели. — Уверена, что ты мои слова не так уж и точно запомнила.

Катарина рассмеялась в ответ, прижала руку к груди.

— Я помню каждое твоё слово с первой нашей встречи, — сказала она, глядя мне в глаза с пугающим обожанием.

— Докажи!

— Если меня арестуют, — начала цитировать Катарина, — тогда ты, Кати, сделаешь всё возможное и невозможное, но добьёшься встречи со мной. Лучше действовать через служителя. На эту встречу ты обязательно принесёшь мою священную книгу и подашь её мне, когда придёт время священного чтения. Ты никак не покажешь, что я поручила тебе это сделать и никому об этом не скажешь. Затем священную книгу ты заберёшь домой и спрячешь в своей комнате в обычное место. Когда я пройду испытание Лорнским источником, ты подождёшь три, нет, лучше семь дней и только тогда посетишь меня и привезёшь мне все мои вещи. И книгу, конечно.

Я слушала с таким вниманием, что, кажется, тоже приобрела талант повторить каждое услышанное слово. Ещё бы мне их забыть: «Ты подождёшь три, а лучше семь дней». Майри знала, что с ней произойдёт? Она подготовилась? Она не сомневалась, что пройдёт испытание источником, то есть знала обо мне? И самое важное — а что случится потом, через три дня после источника?

— А потом ты сказала, что я ни в коем случае не должна встречаться с тобой неделю после освобождения. Пообещала меня наказать, если я ослушаюсь. Но, — Катарина доверчиво улыбнулась, — ты ведь не накажешь меня. Ты ведь уже сказала, что не сердишься на меня. Ты ведь дашь мне то, что мне нужно?

Чувствовалось, что ради желаемого, Катарина готова на всё. Она говорила, как посаженная на иглу наркоманка — старалась быть милой, откровенно боялась отказа. Майри была её дилером, что ли?

— А что ты хочешь, Кати? Скажи мне, и я дам тебе это, если смогу.

Катарина счастливо вздохнула, будто я пообещала ей достать луну с неба. К сожалению, ей нужна была не луна.

— Прошло две недели, и меня снова мучают те страшные сны. Стоит закрыть глаза, и я вижу реки огня и горю в них. Пожалуйста, убери их, забери их от меня. — Она судорожно вздохнула. — Я так устала. Без твоей защиты я ничего не могу делать, не могу спать. Не знаю, сколько бы я ещё протянула без твоей помощи. Но теперь ты рядом, слава Деве-сестре. Все эти дни я молилась, чтобы Она вернула тебя.

Катарина доверчиво протянула мне руку ладонью вверх.

— Пожалуйста, Маймай, помоги мне, как всегда помогала.

Глава 22. Быстроведьма

Софи упоминала: Майри, по слухам, могла лечить наложением рук. Всё, что могла я — неумело изобразить пассы руками, видела, как это делается, в давней передаче про экстрасенсов. Я лихорадочно искала дельную мысль (ага, как за пять секунд стать целительницей), а в голову всё лезла картинка-воспоминание о той безымянной даме с тюрбаном на голове и вспотевшим от напряжения лицом. Желания повторить её крехс-фехс-пехс не возникло.

Пауза затягивалась, достойного выхода из ситуации не находилось. Катарина терпеливо ждала — я смотрела на её протянутую ладонь, будто надеялась увидеть там шпаргалку для начинающих ведьм, где будет чётко сказано, что мне сейчас делать. Шпаргалки не появилось, зато линии судьбы, ума и сердца Катаринины насмерть врезались в память.

— Пожалуйста, Маймай, — повторила Катарина, так ничего от меня и не дождавшись.

Я взяла ладонь Катаринины в свои руки. Судя по удивлению, появившемуся на её лице — не угадала.

«Умное» тело (ну вдруг, чудеса ведь случаются), к сожалению, тоже не пожелало вспоминать, как лечить людей. Я держала в руках чужую тёплую чуть влажную ладонь — и ничего. Я честно попыталась пробудить в себе ведьминские силы (ну вдруг!): закрыла глаза и от всей души пожелала Катарине здоровья.

— Ты не хочешь мне помогать? — спросила Катарина. — Так я всё же наказана?

— Ты не наказана. — Я посмотрела в её широко распахнутые глаза. — Поверь, я совершенно не злюсь на тебя.

Мысли в голове скакали, искали выход, но открыть в себе ведьму-целительницу за пару секунд я никак не могла. Мне было жаль доверчивую, наивную Катарину, но единственное, что я могла сделать — это наглейшим образом врать.

Я погладила ладонь Катаринины и улыбнулась.

Дэбрэ назвал меня опасной лгуньей. Меня, кстати, а не Майри. И я собиралась доказать его мнение делом.

— Хочешь, я открою тебе тайну?

Мне не было стыдно. Я боялась лишь плохо соврать и лишиться доверия Катарины.

— Тайну?

Катарина наклонила голову к плечу. Страх в её глазах сменило любопытство.

— Да, мой секрет, и я им с тобой поделюсь. Если хочешь, конечно.

— Конечно, хочу!

Врать ей — как рассказывать малышу сказки про Деда Мороза. Судя по зачарованному взгляду, она примет на веру всё, что я скажу.

— Знаешь, почему я попросила тебя не встречаться со мной после Лорнского источника?

— Нет. Ты не говорила. А почему?

— Потому что вода из источника сильно повлияла на меня. Я заранее знала, что так и будет. По моим расчётам, эффект продлится три дня, но может растянуться и до недели. А может, и дольше, тут сложно сказать, ведь из-за виконта Дэбрэ я почти утонула. Святая вода попала и в лёгкие, я совсем не могла дышать.

Катарина поверила мне. Наивная глупышка, она даже не подумала, что я могу ей врать.

— Я не хотела, чтобы мы встречались эти дни, потому что ничем не могла бы тебе помочь. Мне так больно тебя огорчать, Кати, но сейчас я совсем бессильна.

— Но сила к тебе вернётся? — У Катарины слёзы стояли в глазах.

— Надеюсь.

Она так смотрела на меня, с такой надеждой, тоской, что ей захотелось помочь. И если я могла сделать хоть что-то, то стоило попытаться.

— Но, может, мне удастся вернуть силы пораньше, — сказала я. — Давай вместе попробуем, Кати.

Глаза Катарины просияли, она немедленно протянула мне ладонь. Так маленький ребёнок или собачка просит поиграть или конфету. Страшно видеть такой беззащитной и наивной взрослую девушку. Катарина ведь не дурочка, говорит связно, внимательна, притворилась спящей и всех обманула, и Софи, и меня. Наблюдала за мной, подмечала детали, нужную Майри книгу успешно пронесла в тюрьму,

к тому же у неё хорошая память. Что резало без ножа — так её наивная доверчивость и почти животное обожание в глазах, готовность верить всему, что ей говорят.

Но про Вилара она сказала: «Он опять задурил тебе голову». Служителя Томина назвала вредным. Значит, она безусловно верит тому, что говорю ей я, но к другим может относиться иначе?

Дэбрэ сказал: «Её болезнь как-то связана с вами. С момента вашей встречи вы — её поводырь».

Я потёрла шею, так вдруг мне стало не по себе. До тошноты отвратительно в собственном теле, вернее, теле Майри. Если эта ведьма превратила Катарину в свою марионетку... Нет, я не стану думать об этом сейчас. Сначала я получу доказательства, затем всё обдумаю и решу, что со всем этим делать.

— Нет, Кати, мы сделаем по-другому. — Я постаралась улыбнуться, но вряд ли это получилось естественно. — Во мне сейчас нет ни капельки силы. Я точно не смогу тебе помочь. Но мы попробуем помочь тебе твоими собственными силами.

Катарина широко распахнула глаза.

— Моими?

— Конечно. Ведь каждая женщина — немножечко ведьма.

Катарина, к моему искреннему изумлению, быстро закивала.

— Да-да, ты права. И священное писание так говорит. Женщина — сосуд греха. Мне эти слова всегда казались неправильными и несправедливыми. Ведь есть Дева-сестра и Дева-мать, и Дева-возлюбленная. И каждая из них, и все они — женщина. Так как же мужчины смели писать о женщинах как о сосудах греха?

— Это всё из зависти мужчин к той созидательной силе, которая есть в каждой из нас, — ответила я.

Катарина настолько воодушевилась моими словами, что вскочила на ноги и принялась ходить по гостиной. При этом она размахивала руками и что-то негромко говорила — вела себя ну точно сумасшедшая. До меня долетали лишь отдельные слова, некоторые из них звучали весьма необычно. И только затем я поняла: Катарина молилась.

Она резко остановилась в центре гостиной и торжественно объявила:

— Да, я полностью согласна с тобой. Каждая женщина — немножечко ведьма. Ты совершенно права. И как я не думала об этом прежде? Ведь об этом говорят все священные книги. Там ведь так и написано. И как я этого не замечала?

Катарина села рядом со мной.

— Научи меня, что мне делать, — решительно сказала она, вновь протянув ко мне руку ладонью вверх.

И это когда я надеялась у неё расспросить, что делала Майри.

— Ты знаешь это сама, — ответила я со всей убеждённостью, которую могла изобразить. — Я помогала тебе множество раз. И ты знаешь, как я это делала.

Я протянула собственную ладонь Катарине.

— Открой в себе силу и передай её мне. И тогда, наполнившись хоть немного, я тебе помогу.

Что я говорила — кошмар. Меня бы остановить какому-нибудь разумному человеку, но нет, рядом была только Катарина, и её глаза сияли пугающим воодушевлением.

Двумя руками она обняла мою ладонь — сверху и снизу. Она закрыла глаза, и такой, с простой причёской и совершенно без макияжа, напомнила мне известную картину, посвящённую Деве Марии.

Ощущение безмятежности ушло с её лица, сменившись напряжением. На лбу выступила испарина, капелька пота потекла по виску. Если я только смотрела, то Катарина тратила немало сил, чтобы найти внутри себя ведьму.

Ну-ну. Вера, говорят, творит чудеса. А ещё — опиум для народа. В последнее верится несколько больше.

Я скептически улыбалась, когда...

Момент катастрофы я помню кусками. Скрежет сминаемого металла, хруст стекла, визг шин — это начало. А затем чёрный безмолвный провал, из которого в кошмарах ко мне всегда приходит огонь. Его я помню так хорошо, что согласилась бы полностью лишиться памяти, лишь бы забыть тот запах и звук, ощущение, с которым огонь пожирает тебя, какую адскую при этом приносит боль.

Сейчас огонь тёк по моим венам. От ладони, которую держала Катарина, даже когда я с беззвучным воем сползла на пол, он

огненным смерчем продвигался внутрь моего тела. Тогда я, изломанная, сгорала снаружи — теперь горела внутри.

Глава 23. Близкие отношения

Первое ощущение — наконец-то свободно дышу. Я лежала на кровати, на восхитительно прохладном белье уже без платья и удушающего корсета, всего лишь в тонкой сорочке. Лицо и левую руку охлаждал ветерок, веющий из приоткрытого окна. По потолку с забавными гипсовыми завитушками и кружевной занавеске я свою комнату и узнала.

Тело будто плыло на перинах, таким ощущалось пустым и лёгким, в венах — ни следа огня, только пьяная нега. Я подняла правую руку, посмотрела на неё, но не нашла даже крохотного покраснения на коже. А ведь в памяти крепко-накрепко засела картина, как я горю изнутри.

— О, Маймай, наконец-то! Ты пришла в себя!

Я узнала голос Катарини, а затем увидела её — она загородила собой потолок с завитушками. Волнение отражалось в её глазах, лицо светилось от радости. В ответ захотелось так же широко улыбнуться.

— Г-м... М-да?

Чем интересно меня напоили? На языке остался приятный вкус, но даже в этом плывущем состоянии сознания я понимала, что чувствую себя не так, как должна.

— Сколько раз я тебе говорила, что носить корсеты вредно. А уж в такую жару — преступление перед собой! — Катарина поправила на мне одеяло и села на край кровати, взяла за руку — ту руку, что и тогда.

У меня внутри всё обмерло. Я ждала, затаив дыхание. Ждала, но огонь не пришёл. Зря испугалась — слава кому-то, кто меня уберёт от повторения огненной пытки.

— А что случ-чилось? — язык заплетался. Катарине, чтобы расслышать меня, пришлось наклониться пониже, а мне — повторить вопрос.

— Ты упала в обморок из-за того, что любишь быть самой красивой. Конечно, ты очень хорошенькая в этом платье, но ты им чуть не убила себя. Корсет был безбожно затянут. У тебя на теле даже остались следы — страшные, будто ты прошла через пытку.

— Увы, такова цена красоты, — сказала появившаяся у кровати Софи и с материнской заботой положила влажное, слабо пахнущее розами полотенце мне на лоб.

Ох, как хорошо. Благословенно прохладно.

— Как вы теперь себя чувствуете, леди Майри?

— Намного лучше, спасибо. — Я кашлянула. — Что вы мне дали? У меня кружится голова и как бы... — Я помахала невесомой рукой, пытаюсь сообразить, как объяснить своё состояние, но все слова вдруг разбежались. Разлетелись в разные стороны, как выпущенные из стеклянной банки бабочки и мотыльки.

— Как будто всё качается, и мир нереален? — спросила Софи.

— Да.

— Это из-за настойки огневика. Хорошая вещь, даже доктора не пришлось звать. Она вас живо подняла на ноги.

Весьма сомнительное утверждение, учитывая, что я лежала, а кровать подо мною качалась. Подумав, я пошевелила пальцами на левой ноге, потом на правой, на обеих ногах, и почти совсем успокоилась. Главное, я могла ходить, а остальное не так уж и важно.

— Это скоро пройдёт?

— Да, конечно, — Софи беспечно махнула рукой. Ещё бы, это же не у неё заплетался язык, и мозги превратились в вязкую кашу. — Немного сладких пирожных и горячий чай с мятой помогут вам прийти в себя поскорей. Прикажете подавать, госпожа?

Я заторможено кивнула. И только потом поняла, что Софи актёрствует не ради меня. Это она на Катарину пытается произвести впечатление. Как интересно. И почему это она так старается?

Всё скоро выяснилось. Это в общении со мной Катарина казалась наивной простушкой, с прислугой она так себя не вела. Отдавала указания спокойно и чётко, добивалась того, что хотела — никто не смел ей возражать.

— Как это ты даже не завтракала? Софи, и куда вы смотрели? Это вы так заботитесь о моей любимой сестре?

Катарина заставила Софи и проходящих горничных побегать. Нам накрыли стол у окна. И тут оказались не только пирожные и чай, а множество блюд, сервированных так красиво, как я до этого ни разу не видела. Две девушки помогли мне встать с постели, одна поддерживала, вторая подавала халат.

Я помнила вчерашний ужин — двое за столом и один на ногах, прислуживает и слушает каждое слово — и при первой возможности шепнула Катарине:

— Попроси всех уйти. Не хочу, чтобы наш разговор слушали. Позавтракаем только вдвоём.

— Ты проспала несколько часов, уже давно полдень, так что нас ждёт лёгкий обед. Для тебя — с завтраком вместе, — громко ответила Катарина и приказала Софи более жёстким тоном, будто говорил совсем другой человек: — Нам с сестрой пока не нужна ваша помощь. Колокольчик оставьте здесь, на столе, когда будет нужно, мы вас позовём.

Изменчивость её поведения и та сила, которая теперь чувствовалась в ней, сбивали с толку. Словно два человека одновременно жили в одном теле. Дочь герцога, привыкшая повелевать, и доверчивая девушка, смотрящая на меня с обожанием во взгляде.

Хм. Так собаки ластятся к хозяевам и показывают зубы другим. Мне стало не по себе: я-то ведь не хозяйка, я ею лишь притворяюсь.

Когда мы остались наедине, я уже хотела спросить: «Что на самом деле случилось?» — а сказала почему-то:

— Ну что, у нас получилось?

Катарина заулыбалась.

— Конечно же, получилось. Поверь, я даже не сомневалась в тебе. Ты снова очистила меня от огня. — Она счастливо вздохнула. — Раньше ты сама вытягивала его из меня, а сегодня я его подтолкнула, и ты всё-всё забрала. Во мне, кажется, вообще ничего не осталось. У нас всё получилось даже лучше, чем всегда.

Я упала в обморок, несколько часов не приходила в себя, а до того мне показалось (и показалось ли — большой вопрос), что огонь горит в венах. И это всё Катарина описала как лучше обычного?

— Главное, что теперь ты освободилась, — дипломатично заметила я.

Катарина кивнула.

Да, несомненно, для неё главное — собственное исцеление. А цена, которую за её спокойную жизнь платит Майри, а теперь, получается, я — не так важна. А может, и вообще неважна.

Ослепительная улыбка на лице Катарины в моих глазах как-то поблекла.

— Тебе стало плохо, как и всегда, и я даже не сразу поняла, что что-то не так. А ты взяла и потеряла сознание. Я испугалась, позвала на помощь. Думала, что убила тебя. — Катарина вздохнула и вновь улыбнулась. — А потом выяснилось, что твой обморок — это из-за одежды.

Ей явно нравилась последняя мысль. Она не пожалела времени прочитать мне целую лекцию о вреде корсетов. Я успела неплохо перекусить, а она всё говорила и говорила.

— Не думаю, что стоит обвинять только тесное платье, — сказала я, чтобы перестать уже это слушать, в конце-то концов.

— Знаю, Маймай, — Катарина даже не смутилась. — Не думай, что я не понимаю, как ты добра и как сильно я тебе обязана. Всегда была и всегда буду. Но сегодня ты забрала у меня намного больше обычного. — Она наклонила голову набок и спросила: — Ты всё ещё его чувствуешь?

Я не чувствовала ни черта, кроме лёгкого ужаса, холодком бегущего по спине. В том числе, от перспективы повторения ужасного опыта.

— В тебе накопилось столько огня, — нейтрально заметила я.

— Да, наверное. Поэтому тебе и стало хуже обычного. Спасибо тебе, дорогая Маймай. Ты снова исцелила меня. Ты даже не представляешь, какими ужасными для меня были эти недели.

С одной стороны, Катарина обожала меня, вернее, *Маймай*. С другой — ей, похоже, даже не приходила в голову мысль, что меня стоило бы освободить от обязанности лечить её таким ужасным способом.

Не хочу её осуждать. Я целый год провела в больницах. Меня мучили боли, мне кололи наркотики. А потом я слезала с иглы. И это было почти так же мучительно, как та боль, от которой они меня прежде спасали. Не мне осуждать Катарину. Я знаю, как это бывает, когда цена не важна, только бы мучения прекратились. И я тоже умела просить, требовать, ныть и кричать, падать с кровати на пол и с воем ползти к цели по одной, но очень важной причине — мне надо, без этого мне не прожить. А как они оправдывали назначения препаратов, в какие неприятности попадали, меня — честно — не волновало.

Всё справедливо. Судьба сделала круг, и я оказалась на другой стороне. Моя помощь нужна Катарине, и цена, которую я буду платить, для неё не имеет значения.

Катарина больше не желала обсуждать случившееся и принялась перескакивать с темы на тему. Уговаривала меня съесть то и это, рассказала о жаркой погоде, о том, как позавчера виконтесса Брамон упала в обморок прямо в покоях королевы, и что все мы, так жестоко мучающие себя — сумасшедшие. Она расслабилась и озвучивала все приходящие в голову мысли. Я не мешала — у меня всё ещё кружилась голова, и круговорот тем, поднимаемых Катариной, прийти в себя не помогал.

Иногда я смотрела на свою руку — и не чувствовала ничего, ни капли огня. Но он ведь был, тёк внутрь меня. Каждая секунда пережитого ужаса так и стояла перед глазами. Рука, плечо, голова, грудь и сердце пылали. От боли я кричать не могла — и проснулась уже в постели.

Ни при каких обстоятельствах я бы не хотела пережить это вновь.

— Кати, как ты думаешь, через какое время нам нужно будет снова увидеться, чтобы тебя подлечить? — спросила я.

Катарина отложила щедро намазанную маслом булочку на тарелку.

— День, может, два, — хмурясь, сказала она. И это после того, как продержалась вдали от Майри две недели.

— Боюсь, вдруг виконт Дэбрэ запретит нам видеться так часто, как нужно, — пояснила я.

— Встречаться с сестрой не запретит, — жёстко ответила Катарина. — Если будет нужно, я упаду ему в ноги. Пусть потешится своей властью, пока она у него есть.

Она холодно усмехнулась, и меня потрясло семейное сходство, которое прежде не так бросалось в глаза. С таким выражением лица она выглядела, как и ожидалось от сестры виконта Вилара и дочери герцога Вирского.

— Он разрешит нам встретиться раз или два, а затем может за что-то меня наказать, и мы не сможем увидеться, — сказала я.

— Я буду рыдать у него в ногах, если потребуется, и он поддастся моим уговорам, — ответила Катарина с крайне неприятной улыбкой Вилара. — Не бойся ничего. Тебя скоро отпустят. Сегодня я

встречаюсь с Себастьяном и буду говорить о тебе. Ты прошла испытание Лорнским источником, а значит, доказала свою невиновность, так что долго держать тебя под надзором — это почти святотатство.

— Вилар сказал: все говорят, король благоволит виконту Дэбрэ.

Катарина легко взмахнула рукой.

— Может, и так. Но теперь Себастьян не сможет мне отказать. Он вернёт тебя в наш дом так быстро, что ты не успеешь распаковать все свои вещи.

— А как же твой отец? — Герцог Вирский стал моей последней надеждой, но, увы, ненадолго.

— Отец не отважится спорить с королевским приказом. Ему придётся его исполнять.

Катарина вернула всё внимание сдобной булочке и ароматному чаю, вскоре принялась вновь болтать. Себастьян то, Себастьян это, повторяла она. А я всё сильнее убеждалась, что *сестру* Катарину и *короля* Себастьяна связывали более чем близкие отношения.

Глава 24. Книга

Под болтовню Катарини я мысленно составила список того, что меня беспокоило. Пунктов набралось немало. В первую очередь — Катарина и я при ней в роли дозы морфина, затем её брат и отец, где-то там маячащий грозной тенью, Дэбрэ, его подозрительность и упорство хартмана, Софи с её играми и угрозами и даже слегка позабытый принц Антуан, желающий заполучить ведьмовскую книгу и (пока) не добившийся цели. Ах, да, ещё королева, которая вряд ли просто так простила мне потерю ребёнка, и король Себастьян. С королём пока всё непонятно, но как раз он — мистер Икс — будет решать, где и с кем мне жить. И вот честно — такое положение дел меня совсем не устраивало.

Но самая главная моя проблема — Майри, угроза её возвращения и, соответственно, для меня — кошмарная перспектива вернуться назад, в изуродованное аварией тело. На миг я представила себя в коляске в маленькой квартирке на пятом этаже дома без лифта, и мне стало трудно дышать.

Та-ак, обо всех остальных проблемах пока что разумней забыть. Майри просила Катарину не встречаться с ней в течение трёх дней после испытания источником. «Трёх, а лучше семи».

Один из этих трёх дней уже позади, вот что самое страшное.

— Ты привезла мою книгу? — спросила я, прервав Катарину на полуслове — она что-то говорила о каком-то там графе. Что, мол, он по мне страшно скучает.

— Да, конечно. Она у меня с собой. Отдать её тебе?

— Да. Попробую почитать, может, удастся восстановиться быстрее.

Я думала, Катарина её откуда-то принесёт, но она достала небольшой свёрток из кармана платья.

Книга была завернута в несколько слоёв плотной желтоватой бумаги, и я открывала её с такой осторожностью, будто драгоценный подарок. По длине она оказалась размером с ладонь от запястья до кончиков пальцев, по толщине — тоже совсем небольшой. Чёрную обложку украшал выдавленный рисунок пятиконечной звезды. От

пентаграммы, которую я рисовала, эта отличалась лаконичностью и простотой. И всё равно странно — украшать такую книгу я бы не стала. Зачем? Ведь это опасно, с пентаграммой на обложке любой человек быстро отличит эту книгу от остальных, её толком не спрячешь.

Наконец я раскрыла её. Просмотрела несколько первых страниц, заглянула в конец и в середину. М-да, не эту книгу я ожидала увидеть.

— Это молитвенник, — сказала я, чувствуя себя разочарованной.

— Почему ты так расстроилась? Это та самая книга, которую ты просила меня сохранить. Её я носила тебе в тюрьму. Никаких других книг ты мне не давала. Что-то не так?

Я вновь перелистала книгу.

— Здесь не хватает страниц.

Надо же было хоть что-то сказать. Не могла же я признаться Катарине, что ожидала увидеть не собрание древних стихов, а пентаграммы и пояснения к ним — то есть книгу, которая научила бы меня, как стать ведьмой.

— Да? — Катарина принялась рассматривать книгу. — И правда, тут не хватает семнадцатого стиха.

— Неважно. — Я забрала у неё книгу.

— Она испорчена, — огорчилась Катарина. — Хочешь, я отдам тебе свою?

Она вытащила из кармана точно такую же книгу, только без обёрточной бумаги, и вручила мне её со словами:

— Бери, дорогая. Дома у меня ещё есть. Только испорченную не выбрасывай. Она освящена, и если нельзя ею пользоваться, то нужно сжечь. Если хочешь, я могу это сделать.

— Не надо, Кати. Я сама всё сделаю как полагается.

Я погладила обе книги по корешку и, отложив в сторону свою, показала Катарине её подарок.

— Этот знак, — сказала я, обводя пальцем тиснение пентаграммы. — Он меня всегда восхищал своим лаконичным совершенством.

Как я и ожидала, Катарина тотчас подхватила новую тему:

— Знак Девы-Сестры. Многие не задумываются, но его не просто так изображают на обложках молитвенников. Приступая к молитве, нам необходимо сосредоточиться на этом знаке, соединиться мыслями с

Девой и только затем приступать к чтению. Только так наши слова будут услышаны. А бу-бу-бу себе под нос с мыслями, бродящими неизвестно где, никому не поможет. — Она резко замолчала. — Извини, я забыла, как тебя всегда раздражает эта тема.

— Не настолько сильно, как ты думаешь, — я улыбнулась. — Ты веришь всем сердцем, ты пошла путём Девы-Сестры, и я всегда уважала твой выбор.

Судя по лицу Катарины, я всё верно сказала. Я хотела узнать больше, нуждалась в подсказке. Не просто так Майри просила принести эту книгу в тюрьму. И чем больше я буду знать, тем легче мне будет разобраться во всём.

— Мне всегда хотелось узнать... — начала я, но нас прервали.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Дэбрэ. Можно сказать — ворвался, так быстро это произошло, и таким сосредоточенным, напряжённым он выглядел. Не только выражение лица, но и тёмная одежда делали его вид угрожающим.

— Мне сообщили, вы упали в обморок, были не в себе несколько часов.

Катарина вскочила и шагнула навстречу Дэбрэ.

— Виконт, моя сестра сейчас не готова к приёму гостей, — прервала она его объяснения.

Дэбрэ остановился на полпути.

— Но я здесь не гость.

— Но вы и не муж, чтобы видеть мою сестру в неглиже. Прошу вас выйти. Немедленно.

Катарина вытолкала Дэбрэ в коридор, и дверь за ними закрылась.

Глава 25. Огонь и вода

Шло время, в комнату никто не заходил. Я устала ждать — и зря терять драгоценные минуты. Выглянула в коридор, но там никого не оказалось. Как странно, разве могла Катарина вот так уйти, даже не попрощавшись? Гостиная располагалась всего через три двери от моей комнаты, и меня так и манило проверить, там ли они и о чём говорят. Отсюда я не слышала ни звука, но стены тут везде толстые, двери — массивные. При определённой удаче я могла подслушать что-нибудь любопытное. Случайно, конечно, ага.

Рискуя шокировать всех местных ханжей видом весьма приличного халата до пола, я отправилась на разведку. Но, увы, никого не нашла. Гостиная оказалась пуста. Когда я вернулась к себе, то услышала топот копыт. Только и успела увидеть в окно отъезжающую карету.

Значит, Дэбрэ выгнал Катарину из дома. Уже второму члену семьи герцога Вирского указал на дверь. Ничего себе. А он дерзкий, никого не боится.

Если Катарина, Вилар или их папенька обратятся к королю, то что Дэбрэ будет делать? Или его положение прочней того, которое есть у Катарины, называющей короля только по имени?

Вопросы-вопросы. Ответов нет, но они сейчас не слишком-то и нужны.

Я оглянулась на лежащие на краю стола две небольшие книги в чёрных обложках, вздохнула. И как во всём этом разобраться? Но надо, или я вернусь к себе, в ту жизнь, из которой так счастливо сбежала.

Первым делом я задёрнула занавески. На улице становилось всё жарче, солнце жарило в окна, но внутри стояла приятная прохлада, а теперь ещё и приятный полумрак. Взяв книги и сняв халат, я забралась в постель.

Если захотят меня ещё чем-нибудь озадачить — скажусь больной, и точка.

Первым делом мне следовало изучить книгу. Хорошо, что есть вторая — будет с чем сравнить.

Я только открыла ту, которую Катарина подарила мне вместо испорченной, как в дверь постучали. Софи попросила разрешения убрать со стола. Пока девушки всё складывали на подносы и уносили, она подошла ко мне.

— Как вы себя чувствуете, леди Майри?

Это из-за лишних ушей она так мила?

— Лучше. Голова кружится меньше. Чай с мятой и правда помог, спасибо за добрый совет и сам чай, всё было очень вкусно. Но осталась слабость в теле. Так что сейчас я хотела бы отдохнуть.

До сих пор мне не приходилось сказываться больной — попытка откосить от школы в возрасте десяти лет не в счёт. Но, кажется, Софи мне поверила, в отличие от мамы. Отметка в сорок с половиной на градуснике маму несколько не впечатлила. Вместо возможности поваляться в постели, читая любимые книжки, мне выдали подзатыльник, велели одеваться и ввели новое правило: никогда не мешать градусником горячий чай.

— Виконт просил меня спросить, может ли он посетить вас сейчас ненадолго. Это возможно? — сказала Софи. Тон намекал, что иного ответа, чем да, не предполагается.

— Нет, если к этой встрече нужно готовиться. — Софи недоумённо нахмурилась, и я пояснила: — Если нужно надевать корсет и платье, то нет, я категорически против.

Опять потратить уйму времени, да ещё и так мучиться — ну уж нет!

— Но если я могу остаться в кровати, как сейчас, то, разумеется, виконт может зайти. Так ему и передайте.

Софи долго смотрела на меня.

— Вы помните, госпожа, мы с вами кое о чём говорили?

Ещё бы.

Последняя девушка с подносом вышла за дверь, и мы остались одни.

— Я не собираюсь его соблазнять, если вы этого боитесь, Софи. Даже мысли такой не возникло. Виконту с моей стороны ничего не угрожает.

Софи покачала головой и почему-то вновь напомнила мне маму. Внешне они не были похожи, но мелькнуло что-то в выражении лица

— смешинка и осуждение теми глупостями, которые творят у тебя на глазах.

— Тогда вы намного глупее, чем я о вас думала, леди Майри, — подтвердила мои наблюдения Софи тоном, которым служанки с господами не говорят.

— Что вы имеете в виду?

— Если то, что я видела в гостиной, повторялось не раз, а я уверена, что так и есть, то вам стоит молиться Деве-Покровительнице, чтобы остаться здесь, в этом доме. Виконт Дэбрэ — один из немногих, кто сможет защитить вас от огневицы.

— Кого?

Софи улыбнулась, глядя на меня так, будто я — неразумный ребёнок.

— Если бы не высокое положение отца, сестра Катарина не ходила бы просто так среди людей, а давным-давно молилась Деве-Сестре в каком-нибудь отдалённом монастыре и носу оттуда бы не казала. Такие, как она — с даром огня, очень опасны.

Не знаю как, но Софи, похоже, всё узнала. И понимала во всём этом намного больше меня.

— О чём вы говорите? Каком ещё даре огня?

— Когда вы упали в обморок, огневица позвала на помощь. Она была очень неосторожна. Я видела её глаза — они светились жёлтым огнём.

— Вам, наверное, показалось. Это невозможно.

Софи покачала головой.

— Не трудитесь её защищать — поздно. Я уже всё рассказала господину. Теперь он знает, что в доме герцога Вирского нашла приют ещё одна ведьма — намного опаснее вас. Вы всего лишь сосуд для чужого огня, а наполняла вас сестра Катарина. Она очень хитра. Сама не колдовала, использовала для этого вас. Это же очевидно.

— Откуда вы всё это знаете? Вы придумываете на ходу. Нет и не было ничего из того, что вы говорите!

Софи наклонила голову к плечу, разглядывая меня со всем вниманием. Улыбнулась с материнской мягкостью.

— Маленькая глупая девочка, — сказала она и взяла меня за правую руку точно так же, как и Катарина тогда: обняла мою ладонь

своими сверху и снизу. — Как ты думаешь, почему сейчас не горишь, как должна бы гореть?

— А я должна?

— Ты должна пылать изнутри, мучиться и сгорать, пока не сделаешь что-нибудь, чтобы потратить чужую силу. Что, не знала об этом?

Она смотрела мне прямо в глаза. Из тёмных, почти чёрных они вдруг посветлели, стали голубыми, и в мою ладонь, прямо внутрь меня будто потекла чистая прохладная вода. Это длилось мгновения, Софи быстро отпустила меня, и её глаза вновь стали тёмными.

Остатки головокружения, слабость, с которой я проснулась, ушли, будто их с меня смыло водой.

— Вы тоже ведьма? — спросила я, резко садясь на кровати. — Он знает?

— Виконт Дэбрэ знает разницу между природным даром и использованием его во зло. Если и существует на свете человек, который способен понять и защитить вас, так это он. Вместо того чтобы врать и играть в глупые детские игры, доверьтесь ему, расскажите всё, что он у вас спросит. Я не знаю другого человека, который был бы больше достоин доверия.

Я схватила её за руку.

— Но он знает о вас, вашем даре, и не топит в Лорнском источнике, не поит водой?

Она улыбнулась, словно мои вопросы порадовали её.

— Сегодня вы пили чай из лорнской воды. Пили обе. И ничего страшного с вами обеими не произошло. У меня для этого факта есть только одно объяснение.

Я ждала.

— Сестра Катарина никогда не использовала свой дар во зло. Ну а вы...

Ей нравилось со мной играть. Словно кошка с мышью или глупым котёнком.

— Пожалуйста, — сказала я. — Не мучайте меня. Если есть, что сказать, то говорите. Прошу.

— Вода из Лорнского источника сжигает грешные души. Ваши с Катариной чисты. И при этом, всем известно, леди Майри призналась в чудовищных преступлениях. А ещё я знаю её, её гордость,

высокомерие и самомнение. Она бы в жизни не попросила прощения у прислуги. Как многие, поднявшиеся наверх из грязи, каждым словом и жестом она доказывала, что намного выше нас, простых смертных. Когда господин прислал письмо, что привезёт в свой дом леди Майри, я удивилась только одному — ведьма выжила. Я знала, кого увижу. И вдруг здесь появляетесь вы и первое, что говорите: простите меня.

Её глаза вновь стали светлыми, как вода. Я и хотела, и не могла отвести взгляда от её глаз. Она словно смотрела мне в душу.

— Вы не она. Не знаю, как такое возможно, но больше в этом не сомневаюсь.

Она улыбнулась, словно прочитала по глазам все мои бьющиеся в панике мысли, и отступила на шаг от кровати.

— Я передам господину, что вы чувствуете слабость и пока не встаёте, но готовы с ним поговорить.

Я смотрела ей в спину до боли в глазах.

— Подождите, — хрипло сказала я, когда она уже взялась за ручку двери.

Она повернулась ко мне.

Я схватилась за лоб, пытаясь сформулировать всё, что хотела спросить.

— Доверьтесь ему. Это лучшее, что вы можете сделать, леди Майри, — сказала Софи и вышла.

Глава 26. Ненавижу сомнения

Я так не волновалась, даже ожидая вердикта знаменитого травматолога профессора Брыньского. Все анализы, томографии, снимки забрала его медсестра, приказала ждать, когда позовут. И я сидела под дверью кабинета в неудобной больничной коляске, молилась, хотя не знала молитв, и руки у меня леденели. Он был моей последней надеждой. Тогда я получила ответ: «Нет, вам никогда не стать на ноги, не с текущими технологиями, а вот в будущем...», что на самом деле означало нет, никогда.

Ненавижу всё ставить на кон. Жизнь не игра, которую можно перезапустить и начать всё заново. И так уже чудо произошло, и я здесь, вновь на ногах и с лицом человека, а не чудовища. Потерять всё, доверившись случаю — нет, я так не могу. Это может быть мой последний шанс на нормальную жизнь, и что мне предлагают? Поставить всё на добросердечие и понимание человека, который вовсе не выглядит добросердечным.

Но сколько он для меня уже сделал: и жизнь спас не раз, и в дом взял, и всем обеспечил... Но он мог всё это делать не для меня. Дэбрэ — дознаватель. Он ведь сам говорил, что хочет раскрыть тайну, как я его обманула. А ещё он ненавидит Майри. Даже если допустит, что я — другой человек, то сможет ли преодолеть недоверие?

Чёрт, у меня уже голова идёт кругом от всех этих мыслей.

Софи сказала, что Дэбрэ — один из немногих, кто может меня защитить. А сам Дэбрэ сказал, что таких, как я, рассказывающих о других мирах, тут запирают в психушку. Наверное, как и везде. Расскажи я профессору Брыньскому, как смогла встать на ноги — допустим, мне представился такой случай — и что же? Сто процентов, меня бы тоже закрыли в психушке.

Так что же мне делать? Дэбрэ уже совсем скоро придёт. Что ему говорить? И что ему сказала Софи?

Если она ему рассказала о своих подозрениях насчёт меня, то и мучиться нечего — так и этак развернется ад. Но если промолчала, дала мне шанс самой всё открыть — то я могу ничего ему не

говорить... А затем Софи всё же выскажется, и я, уже я, а не Майри, стану в его глазах лгуньей.

Да он уже так считает. Когда мы провожали Вилара, сказал, что я складно лгу. Он сомневался не в том, что я лгунья, а в том лишь, кому именно вру.

Сомнения, сомнения. Чёрт, ненавижу сомнения. Люблю, когда всё чётко, по полочкам. Чтобы понимать, где я и что я. Ведь только что решила притворяться, и всё получалось, и вот — я опять в той же точке, когда непонятно, как повести себя лучше. Вишу между небом и землей и кричу: «Что делать? Люди, ау, помогите. Что делать-то мне?!»

Ладно, всё. Пора брать себя в руки.

К молитвенникам я прикоснулась лишь для того, чтобы спрятать их понадёжнее. Положила под подушку. Согласна, это первое место, где сама бы стала искать, но придумать что-то другое я сейчас не могла. Поправила одеяло, натянула его повыше, замерла на минуту. Снова откинула одеяло и принялась горкой складывать подушки. Села и откинулась на них спиной. Снова поправила одеяло. Затем волосы. Затем растёрла заледеневшие ладони — а он всё не шёл!

Может, уже и не придёт?

О.

И правда, чего это я? Он услышал от Софи, что мне нехорошо, и я не готова принять его при всём корсетном параде — и не пойдёт сюда. Каждый раз, когда я была неодета, он заметно смущался и злился. Так зачем ему мучить себя? Ну конечно же, он не придёт. И чего это я...

Дверь негромко скрипнула, открываясь. Дэбрэ вошёл, церемонно поприветствовал меня, будто до этого мы не встречались.

— Я могу войти? — спросил, будто и так не вошёл.

Я кивнула — даже рот открыть не смогла, так меня штормило. Что делать? Рискнуть или не рисковать? И что в моей ситуации риск — довериться ему или не доверять?

Ненавижу, ненавижу, ненавижу сомнения!

Дэбрэ остановился недалеко от кровати, и я поймала себя на мысли, что не могу решиться не то что признаться ему, а даже посмотреть в его лицо. Мой взгляд зацепился за чёрный сюртук, ухватился за верхнюю пуговицу и словно приклеился к ней.

Он не сел на край кровати, как Катарина. И не сядет, наверное. Ой, конечно, не сядет, чего это я?

— Возьмите стул. Прошу вас, присаживайтесь, — сказала я таким сдавленным и нерешительным тоном, что стало стыдно перед ним и собой.

Но он не стал смеяться надо мной, а пошёл за стулом и поставил его недалеко от кровати. Когда он сел, я больше не могла смотреть только на его одежду, ведь наши глаза оказались на одном уровне. Но в глаза ему всё равно не смогла посмотреть. Умирала от волнения, как кисейная барышня. Хотя он ничего, вообще ничего ещё не сказал!

...Ему бы следовало побриться.

Какая умная и, главное, своевременная мысль.

Я могла бы отругать себя, а пошла в своём безумии дальше.

У него красивые скулы, плотные, чётко очерченные губы и синева на щеках, хотя утром он брился. Если снять с него этот чёрный сюртук, оставить только рубашку, белую, немного измятую за день, то получатся идеальные снимки для Men's Health. И поза пусть остаётся такой же: на стуле, с широко, но не чересчур расставленными ногами — уверенно доминирующая. Я бы непременно купила журнал с ним таким на обложке. И ещё чтобы подпись под фото: «Самый сексуальный дознаватель и всё, что вы хотели о нём узнать, на стр. 48». На странице сорок восемь я бы прочитала статью, в которой виконт Дэбрэ предстал бы в лучшем виде, и я бы тотчас избавилась от всех сомнений. Побежала бы доверять ему свои тайны и кокетничала бы напропалую. Ну, с моими талантами и опытом — уж как смогла. Скорее всего — неловко, краснея и раз за разом садясь в лужу. А он бы меня оттуда красиво и благородно спасал...

Я выдохнула и смогла улыбнуться. Как хорошо. Паника отступила, испуганная абсурдом, который я позволила себе представлять. Метод, помогавший мне не раз прежде, действовал и в этом мире.

— Как вы себя чувствуете, леди Майри? — спросил Дэбрэ.

— Лучше, спасибо.

Он молча смотрел на меня, ничего не говорил, и я тоже молчала — ждала от него подсказки.

Так знает он или нет?

«Что делать? Что делать?» — вновь пронеслось в голове угрозой возвращения истерикосмерча, и я сделала первое, что пришло в голову: мысленно поцеловала Дэбрэ. В собственном воображении

встала с кровати, решительно присела ему на колени, обняла ладонью чуть колющееся лицо и коснулась губами его губ. Подарила ему поцелуй — свой самый первый.

В голове стало совсем тихо. Ну наконец.

Глава 27. Серьёзный разговор

— Нам нужно серьёзно поговорить, — сказал Дэбрэ.

Его напряжённый сосредоточенный вид немного (много) пугал.

— Вы выбрали не лучшее начало для разговора, — ответила я, улыбнувшись через силу. — Беседы, начинающиеся с таких слов, обычно малоприятны.

— Я ценю ваше желание разрядить обстановку, но делать это не нужно. Я здесь не для пустой болтовни. Нам с вами надо всё обсудить и решить, что делать дальше.

Как чувствует себя человек, которого схватили за горло — так, как я, прямо сейчас.

— Софи мне всё рассказала.

От этих его слов воздух застрял в горле и голова стала такой пустой, что ей оставалось только оторваться от тела и взмыть вверх, как наполненный гелием шар.

А Дэбрэ продолжил говорить — чётко проговаривая каждое слово, без тени эмоций:

— Я поговорил с сестрой Катариной и больше не сомневаюсь: всё обстоит именно так, как сказала Софи. У сестры Катаринины — дар огня, а вы — её прикрытие, тот клапан, через который она сбрасывает пар, чтобы с одной стороны, не сгореть, а с другой — не использовать свой дар.

Он выглядел таким спокойным, а я всё сильнее подозревала, что под маской он прячет злость.

Так оно и оказалось.

— Почему вы молчали? Почему не признались? Вы, демоны вас раздери, даже в бочке со святой водой об этом молчали! Как вы вообще смогли это от меня скрыть?!

Он вскочил, пылая праведным гневом, а мне стало так хорошо. Прямо от сердца отлегло — так обо мне он не знал, только о Катарине.

«Спасибо, Софи. Спасибо, только, пожалуйста, и дальше молчите. Не спешите докладываться хозяину, пока я с вами не поговорю».

Дэбрэ прочитал мне целую лекцию об опасности, которую представляют собой люди, обладающие таким даром, как Катарина.

Его послушаешь, так все беды от них — ведьм обученных и необученных.

— Катарина ни в чём не виновата, — сказала я, когда смогла вставить хотя бы слово. — Она никому не вредила.

Кроме меня, но об этом я не собиралась говорить.

А вот Дэбрэ — да, собирался.

— Она наполняла вас своей силой. Жгла вас изнутри, и даже это не заставляет вас отнестись к ней разумно?

— Я не помню такого.

— Правда? — Он встал и прошёлся по комнате взад и вперёд. Остановился у окна, на меня не смотрел, руки сложил за спиной. — Хорошо. Допустим, вы не помните прошлое. Но сегодняшней день не забыли? О нём не хотите мне рассказать?

Не знаю, почему я пыталась, да ещё и так неумело защитить Катарину. Ничего хорошего лично мне она не сделала. Её бы сдать в руки властей, и моя проблема с ней легко и просто решилась бы.

Разумно? Ещё как.

Соблазнительная мысль? Как бы не так — отвратительная до тошноты. Не хочу, чтобы моими руками заперли в клетку другого человека.

— Не молчите, — приказал он таким тоном, что я вздрогнула.

Но что я могла сделать для Катарины, не навредив и себе?

— Я боюсь, что произошло недоразумение. Или, возможно, я что-то не так поняла. Я не хочу своими словами навредить Катарине.

Он повернулся ко мне, ожёг меня тяжёлым взглядом, который напомнил мне нашу первую встречу.

— Говорите, как есть, и не вздумайте врать.

— Я постараюсь, — ответила я, и он хмыкнул.

— Даже не отпираетесь, лгунья?

— Я постараюсь выразиться как можно более чётко, внятно и полно, чтобы мы поняли друг друга. Это очень важный вопрос, от него зависит судьба человека, и не хотелось бы навредить Катарине из-за простого недоразумения. Вы понимаете, о чём я говорю?

Он закрыл глаза, покачал головой, будто хотел сказать: «Боже, Майри, какая же ты наивная дура».

— Я не собираюсь жаловаться на неё, — сказала я. — Не хочу ни на кого доносить. Сестра Катарина не сделала мне ничего плохого ни

раньше, насколько я знаю, ни сейчас.

— Ну тогда расскажите мне, как именно она не сделала вам ничего плохого сегодня, когда вы оказались вот здесь, в постели, не в себе долгое время. Вы ведь понимаете, что чуть не погибли? Как именно это произошло? И не вздумайте врать, я это сразу пойму. Не советую вам проверять границы моего терпения.

А он и правда зол.

— Не собираюсь я врать.

Я вздохнула. Есть факты и есть их интерпретации. У Софи — одни, у меня могут быть другими.

— Мы были в гостинной, разговаривали, Катарина взяла меня за руку — вот и всё, что произошло. День сегодня жаркий, корсет — ужасное изобретение. Поверьте, мужчинам очень повезло, что не нужно этот пыточный ужас носить. Мне не хватало воздуха всё время, когда я была в нём. Обморок случился из-за духоты. Да, когда я теряла сознание, мне привиделся огонь, но в реальности его не было. Это всё жара и не больше того. Сестра Катарина тут вообще не при чём. Она всего лишь была рядом и позвала на помощь, за что ей моя огромная благодарность. Я не помню ни её, ни виконта Вилара, вообще никого, даже вас. Но по тому, как мы общались с сестрой Катариной, думаю, она всегда была ко мне очень добра. У неё доброе сердце и чистая душа. Сестра Катарина не ведьма. Поверьте мне, пожалуйста, виконт Дамиан.

Угу, легче уговорить гору не быть горой и озеро не быть озером, чем упросить Дэбрэ принять что-то на веру. Он смотрел на меня так, будто я — ребёнок с лицом в пятнах шоколада, рассказывающий, что не брал никаких конфет и совсем не знает, куда они делись.

— Я не вру, — сказала я до того, как он вновь меня обвинил. — Катарина не ведьма. Вы можете дать ей святой воды, она пройдёт испытание.

— Да, пройдёт, даже не сомневаюсь. Она ещё не ведьма, она — та, кто ею станет. Это должно было случиться уже очень давно, но ей повезло встретить ведьму-пустышку, не имеющую своего дара, но способную принимать чужую силу и за счёт неё колдовать. — Он усмехнулся. — Да, Майри, я говорю о вас. Это вы ей помогали.

— Как вы меня назвали? Пустышкой? — переспросила я. И во второй раз прозвучало не очень. Мало бы кто порадовался такому

определению в свой адрес.

Хотя в моих интересах быть незначительной. И всё же даже смешно: попасть в другой мир и не стать там ни принцессой, ни даже великой ведьмой, а всего лишь отлучённой от дома сироткой без денег, связей, репутации, дара — пустой.

— У вас, Майри, редкий талант — именно в нём заключается опасность и для других, и для вас. Вы нужны таким, как сестра Катарина. Теперь, кстати, понятно, почему в вашей книге были записи и про магию огня, и воды, и земли. Вам передавала силы не только сестра Катарина, но и другие. Такая юная и такая искусная — вот, что я подумал о вас, когда заполучил вашу книгу. Сегодня вы поразили меня в очередной раз. — Он неприятно усмехнулся. — Правильно ли я понимаю, что в доме герцога Вирского найду ещё двух ведьм?

— Не знаю, где и кого вы сможете найти. Не помню ничего о жизни в том доме. Не помню о книге, не помню никого и ничего. Я говорю правду. Я не собираюсь свидетельствовать против сестры Катарины, не собираюсь врать, даже если так смогу вам понравиться и заслужить ваше одобрение. Я не доносчица, и моими руками вы зло ей не причините.

Он так смотрел на меня — обидно до слёз, что приходилось ему противостоять.

— А ещё вы говорите только правду? — Дэбрэ спросил с таким видом, будто ждал от меня только вранья.

— Правду. Я ни слова вам не солгала.

Он смотрел на меня, и его взгляд едва получалось выносить.

— Пожалуйста, поверьте мне. Я не вру.

Он кивнул, хотя весь его вид олицетворял скепсис и недоверие.

— Хорошо. — Его беспечный тон противоречил тому, что видели мои глаза. — Я поверю вам, разумеется. Но сначала вы мне признаётесь.

— В чём? — Я скрестила руки на груди.

И этого мужчину я мысленно целовала? Кусок гранита, и тот помягче и понежней. Мне не нравился его взгляд-кинжал, его насмешливая улыбка. Ужасно хотелось на него накричать.

А потом он сказал:

— Кто вы?

Та-дам. Я замерла, как заяц, увидевший волка. Даже взгляд от него не смогла отвести.

— Кто вы? — повторил он. — Вы либо невероятно поглупевшая, переставшая понимать ситуацию и свои выгоды Майри — во что я не верю, потому что лучше многих знаю Майри, либо кто-то другой, вернее, другая. Кто вы, не Майри, не хотите ответить?

Он быстро преодолел расстояние между нами, склонился надо мной, вжавшейся в подушки. Его взгляд стал чудовищным, страшным. А я во всех подробностях вспомнила, как хватала воздух открытым ртом, как мигом оглохла, как упала на пол тюремной камеры, разом лишившись всех сил из-за одного лишь его первого взгляда. Как я могла позабыть, каким пугающим он мог быть?

Всё вернулось: ощущение уходящей из-под ног земли, воздуха, застревающего в горле, оглушающего биения крови в ушах.

Он не дал мне отвернуться, заставил смотреть на себя, держал моё лицо в ладонях и вглядывался прямо в душу. А я видела бездну в его глазах. Падала в неё, падала — чтобы оказалась в полной темноте и безмолвии. Но даже там, в полном нигде, я помнила его взгляд и золотистые звёзды в его карих глазах, и ощущение накрывающей, лишаящей воли силы.

Глава 28. Дозированная откровенность

Возвращение в мир оказалось даже приятнее, чем в прошлый раз. У меня не болела и не кружилась голова, свежий воздух набегаящими волнами касался лица, и кто-то держал меня за руку. Доброй феей оказалась Софи, она сидела рядом со мной на краю кровати. Красивым веером из белых перьев на длинной ручке — опахалом, да, кажется, это называется именно так — меня обмахивал Дэбрэ — до смешного невозмутимый, с лицом сфинкса.

Встретившись с ним глазами, свой взгляд я тут же отвела.

— Вы пришли в себя, как хорошо, — сказала Софи и отпустила мою руку.

Для кого-то такое прикосновение — мелочь, а я растрогалась чуть ли не до слёз только потому, что меня держали за руку. Я даже не помню, когда в моей жизни это случилось в последний раз, наверное, только в детстве. Я тогда болела чем-то с высокой температурой, и мама просидела со мной полночи. Так же, как и Софи, меняла компресс на лбу и держала за руку. Запахов тогда я не чувствовала, а сейчас всё вокруг пахло розами — так тонко и сладко, свежо.

Дэбрэ захотел опустить веер, и я сказала ему:

— Ну что же вы? Продолжайте.

Софи как раз сняла с моего лба влажную ткань, и свежий воздух приятно охладил кожу. Но от Дэбрэ я потребовала и дальше играть роль раба с опахалом не потому, что хотела нежиться в постели, будто дочь падишаха. Он должен ощутить на собственной шкуре, как был не прав.

— Из-за вас я упала в обморок второй раз за день, виконт Дамиан. Так что извольте компенсировать милыми поступками тот вред, который вы мне уже причинили.

Он взмахнул веером раз, другой. Смотрел на меня, будто я только что сказала нечто невиданное и неслыханное.

Софи отобрала у него опахало. Я видела: она почти что смеялась, кусала губы и кашляла, чтобы скрыть, как всё это её веселит.

— Я оставлю вас, — сказала она, присев в подобии реверанса. — Господин? Госпожа?

Дэбрэ кивнул, а я нет — рванулась вперёд и успела ухватить Софи за край её платья.

— Нет-нет, госпожа Софи, не уходите. Я боюсь оставаться с виконтом наедине.

Какой бред я несла. Но надо же как-то защищаться. В памяти остался тот его взгляд и слова: «Вы не Майри». Он мне душу вытянул, на дно ада кинул. Я его испугалась больше, чем огня Катарины. Его глаза такие тёмные. Он демон, что ли?

Хм. Ну а что? Ведьмы тут есть, как и хартманы — может, оборотни, а может, и нет. Если женщины с магическим даром тут ведьмы, то почему бы мужчинам тоже чем-нибудь таким не обладать? Я бы поставила немало, что у него тоже есть какой-нибудь дар — разумеется, опасный, магический. Зачем он смотрел на меня таким взглядом, что я под ним умирала? Ну, почти умерла.

Тогда, в тюрьме, меня ноги не удержали, я упала на пол. Сейчас и вовсе свалилась в обморок — ну точно кисейная барышня. И всё это из-за него одного. Даю зуб, что он какой-нибудь демон... И кстати, быть демоном ему очень идёт. Сюртук этот чёрный, взгляд тёмный, сила, которую чувствуешь телом, харизма. Если мы обойдёмся без рогов и хвоста, то демон Дэбрэ мне точно понравится.

Смеяться, пытаться разрядить обстановку — легко, но оставался вопрос: что ему говорить?

Ответа у меня не было. Обдумать всё вот так сразу я не могла. Решила: как пойдёт, так пойдёт. Но о летающих по небу железных повозках я ему ни полслова не скажу, ни за что. Мне тут хорошо: Софи милая, Дэбрэ с опахалом, пирожные восхитительные и потолок с завитушками, и шикарная ванна. А вот в психушке всё точно будет не так. Уж я пожила по больницам, я знаю.

Дэбрэ откинул волосы со лба, прошёлся по ним, густым, тёмным, обеими ладонями. До чего ж ему быть таким — немного взъерошенным — шло. Что не шло, так это отсутствующее выражение, которое он натягивал на себя, будто рабочий перед сменой — спецовку.

— Я соглашусь говорить с вами наедине, Дамиан, только если вы пообещаете быть милым со мной. Второй раз такого решительного нападения я не переживу.

Обязательное обращение «виконт» я пропустила намеренно — хотела его немного вывести из себя. И у меня получилось, о да. Он на

меня *так* посмотрел, что показалось — рукой коснулся.

Я проследила за направлением его взгляда и увидела одеяло, складками лежащее возле моего живота. И лишь тонкие кружева, прикрывающие грудь. Кхм-кхм. М-да. А вот это было не специально, клянусь. Такое шоу я ему показывать не собиралась. Но раз уже это произошло, то почему бы не воспользоваться подсказкой судьбы.

Как пойдёт — так пойдёт. Должно же тебе повезти. Ну же, Майя, вспомни, ты когда-то ходила в театральный кружок. (Правда, дальше третьего занятия я не продвинулась, ушла с клеймом бесталанной актрисы. Но тут, во взрослом возрасте, получалось, кажется, не так уж и плохо).

— Ах, — картинно воскликнула я и подтянула одеяло повыше. — Простите, что своим недостойным видом оскорбила вашу скромность.

Дэбрэ закашлялся, и тут же раздался стук закрывшейся двери. Софи, эта ведьма, воспользовалась моментом и сбежала, оставив нас с Дэбрэ наедине.

— Простите, Дамиан, — сказала я, закрепляя успех.

Мне не хотелось, чтобы он думал обо мне слишком много — о моём прошлом. А вот о настоящем — пожалуйста. Только о прошлом пусть вопросы не задаёт.

— Вы решили называть меня только по имени?

— Я решила, что буду называть вас так, как называете меня вы. И тут нет никого, чтобы я боялась оказаться в неловкой ситуации или быть неверно понятой. Вы благородный человек, вы знаете границы, которые нельзя переходить.

— Вы слишком добры ко мне. Я могу неверно истолковать ваше желание, чтобы я был милым с вами, да ещё и чтобы мы стали называть друг друга только по именам. Тем более когда не уверен в том, что знаю, кто вы и как вас на самом деле зовут.

— Вы опять за своё, Дамиан? — я ослепительно улыбнулась.

Но он не купился. Кажется, не зря люди сказали, что актёрские способности у меня ниже среднего, и если я и буду играть на сцене, то только в массовке — что меня, маленькую, но очень амбициозную девочку, совершенно не устроило.

А его не устраивало моё поведение.

— Перестаньте притворяться. Задуманная вами игра не настолько безобидна, как вам кажется.

Я думала, флирт (ну или то, что я пыталась изобразить) уберёт смертельную серьёзность с его лица, но нет, он вернул себе самообладание намного быстрее, чем я могла ожидать. А вернув его, вновь ринулся в бой с целеустремлённостью бульдога, вцепившегося в ногу врага.

— Кто вы?

Вопрос повис между нами дамокловым мечом. Ответить на него честно, не навредив себе ещё больше, я не могла. Но и соврать сложно. Тем более когда твой оппонент — дознаватель.

— Кто вы? — повторил Дэбрэ, и я закрыла лицо руками, чтобы он хотя бы по нему не читал все мои сомнения и чувства. — Я не уйду, пока вы мне всё не расскажете.

— Я не знаю, что вам сказать.

— Если и правда не знаете, то хочу заметить, что в вашей ситуации лучшая тактика — откровенность и честность.

Я вздохнула и наклонила голову.

Когда перед тобой тёмная вода, и ты не знаешь, что там, на дне, прыгать в неё — лёгкий выбор только для пьяного обалдуня или круглого дурака. Для того, кто ценит жизнь, это страшно.

Мне придётся сделать следующий шаг в этой бесконечной дороге над пропастью в новую счастливую жизнь. Как бы я ни хотела, мне не сбежать от его вопросов и хоть каких-то ответов.

Я не могла доверять Дэбрэ на все сто процентов, но на двадцать — вполне. Если быть откровенной и честной с ним процентов на двадцать, но в важном, то возможно, по правилу Парето, это улучшит мою ситуацию процентов на восемьдесят.

— Говорите. Не нужно придумывать небылицы, я всё равно почувствую ложь, и вам придётся ответить ещё и за неё.

— Не собираюсь я лгать, — сказала я, не отнимая рук от лица. Почему-то не видеть Дэбрэ мне было легче. — Я расскажу вам всё, а вы судите, если хотите.

— Так говорите, я сам решу, судить вас или не судить.

— Я пришла в себя в темнице. Как я там оказалась, что было со мной до того, как меня зовут и кто я — ничего из этого я не знала. Вошли люди. Один из них — маркиз, как я поняла из разговора. Он назвал меня Майри, леди Майри, и представил принца Антуана. Они обвинили меня в том, что я ведьма, сказали, что меня ждёт смерть.

Потом пришли вы — вот и всё, что я знаю. Вы говорите, что я могу быть не Майри, и мне нечего вам на это сказать. Я не знаю. Я не помню вообще ничего, что было до момента моего пробуждения. В этой страшной тюрьме я словно заново родилась. Какие-то вещи для меня — в новинку. Кажется, я уже не раз попала впросак и смутила вас странным поведением. Я решила, что будет небезопасно всем и каждому говорить, что я ничего не помню из своего прошлого. А вы называли меня лгуньей и уже не один раз. Но я всего лишь пытаюсь ухватиться за жизнь, исправить то, что могу. Понимаете, Дамиан, для меня всё это — тюрьма, казнь, вы, Софи, Катарина — я вижу вас всех в первый раз. Всё это словно моя первая жизнь, только я родилась не младенцем, а взрослой. Да ещё и с такой ужасной предысторией. Но я всё-таки надеюсь, что как-то из этой ситуации выберусь и заживу спокойно и счастливо.

Не ожидала такого от себя, но у меня потекли слёзы.

— Я не знаю, кто я. Мне пришлось довериться вам, принять на себя судьбу Майри.

Я убрала руки, посмотрела ему прямо в лицо — совершенно бесстрастное. Собственное было мокрым, да и вид, скорее всего, ужасным. Да уж, мало того, что в обмороки падаю, так ещё и реву.

— Вы говорите, что не верите мне. Но и мне, поверьте, виконт, совершенно не хочется верить, что я — такое чудовище, как все говорят. Не вижу в себе склонности убивать младенцев, да и вредить кому-то тоже не стала бы. Вы понимаете меня? Верите мне?

Ну вот, я всё рассказала. Всю правду, которая касалась его.

Глава 29. Обнажённая правда

Дэбрэ долго смотрел на меня в полном молчании. Прочитать что-либо по его лицу не удалось. Наконец он сказал:

— На теле Майри есть особая примета. Я хочу проверить, если ли такая у вас.

Наконец я заметила в нём хоть какое-то чувство. Маска невозмутимости его не спасла, скорее наоборот — куда легче увидеть волны от камня, брошенного в стоячий пруд, чем в бурное море. Я почти не сомневалась в догадке: Дэбрэ как будто искренне изумлялся тому, что делает, но остановиться не мог.

Вот и хорошо. Любое изменение будет к лучшему. Ужасно надоело ходить по кругу, повторяя: «Я ничего не помню», и слышать в ответ: «Я вам не верю», и так раз за разом. Хочу быть услышанной им, а значит, нужно лишь согласиться:

— Пожалуйста. Проверяйте. А о чём идёт речь?

У него дрогнули губы. «Что я творю? Какой абсурд!» — так я озвучила для себя его мысли.

— Будьте так добры, встаньте с постели, — сказал он сдержанным тоном.

Быстро, пока он не передумал, я откинула одеяло и встала у кровати, скрестив руки на груди. Пол холодил ступни, лицо горело. Если бы в эту минуту очередной герцог Вирский распахнул в комнату дверь, не сомневаюсь, что моя репутация оказалась бы навсегда испорченной. В отличие от халата, сорочка, даже на мой взгляд, не могла считаться скромной одеждой из-за тонкой, льнущей к телу ткани и кружев.

— Повернитесь, — сказал Дэбрэ. Его низкий голос показался мне непривычно глубоким, так что по телу побежали мурашки.

Да что ж такое! Что ж за человек он такой, что в его присутствии я всё время волнуюсь!

Я повернулась к нему спиной, оглянулась через плечо.

— Вот так?

Он кивнул.

— Пожалуйста, не бойтесь. Я не обижу вас. Я всего лишь проверю.

Я обняла себя руками, вся сжалась. Приближение Дэбрэ — тот самый случай, когда глаза растут на затылке, а другого человека на расстоянии чувствуешь кожей.

Он собрал мои волосы, заботливо перебросил их на грудь. Затем потянул за завязки сорочки у горла, причём стоял прямо у меня за спиной, слегка касаясь её.

— Не бойтесь, — сказал он и позволил сорочке, которую я прижимала к груди, соскользнуть вниз так далеко, как только возможно.

Рукава теперь держались только на локтях, половина спины была обнажена. Но и этого оказалось мало, и когда он потянул ткань, я опустила руки и разрешила сорочке соскользнуть по телу непозволительно низко.

Считалась ли я теперь одетой — сложно сказать. Даже полуодетой не слишком походило на правду. Я придёрживала сорочку, чтобы она совсем не свалилась, спина и грудь оказались полностью обнажены.

Шли секунды, а казалось — часы.

— Долго мне ещё так стоять? — спросила я, больше не в силах ждать.

Что он там делал? Я оглянулась как раз в тот миг, когда он коснулся меня — его тёплые пальцы надавили на местечко между ямочками на пояснице. Прикосновение у него вышло дразнящим. Если бы у меня была шерсть на загривке, то она бы немедленно встала.

— Вы — Майри, это несомненно.

Я принялась натягивать на себя сорочку так быстро, как только могла.

— Даже знать не хочу, откуда вам известны настолько интимные подробности её тела.

Как же я была зла. А на что злилась — не знала сама.

Он помог мне, коснулся плеч, поправил волосы, пока я завязывала тесёмки сорочки.

— А как вы думаете, откуда я знаю, что у вас там родинка в форме сердечка? — спросил он негромко. Его тёплое дыхание коснулось волос.

Я отшатнулась, быстро забралась в постель и накрылась одеялом, будто так могла спрятаться от ощущения предельной обнажённости перед ним.

— Не говорите ничего, — смешно, но да, я это сказала.

Не хочу знать. Не хочу ничего о них с Майри знать.

— У нас была любовная связь.

Ну, конечно. Он же не мог выполнить мою просьбу. И конечно же, я не могла ошибиться.

— Вы тайно приходили в мой дом и проводили здесь ночи. Я хотел сделать вам предложение, назвать перед всем миром женой, но вы всё отговаривали меня. Вы признавались в любви и вели себя, как влюблённая женщина, но всё боялись, что герцог откажется нас благословить. Я был уверен в ваших чувствах и попросил благословения на наш брак у короля. С такой поддержкой мне бы никто не посмел отказать, включая герцога Вирского. Всё было заранее договорено, герцог предупреждён. Все знали, что я приду свататься, у герцога собралось немало людей в ожидании этого события. Но когда я в присутствии всех объявил о намерении назвать вас женой, вы, ещё накануне радующаяся, счастливая, сказали мне «нет».

Я сжала кулаки так сильно, что у меня руки заболели, а он всё говорил, да ещё и таким голосом — абсолютно спокойным, будто весь этот ужас происходил с кем-то другим.

— Вы объяснили свой отказ тем, что я недостаточно родовит даже для приёмной дочери герцога. Вы сказали, что всегда едва терпели мои ухаживания, и делали это лишь для того, чтобы повеселить собравшихся при моём унижении дам и господ. Что таким образом, через вас, общество преподало мне урок всегда помнить, кто я, не зазнаваться и никогда больше не заглядываться на знатных дам. Собравшиеся вас не поддерживали, но представление явно доставило им удовольствие. Никто не захотел выступить открыто против меня, даже Вирские. Труд унижить и оскорбить вы взяли на себя. Вы единственная смеялись и делали это весьма натурально.

Я снова плакала. Ну и день. То обмороки, то слёзы.

— Когда расследование вышло на вас, я и хотел и не хотел верить в вашу вину, а потом понял, зачем вы приходили в мой дом. Вы ложились со мной в постель, утомляли любовной игрой, чтобы потом искать тайники с ведьмовскими книгами.

Я подняла голову, посмотрела на него.

Он будто понял, что я у него хотела и не могла решиться спросить.

— Да, не все книги ведьм попадают в огонь. Некоторые я оставляю для исследований, у меня есть на это специальное разрешение. Я обеспечиваю их сохранность, охраняю от злых рук. Я проверил потом — вы нашли, что искали. Я обнаружил в тайнике ваши следы. Ключ, — он коснулся груди, — вы всегда просили снимать, но, как оказалось, не для того, чтобы избежать холодных прикосновений металла.

— Это не я. Или я, но другая.

Что ещё я могла ему сказать? Как мне жаль? Но мне и правда до слёз его жаль. Я не понимала лишь одного — почему он вытащил меня из воды, хотя мог утопить и так отомстить и за унижение, и за предательство, и за игру, в которой сыграл незавидную роль доверчивого дурака.

Так я ему и сказала, и обычное своё «не помню, не знаю, не верю, что могла быть такой».

— Если бы я думал, что вы об этом помните, то не стал бы рассказывать. Не переживайте так, я поверил в ваше беспамятство. А сейчас я оставлю вас, отдыхайте.

Он подошёл к двери, там остановился. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Кстати, хочу, чтобы вы знали: тайник я изменил. И если вдруг вы всё вспомните и решитесь вновь отправиться туда за добычей, то ничего не найдёте.

Я молчала. Не стала даже повторять всё то, во что он то ли верил, то ли не верил.

Он открыл дверь — и закрыл её, вновь повернулся ко мне. Он улыбался, говорил негромко, без гнева:

— И ещё, чтобы уже всё расставить по своим местам между нами. Теперь я знаю, почему вы мне отказали. Прежде я думал, это потому, что другой ваш любовник, Вилар, пожелал за мой счёт самоутвердиться. А теперь почти уверен, что у вашего отказа была другая причина — и это сестра Катарина, та помощь, которую вы привыкли оказывать ей, и те силы, которые у неё черпали для своего колдовства. Ну и конечно, главной причиной стало то, что, когда вы заполучили возможность увидеть чужие книги, я стал вам не нужен.

Он выглядел спокойным и сильным, словно всё это — в прошлом и больше его не волнует. Но я знала, как выглядит рана, которая не заживает.

— Майри могли вынудить отказаться от вас, — сказала я. — Её поведение — до невозможности глупое и непродуманное по последствиям. Она демонстративно отказала вам и тем самым показала другим возможным претендентам на руку и сердце, какое оно у неё злое. А если вы правы, и Катарина обладает колдовскими силами и отдаёт их Майри, то тем более сделанный Майри выбор — чудовищно глупый. Вы защитили бы её от Катарины. Мне кажется, вы даже смогли бы принять, что ваша любимая женщина обладает такими силами. И вы сами говорили, что Майри с вами было хорошо. Отказав вам, она потеряла больше, чем вы. А потом сотворила что-то ужасное — вообще без каких-то логичных причин. Словно её вынудили это сделать. Вы не думали, что она оказалась во власти человека, которому не смогла противостоять, и выполняла всё, что он ей говорил делать? Вдруг Майри — жертва, всего лишь инструмент, а кукловод кто-то другой.

— Вы теперь всегда будете говорить о себе в третьем лице?

Какой он упрямый!

— Я так буду говорить о ней — той Майри, которую не помню и которую не понимаю. А вы, чтобы не путать нас, называйте меня как-то иначе.

— И как же? Маймай? — Дэбрэ невесело рассмеялся. Не верил мне, это чувствовалось даже на расстоянии.

— Нет. Маймай — это кличка, подходящая только кошке или собаке. Пожалуйста, называйте меня Майей. Пусть с этой минуты я буду Майей для вас, Дамиан.

Кажется, ему не понравилось, что я назвала его по имени. Или слишком понравилось, и он захотел это скрыть за будто закаменевшим лицом и тёмным взглядом. Так или иначе, но он никак не исправил меня. Вообще ничего не сказал.

Дэбрэ вышел за дверь, и я закрыла болтливый рот руками. Мамочка дорогая, что я наделала! Он так совсем скоро поймёт, что Майри и Майя — разные люди, и снова спросит про железных птиц. А с другой стороны...

Я села прямее, глубоко вдохнула.

Да, всё не так и плохо. Теперь я могу никем больше не притворяться. Теперь я Майя — сначала для Дэбрэ, потом для Софи, а затем — как знать — и для всего мира.

Глава 30. Тайные знания

В голове иногда вспыхивало воспоминание о признании Дэбрэ: «У нас была любовная связь», но я старалась вообще не думать об этом. Села на постели, взяла в руки молитвенники и постаралась сосредоточиться на них. Дело шло плохо. Я читала и вязла в словах, иногда вообще ничего не понимала. Стихи показались мне более чем странными для мира, в котором женщин с магическими способностями объявляют ведьмами. Да и вообще — странными.

Семнадцатый стих начинался так:

Есть лишь одна Сила,

Она живет в облаках и дожде,

Во влаге земли, в корнях и бутонах,

Она гонит ветер,

Она горит в пламени наших костров.

В ней есть и мужское, и женское,

Она — Богини и Бога,

Сестры, Возлюбленной, Жены и Матери,

Защитника-Воителя-Мага, Возлюбленного Мужа, Отца...

Ну и остальное, в том же эзотерическом духе. И если я должна была из этого почерпнуть нечто полезное, то, кажется, кое-кто позабыл дать мне инструкции по переводу с вот этого странного на человеческий.

К слову, читать я могла. Как и говорить — чем пользовалась с самого начала, но вопросов: «А как это вообще возможно?» — себе не задавала, было не до того.

Над некоторыми буквами стояли галочки, точки — и одна, и две, и какие-то запятые наоборот, и я могла бы поклясться, что этот язык — не русский и не английский. Французский, возможно? Не уверена, скорей всего, какой-то другой. Как Майя Белохвостикова я его точно не изучала, но, попав сюда, перестроилась так естественно и легко, будто смена языка — стандартная опция приложения «Перейди в другой мир».

Дэбрэ узнал тело Майри — значит, физически я сюда не пришла. Только душой, которая заняла тело с такой лёгкостью, будто оно и

прежде было моим. Но моё, изломанное после катастрофы, находилось, скорее всего, в маленькой душной квартирке, а здешнее моё — здоровое и красивое — с комфортом располагалось на кровати, и в любой миг при желании я могла встать и куда угодно пойти.

Как всё это возможно — уму непостижимо.

Нет, всё. Лучше об этом не думать. Не ломать мозг почём зря.

Что-то мне подсказывало, что поднятые вопросы сродни детским: «А почему небо голубое? А зачем лягушки квакают?» Лучший ответ на выбор: «Потому что», или «Вырастешь — узнаешь». А вот про визуальные эффекты преломления солнечных лучей в верхних слоях атмосферы и особенностях размножения жаб — не надо распространяться. Дети не о том спрашивают. Им всего лишь важно озвучивать всё, что они видят. Они готовы принять мир таким, какой он есть.

«Будьте как дети». Не помню, кто это сказал, но папа его слова не раз повторял, когда сталкивался с чем-то хитро вывернутым, так что сразу не разберёшься. И я собиралась сделать точно так же — принять всё происходящее так же легко, как для себя открывает мир ребёнок. Небо голубое. Лягушки не мяукают, а квакают. Я могу говорить и читать на этом языке. Это факты, а почему так: захочешь — узнаешь, но не сейчас, а потом как-нибудь.

Я попала сюда — это факт. Моя цель — здесь и остаться. Ну а способ — понять, что может мне угрожать, и устранить угрозу.

Вот и отлично. Хороший продуманный план. К выполнению приступаю.

Майри сказала Катарине, что вернётся через три дня, максимум — через семь. Она сформулировала это иначе — неважно, суть от выбора слов не менялась.

Я попала сюда, нарисовав пентаграмму так точно и правильно, как и Майри на полу в тюремной камере, использовав для этого смесь грязи и собственной крови. Кстати, порезы на руках, ближе к сгибу локтя, оставались болезненными, но затягивались хорошо.

Как известно, где вход, там и выход. Логичней всего предположить, что для обратного обмена телами мы вновь должны нарисовать одинаковую пентаграмму. Я — здесь, она — там.

Только никаких пентаграмм я рисовать не собиралась. И до того не собиралась, а сейчас даже в их сторону не посмотрю. Буду

отпрыгивать от всех случайно увиденных с криками и делать такой же жест, как и все здесь — как будто отбрасываешь от себя что-то до невозможности мерзкое. Вот и весь план, что мне нужно делать — не рисовать пентаграммы и даже на них не смотреть.

Звучало всё это отлично, но смущала простота выхода из настолько сложной ситуации.

Возможно ли, что главной в процессе обмена телами была Майри, а её помощник — тот самый придирчивый клиент, забивший мой ящик электронными письмами с инструкциями, всего лишь заставлял меня сосредоточиться на рисунке, раз за разом переделывая и так идеально выполненную работу?

А вот это как-то больше походило на правду. И учитывало слова Катарины, что до начала молитвы необходимо сосредоточиться на изображении на обложке молитвенника. Как она сказала? «Соединиться мысленно с Девой-Сестрой».

Я взглянула на звезду на обложке. Пентаграмма казалась очень простой, лаконичной, без завитушек и точек. Та, которую я рисовала, выглядела раз в десять сложнее.

Мог ли простой ключ открывать лёгкую дверь? А сложный — трудную, почти недоступную?

Я вернулась к семнадцатому стиху, вновь прочитала про Богиню и Бога, мужское и женское, силу, живущую в облаках и дожде... Даже если в этих словах крылась подсказка, я её не видела и не могла увидеть, ведь всё это на взгляд современного человека — дремучий бред.

Я перелистала все страницы — всё в обеих книгах оказалось одинаковым, кроме вырванного стиха. Я крутила книги и так, и этак, нюхала, гладила бумагу, трясла. Разницы не заметила, кроме недостающих страниц и небольшого шероховатого пятнышка в книге Майри на середине предыдущей от вырванной страницы. Разозлившись, я отшвырнула обе книги, лежала, глядя в белоснежный потолок с гипсовыми завитушками. Подсказка находилась от меня на расстоянии вытянутой руки, а я не знала, как её из этой чёртовой книги добыть!

Однажды я смотрела старинный детектив по Агате Кристи. Там сыщик втёр в бумагу измельчённый графит, чтобы прочитать, что было написано на вырванной из блокнота странице.

Воодушевившись, я вновь взялась за книгу Майри. С величайшей осторожностью проверила предыдущую и следующую страницы, но никаких следов нажима грифеля или пера на бумагу не обнаружила. Даже карандаш можно было не искать — ну или уголь. Я не могла ошибиться, о том, какая должна быть бумага на ощупь, я знала всё. Если и было тут что, так это когда-то бывшее мокрым, а затем высохшее пятнышко на предыдущей странице...

Чтобы увидеть глазами то, что «видели» кончики моих пальцев, я зажгла свечу и прогрела над нею подозрительный лист. Бинго! «Поздравляю, Майя, вы выиграли чёткое изображение размазанной капли чего-то на листе бумаги», — только и оставалось, что поиздеваться над собой. И правда, вот так выигрыш, прямо джек-пот.

Я прошлась по комнате, трогая безделушки, затем подошла к фонарю, висящему на стене. Я видела, как его включала Софи — всего лишь коснулась ладонью стекла, и тот загорелся.

У меня получилось не хуже.

Я принесла книгу к свету поближе, ещё раз её осмотрела, хотя могла бы воспользоваться солнечным светом, раздвинув шторы.

Пятно, возможно, молока или чего-то другого всё не давало покоя. Я рассмотрела его при свете, приблизила ещё к фонарю, и вдруг случилось чудо — белый свет проявил на странице часть пентаграммы. Сначала едва заметная серая, а затем всё более яркая, вплоть до черноты типографской краски, она появилась у меня на глазах, стала чёткой и явной.

Я прижимала страницы молитвенника Майри к фонарю и на каждой из них находила рисунки и надписи. Я не вглядывалась в них, но перевернула уже страниц десять — и на каждой из них появлялись всё новые и новые пентаграммы.

Затем я отложила в сторону книгу Майри и проверила ту, которую мне дала Катарина. Ничего подобного в ней не нашла, ни пентаграмм, ни странных надписей.

Ну что ж. Я всё же сорвала джек-пот. Оставалось понять, что теперь делать с наградой.

Глава 31. Леди Майя

Я стояла у горящего фонаря с раскрытым молитвенником Катарини в руках, когда в комнату, постучавшись, вошла Софи. Мне стоило немалого труда не выдать себя. Я медленно повернулась к ней, поклонилась слегка, как и она мне. То есть вела себя спокойно и естественно, когда до зуда на коже хотелось бежать к кровати, к лежащей там книге Майри.

В воображении мгновенно возникла картина, как Софи замечает книгу, говорит: «Ой, а что это там...», и начинается третья часть Марлезонского балета с объяснениями перед Дэбрэ и его «не верю», которое в этот раз мне уже вряд ли удастся преодолеть.

Реальная Софи между тем сказала:

— Господин послал меня проверить, как вы, и пригласить разделить с ним обед, если вы, конечно, не спите.

— Не сплю, как видите, — с улыбкой ответила я. — А что, уже так поздно? Пора обедать?

Только теперь я позволила себе оглянуться — книга лежала на постели, яркое чёрное пятно на белом белье агрессивно бросалось в глаза. Но, возможно, с того места, где стояла Софи, этой части кровати не было видно. Да, похоже, я загораживала её своим телом. Фух, как удачно.

«Та-ак, а теперь спокойней, и улыбку на лицо натяни».

Я мельком взглянула в окно. На улице и правда уже вечерело. Ничего себе. Надо же, как я увлеклась своим расследованием, что о времени позабыла.

— Мне стало значительно лучше, — сказала я, повернувшись к Софи.

Судя по брошенному на книгу в моих руках взгляду и безмятежному спокойствию на лице молитвенник Катарини не вызвал у Софи никаких подозрений. Да, хороший тайник придумала Майри, получше, чем у Дэбрэ. Но её книгу всё равно надо поскорей спрятать. Два одинаковых молитвенника у одного человека должны вызвать вопросы даже у непредубеждённых людей. А и Дэбрэ, и Софи должны присматриваться к моим поступкам с особым вниманием. У меня бы

на их месте точно возникли вопросы, если бы потерявшая память ведьма первым делом стала интересоваться молитвенниками.

Я шагнула ближе к Софи, стараясь лишить её даже крохотного шанса заметить книгу на кровати.

— Я с удовольствием пообедаю с виконтом Дамианом, только мне нужно переодеться. И, конечно же, не в то прекрасное платье, которое я надевала утром. Больше никаких корсетов сегодня.

«...и желательного никогда».

Софи внимательно слушала. Странная всё же женщина: с её силами — и притворяться служанкой?

Ну да ладно, не стоит думать об этом. Жизненная стратегия Софи не тот вопрос, который должен меня сейчас волновать.

— Я ещё утром хотела спросить: а где то милое платье, в котором я приехала сюда? Оно показалось мне таким удобным. Оно, конечно, не такое роскошное, но лучше я надену его, если это возможно.

Софи закрыла ладонью рот, без особого успеха пытаюсь скрыть смех.

— Возможно, вы всё же захотите надеть что-то другое, — сказала она, то и дело покашливая. — Простите. Ваши вещи уже распаковали и разместили в соседней комнате. Вы сможете выбрать тот наряд, который посчитаете более подходящим случаю.

Она улыбнулась мне.

— Там есть и домашние платья, не для приёмов гостей.

«Аллилуйя».

— Они, конечно, намного скромней и по фасону гораздо ближе к одежде простых людей. — Заметив моё недоумение, Софи пояснила: — Сестра Катарина была сегодня в похожем наряде.

Я вспомнила унылое платье Катаринины и немного погрустнела. Но Катарина не носила корсет, и это решило вопрос в пользу домашнего платья.

— Вот и прекрасно. Именно такое платье мне и нужно.

Софи попыталась меня отговорить:

— Для женщины в возрасте, больше не ищущей мужа, или той, кто решила последовать благому примеру Девы-Сестры — это хороший выбор. Но молодые девушки из знати не носят такое, если хотят впечатлить окружающих своей красотой.

— Ничего. Как я уже говорила, соблазнить виконта Дамиана я не планирую.

— Да? — Софи сказала это с таким видом — ну точно ведьма. — А мне показалось иначе. Не хочу показаться вам сплетницей, но давным-давно я не видела господина настолько рассеянным и погружённым в себя. Боюсь, вы уже добились успеха, даже не прикладывая особых стараний.

— Да? — настала моя очередь изумляться. — Но он был со мной очень холоден.

Софи широко улыбнулась.

— Думаю, вы ошиблись. Воспользуйтесь случаем, за обедом присмотритесь к нему, и вы увидите, холоден он к вам или, наоборот, так горяч, что боится обжечь, нечаянно прикоснувшись.

О том, что Дэбрэ уже прикоснулся ко мне, я не стала рассказывать. Положив молитвенник на тумбочку у кровати (и незаметно сунув книгу Майри под подушку), я сказала Софи:

— Будьте так добры, покажите мне, где находятся мои платья.

Она подавила смешок.

— Сначала вам стоит надеть халат, госпожа. Иначе, боюсь, ваш план по не-соблазнению виконта с треском провалится.

И только тогда я поняла, что всё это время беседовала с Софи, щеголяя в тончайшей сорочке, щедро украшенной кружевами. Софи, разумеется, не Дэбрэ и уже помогала мне надевать корсет, да и снимала его с меня наверняка тоже она, но всё равно стало неловко.

Софи подала халат, и щёки у меня подозрительно потеплели.

— Большое спасибо. — Не удержавшись, я спросила: — Виконту вы тоже помогаете одеваться?

— Как можно, — ответила она. — Это обязанность камердинера, но в доме его нет, и виконт справляется сам.

— Но и вы ведь не горничная, госпожа Софи.

Софи поправила на мне воротник, провела ладонями по рукавам, расправляя складки ткани.

— Помочь вам мне нетрудно, госпожа, тем более и виконт просил. Не могу не заметить: вы всегда так смущаетесь, будто, как и виконт, привыкли со всем справляться сами.

Я пожала плечами.

— К сожалению, я не помню, кто я. В моей голове вообще не осталось воспоминаний о прошлом.

Софи как будто чего-то ждала, и я воспользовалась удобной возможностью.

— Недавно вы сказали мне: я не Майри. И виконт сказал то же самое. И я отвечу вам, как и ему, хотя больше вы меня об этом не спрашивали: я не помню ничего из жизни Майри. Чем больше я узнаю о ней, тем меньше её понимаю. Мне не близки те поступки, которые приписывают ей. И если это возможно, пожалуйста, с этой минуты называйте меня Майей. Мне бы хотелось, чтобы, даже называя меня по имени, вы помнили, что я — другая, я изменилась.

— Как вам будет угодно, госпожа, — коротко ответила Софи и предложила следовать за ней. Что скрывалось за её загадочной улыбкой и доброжелательностью, я так и не поняла. Её искусная маска скрывала мысли и чувства в разы лучше нарочитой безэмоциональности Дэбрэ.

Книга Майри осталась лежать под подушкой. Уже в дверях я оглянулась на постель, но у меня не было ни малейшей возможности найти более надёжный, чем этот совершенно ненадёжный тайник.

Когда я вошла в соседнюю комнату, первая мысль, возникшая у меня: «А герцог Вирский не поскупился на наряды для Майри. Интересно, с чего бы такая щедрость к сиротке?»

Сколько же платьев здесь — одно другого роскошней. Все с вышивкой, с кружевами, с множеством юбок и яркими тканями, с жемчугом и блестяшками, перьями и бантами. Их надели на манекены, и выглядело это всё, будто в комнате собралось целое общество придворных дам при полном параде.

— А других нет? — спросила я, повернувшись к Софи. — Вы говорили, есть и другие?

Та подвела меня к платяному шкафу.

— Они здесь, — сказала она и распахнула дверцы.

У меня аж от сердца отлегло. Ну наконец. Именно о таких платьях я и мечтала.

Сегодня я в мыслях дважды называла себя кисейной барышней. Вот она, сила слова. Я коснулась тончайшей ткани, расшитой крохотными синими бутонами.

— Какая прелесть.

В этом милом платье я была чудо как хороша. И корсет к нему не полагался. Вернее, он был, но из ткани, ничего не стягивал, а только поддерживал. Глядя на себя в зеркало, я всё крутилась туда и сюда. Нет, ну какое же чудесное платье!

Софи негромко кашлянула.

— Виконт давно ждёт, госпожа.

Но оставалась загвоздка. Днём я проснулась с уже распущенными волосами, и теперь они волнами лежали на плечах.

— Что если я оставлю волосы так, как сейчас? — спросила я, глядя на себя в зеркало. — Он не будет оскорблён моим видом?

— Думаю, он будет вам рад в любом случае, — дипломатично ответила Софи, и я отбросила мысль быстренько завязать волосы в хвост или просить вновь меня выручить. Раз и так сойдёт, то и ладно.

— Он в гостиной, — подсказала Софи, когда мы почти дошли до столовой. — Думаю, сначала вам стоит туда зайти. А я пока прикажу накрывать стол.

— Спасибо, что вы со мной так милы, — сказала я. — Я и не ожидала найти в вас поддержку.

Софи слегка поклонилась.

— Леди Майри.

— Пожалуйста, называйте меня Майей, Софи.

— Леди Майя.

Она улыбнулась, а затем открыла передо мной дверь.

— Обед будет подан через пятнадцать минут, — сообщила она, как только я вошла, — господин, госпожа.

Поклонившись, она закрыла дверь за собой, и я осталась в гостиной наедине с Дэбрэ. Он сидел в том же кресле, которое утром занимал Вилар, но, в отличие от Вилара, при моём появлении встал и вежливо поклонился.

— Леди Майри...

— Просто Майя, пожалуйста.

Его губы слегка дрогнули, пряча улыбку.

— Майя, я могу предложить вам воды?

— Да, пожалуйста, Дамиан.

Он направился к столику с графином, не сделав мне замечания. Хорошо. До чего ж хорошо менять жизнь так, как мне нравится.

Глава 32. Нелёгкая тема

— О чём бы вы хотели поговорить, Майя? — спросил Дэбрэ, когда стакан с водой уже оказался у меня в руках, а сама я — на диване, том самом, на котором утром спала, вернее, притворялась спящей Катарина.

— Пока не знаю. У меня столько вопросов, но я не хочу ими испортить нам аппетит. Стоит поискать безопасную тему.

Дэбрэ и себе налил выпить. Судя по виду бокала и золотистому цвету жидкости — алкоголь. Мне стало любопытно, каков его напиток на вкус, и на миг я пожалела, что попросила всего лишь воды. С другой стороны, местное пиво оказалось очень коварным напитком. Я ещё помнила, как лежала на сидении кареты, любовалась проплывающими в вышине кронами деревьев и говорила... хм, не помню что. Дэбрэ тогда улыбался с такой теплотой, будто его забавляли мои пьяные чудачества.

Примерно так же он улыбался сейчас. Будто я забавляла его.

Не уверена, что хочу его забавлять.

А что хочу?

«Только не ври себе, дорогая», — у внутреннего голоса оказалась мамина интонация. И это помогло мне прийти в себя, собраться и оценить ситуацию трезво.

Дэбрэ, несомненно, очень привлекателен. И, кстати, к ужину он переоделся. Сюртук на нём оказался не чёрным, а серым. К сожалению, не таким светлым, как крестьянский свадебный костюм, но мне понравился сам факт, что у Дэбрэ в гардеробе есть вещи хотя бы немного светлей этого мрачного чёрного. Покрой сюртука позволял видеть шейный платок — серебристо-серый. Дэбрэ удивительно шло. А с другой стороны, к вопросу суждения о его привлекательности я могла быть только пристрастной судьёй.

Он мне нравился, что несомненно.

«Вот так, мама, я не вру себе. Дэбрэ мне и правда нравится».

И это, кстати, проблема. Желая заслужить его одобрение или вызвать восхищение в глазах, я могу стать неосторожной. А этого делать нельзя. Он дознаватель. Он пытал меня, вернее, Майри, через её

боль добиваясь признаний. И даже если она заслужила такое отношение, он страшный человек. Не каждый выберет такую профессию.

«Майя, пожалуйста, будь осторожной. Он не последний мужчина на земле».

Но он первый мужчина в этом мире, который провёл со мной так много времени, спасал и защищал, касался моего тела, разрушая личные границы между нами.

— Ну что же, вы придумали безопасную тему для нашей беседы?

И он, оказывается, ждал от меня инициативы. Как любопытно.

— Да. Только не знаю, насколько она безопасна.

Он пригубил напиток, глядя на меня поверх края бокала. Жидкости в нём осталось, кажется, ровно столько, сколько и было. Дэбрэ пил? Или притворялся пьющим, чтобы я расслабилась и стала вести себя в его присутствии посмелей? А что, он мог. Он уже не раз расставлял ловушки и пытался вывести меня на чистую воду, в том числе с помощью лорнской воды.

— Говорите смело. Мне уже любопытно узнать, что вы хотели спросить.

— Сестра Катарина перед уходом дала мне свой молитвенник. Посоветовала мне молиться Деве-Сестре, просить о помощи. Она сказала, что сёстры, чтобы быть услышанными, начинают молитву с разглядывания знака на обложке молитвенника.

Я улыбнулась. Дэбрэ слушал меня с необыкновенным вниманием, хотя и прятал его за наблюдением за игрой напитка в бокале.

— Она дала вам хороший совет. Благочестивый. И в чём же у вас возникло затруднение, Майя?

— Я не понимаю, почему от пентаграммы, нарисованной на полу моей камеры, все в ужасе отпрыгивали, а пентаграмма на обложке молитвенника никого не пугает. Они, конечно, отличаются по внешнему виду, но такая разница отношения к первой и второй меня удивила.

— Вы не знаете, что такое пентаграмма?

— Это графический знак. — Ой, прозвучало не очень удачно, слишком по-современному. — Я имею в виду, это знак, который кто-то изобразил. Рисунок из линий, орнамент.

Дэбрэ покачал головой.

— Внешне пентаграмма — это рисунок из линий, в этом вы правы. Но главное в пентаграмме другое. По своей сути она — это дверь в духовный мир. Связывать смотрящего на неё с другой духовной сущностью — предназначение пентаграммы.

Видимо, моё удивление было настолько заметным, что Дэбрэ продолжил объяснять:

— Пентаграмма — это способ, с помощью которого мы духовно можем обратиться к другому миру, либо духовная сущность из другого мира может обратиться к нам. Как двери могут вести в безопасные комнаты, так и пентаграммы могут открывать общение с сущностями, которые помогут, благословят, научат. Изображение на молитвеннике — это проверенная поколениями дверь, ведущая к общению с высокой духовной сущностью, одним из ликов Богини. Есть и другие пентаграммы, ведущие в совершенно другие места, открывающие наш мир для злых сущностей.

Мне пришлось закрыть рот.

— Простите.

Я с усилием потёрла лоб, пытаюсь осознать, как много меняется из-за слов Дэбрэ. Я думала и о Майри, и о той девочке и женщине постарше, которых видела у Лорнского источника.

— Так ведьмы рисуют пентаграммы, чтобы привести в этот мир злые сущности, — сказала я. — Те должны им служить или как-то оплатить за вход, а в итоге простые желания, исполняясь, оборачиваются для всех кошмаром.

— Да, ведьмы открывают наш мир для демонов. Всё верно. Удивительно, что мне приходится объяснять вам настолько элементарные вещи, Майри...

— Не Майри, а Майя. Мы договаривались, и я прошу не называть меня больше Майри. Никогда, если это возможно.

Я старалась всё обдумать, и мысли пытались бежать во всех направлениях сразу.

— А что же мужчины? Почему только женщины становятся ведьмами?

— Не только женщины, — ответил Дэбрэ. — И всё же мужчины обращаются к таким занятиям намного реже. Думаю, их страшит цена.

— И какая же?

Он покачал головой.

— Не верю, что объясняю вам, как стать ведьмой.

— Нет-нет, я и не думала. Ни за что. Нет. — Я прижала руку к груди. — Я всего лишь хочу разобраться, что случилось с Майри, почему она стала такой.

Дэбрэ смотрел на меня нечитаемым взглядом. В этот раз я не могла понять, о чём он думал.

Он мог мне отказать, ничего не объяснять, но поступил иначе.

— Привратник всегда встречает гостя первым, то есть рисующий пентаграмму — всегда первая жертва того, кто откликнется на зов. Тело ведьмы — обычная цена её общения с демоном.

— Что?

Ох. От представившихся картин телесного общения женщин с демонами мне стало не по себе. Но Дэбрэ, как выяснилось, имел в виду другое.

— Демон захватывает тело той, которая его призвала. Чаще всего попытка обрести могущество заканчивается одержимостью — душевной болезнью. И всё равно они пробуют, платят изломанными жизнями — своей, близких. Каждая считает, что ей повезёт, и она будет управлять демоном, а не он — ею. Но только единицам удаётся какое-то время наслаждаться властью над могущественным рабом. И ни разу это не заканчивалось хорошо, но желание верить в сказку сильнее.

— Правильно ли я понимаю, что книга ведьмы — это собрание открытых ею пентаграмм, то есть дверей в другие миры?

— Правильно. Но цена каждой из них — риск сойти с ума или оказаться разорванной на части неведомой силой. Майри оказалась умнее других. — Дэбрэ улыбнулся, но радость ему изобразить не удалось. — Видите, я согласился играть в вашу игру и называю вас в прошлом Майри, словно вы и правда другой человек.

— Я другой человек, — сказала я, и будь что будет. — Почему вы считаете, что Майри поступила умнее других?

— Она решила, что намного выгодней подсмотреть книги других ведьм, чем рисовать пентаграммы самой.

— Да, это разумный подход, — поддакнула я. — И не смотрите на меня так. Я согласна: чистое безумие — рисковать вот так, наугад рисуя настолько сложные и опасные вещи, не зная, куда попадёшь и с насколько злым и страшным созданием придётся иметь дело.

Это как лотерея, когда десятки и сотни миллионов тратят миллиарды, чтобы кто-то один сорвал джек-пот и стал всего лишь миллионером. Только тут рискуют потерять не деньги, а души.

— Не могу понять, зачем ей это вообще понадобилось, — сказала я. — Такой риск, и ради чего?

— Согласен, — ответил Дэбрэ. — Пентаграмму при известном старании может нарисовать любой. У тысяч ничего не получится, но кому-то удастся. Магические способности для этого не нужны.

— Если у неё были собственные силы, как вы утверждаете, то зачем ей понадобились чужие?

— Хороший вопрос.

Дэбрэ смотрел на меня, я — на него. В эту минуту дверь открылась, и остановившаяся у самого порога Софи торжественно объявила:

— Кушать подано.

Глава 33. Больше ада

Несмотря на то, что стол накрыли ещё более роскошный, чем вчера, и еда выглядела и пахла прекрасно, я почти не чувствовала её вкуса и, спроси меня, не смогла бы ответить, что только что ела. Кажется, рыбу. Или курицу. А может быть, и пирог.

Дэбрэ наблюдал за мной с задумчивым видом, затем сказал:

— Вы почти ничего не едите. Попробуйте всё же что-нибудь. Все блюда хороши. Кухарки сегодня постарались на славу.

Я посмотрела на свою тарелку. Композиция на ней выглядела неплохо, но желания нарушить её у меня не возникло. Неудивительно, что я не помнила, что ела — потому что не ела, получается, почти ничего.

— О чём вы так сосредоточенно думаете? — продолжил говорить Дэбрэ. — Расскажите мне. Возможно, я разрешу ваши сомнения, и это вернёт ваш аппетит.

— Вы хотите, чтобы я больше ела?

Вчера я объелась пирожными. Ему это понравилось? Странно.

— Я хочу, чтобы вы выглядели довольной жизнью, счастливой. Такой, как вчера.

Я постаралась улыбнуться, но он покачал головой.

— Быть счастливым и притворяться счастливым — разные вещи.

Вздыхнув, я отложила приборы. Какая разница, когда задавать вопросы. И от Софи, присутствующей при нашем разговоре, я не собиралась ничего скрывать. Возможно, так даже лучше, что меня услышат они оба — дознаватель и ведьма, строящая из себя обычную служанку. Я нуждалась в помощи. Кто её окажет, не имело значения — Дэбрэ или Софи, или они вместе.

— Меня беспокоит то, что вы рассказали о пентаграммах. Я не думала, что всё это настолько серьёзно. Для меня это был всего лишь рисунок... и, пожалуйста, не говорите мне о прошлом, о Майри, о том, что я всё это должна была знать. Я не знала. А теперь мне очень страшно.

— Почему?

— Я видела ту пентаграмму на полу тюремной камеры. Забросала её сеном, потому что не хотела смотреть на кровь, но перед этим разглядела очень хорошо. Я не знала, что этого нельзя делать. Потом, когда в моей камере появился принц Антуан и маркиз, и их люди, я видела, что никто из них не смотрел на пентаграмму. Мужчина, которому поручили её стереть, вниз, кажется, ни разу даже не глянул. Тогда мне казалось, что поведение всех этих людей — нелепость. А теперь, после ваших объяснений, я понимаю, что не они, а я вела себя глупо. Я разглядывала её, не зная, что тем самым держу открытой дверь для сверхъестественного существа, скорей всего, опасного и злого. А теперь она словно стоит у меня перед глазами. Я помню её во всех подробностях, даже самых незначительных, смогу нарисовать по памяти в любой миг, если попросите. И я боюсь, что из-за того, что она будто выжжена у меня в голове, я всё ещё могу находиться во власти того существа. Или оно сможет открыть дверь прямо в меня. Я боюсь потерять себя очень сильно.

В столовой стояла такая тишина, что звук тикающих часов казался набатом. Раздался неприятный, продирающий до глубины души скрип. Это Софи отодвинула стул и присела у обеденного стола.

— Ошеломительно, — сказала она.

Софи смотрела на Дэбрэ, Дэбрэ — на Софи, они словно вели беззвучный диалог и, кажется, хорошо понимали друг друга. Сосредоточенные, смертельно серьёзные выражения на их лицах меня напугали.

— Я не знала, что этого нельзя делать, — напомнила я, а у самой в голове засела давным-давно слышанная фраза: «Незнание не освобождает от ответственности».

Тем более что знала я больше, чем говорила.

В моей спальне на кровати под подушкой лежала книга Майри, а в ней десятки пентаграмм — множество дверей, ведущих в другие миры. Опасность для любого, кто всего лишь посмотрит на них. Только божественное провидение, скажем так, спасло меня от разглядывания пентаграмм. Некоторые я помнила, кстати, хотя и всего лишь бросила на них взгляд. Но такая у меня память. Иногда бы и хотелось что-то забыть, но если я что-то увидела, это остаётся со мной на всю жизнь. Никогда не думала, что хорошая память может мне навредить.

— Вы правы, Майя, — сказал Дэбрэ. — Вам не следовало смотреть на ту пентаграмму. Если вы её настолько хорошо помните, как говорите, она может вам навредить.

— Ведьмы для того и создают книги, чтобы не хранить в памяти свои пентаграммы, — добавила Софи. — Уничтожить книгу ведьмы — уничтожить её силу.

— Не её, — возразила я, пусть и меньше других знала обо всём этом ведовстве. — Уничтожение книги должно лишь обрывать связь с потусторонним миром. Сила ведьмы, её личные магические способности остаются при ней. Или я неправильно поняла объяснения? Разве не любой человек, с любыми способностями или не имеющий их вообще, может нарисовать пентаграмму?

— Вы правы, это может сделать и человек без способностей, — ответила Софи. — Такое бывало, но на практике к рисованию пентаграмм намного чаще обращаются те, кто уже имеет способности.

Она говорила так, как будто точно знала, о чём говорит. Ну конечно, служанка она! Ни за что не поверю.

— Те, кто призывают демонов, думают, что так станут сильнее. Внешне оно так и выглядит, но на деле это демон в их теле пользуется своими силами, — сказал Дэбрэ. — Ведьмы не понимают, что открыв дверь в другой мир, они становятся другими людьми. Вернее, не совсем людьми. Человек без магических способностей обретает их, потому что ими обладает демон, занимающий его тело. А тот, у кого способности были, становится в разы могущественней — ему так кажется. Им всем кажется, что они стали сильнее, а на деле они превратились в костюмы для демонов.

— Но я не хочу быть костюмом для демона! Я хочу быть собой. Пусть я ничего не помню... Неважно.

Я встала, больше не в силах оставаться на месте. Мне хотелось куда-то идти, даже бежать, и я принялась ходить взад-вперёд вдоль стола.

— Знаете, я не хочу вспоминать то, что было со мной до того, как я очнулась в тюремной камере, не имея понятия, кто я. Не хочу возвращаться к той Майри, которую вы обрисовали.

Как же им всё сказать, но при этом ещё и не подставить себя? Или рискнуть? Пусть они сами делают выводы. А я не помню ничего из той моей жизни, и точка.

— Душой я словно другой человек. Я не узнаю себя в той Майри, о которой вы все говорите. — Я резко остановилась напротив Дэбрэ.

Ну, пан или пропал!

— Может, это я пришла из другого мира и заняла тело Майри? — Я нервно рассмеялась. — Но поверьте мне, я не демон. И магических способностей у меня нет.

Я смотрела в глаза Дэбрэ — такие тёмные и блестящие. Как же я волновалась. Казалось, что сердце сейчас выскочит из груди.

«Помогите мне, защитите меня», — требовала я от него, не произнеся ни слова, лишь взглядом. Он ведь мог. Ну, кажется, мог. А если не он, то кто другой мне поможет?

Софи нарушила установившуюся между мной и Дэбрэ невидимую связь.

— Дами, её руки! Смотрите!

И только тогда я увидела языки пламени, пляшущие на моей коже. Мои ладони горели.

Я смотрела на свои руки в огне, мой рот был открыт, и я кричала, но не слышала ни звука из тех воплей ужаса, которые раздавались в моей голове. Я снова в огне — что в той жизни, что в этой!

Глава 34. Нелепо, смешно, безрассудно

Лучше бы мне, конечно, в третий раз за день хлопнуться в обморок. Это выглядело бы даже красиво. А что, девушка с тонкой душевной организацией и хрупким (более-менее) телом под давлением обстоятельств то и дело лишается чувств — Дэбрэ бы наверняка впечатлился и проникся сочувствием. И к моему чудесному кисейному платью, расшитому синими розочками, такое поведение подошло бы намного больше, чем то, что я сделала — не слишком (совсем не) красивое.

Одну пылающую руку я сунула в блюдо с пюре, другую — в супницу. Моё счастье, что суп к тому времени успел остыть. Пюре же и вовсе оказалось холодным.

Ни на мокрой руке, покрытой ещё и маслом, приправами и мелко порубленной зеленью с поверхности супа, ни на измазанной в пюре я не нашла ни пятнышка сожжённой кожи, ни волдыря, ни даже крохотного покраснения.

Но не одна я видела, как мои руки горели. Софи кричала, а Дэбрэ вскочил с места — так что тот огонь мне не привиделся. Наверное, мысль, что переволновались все, могла бы меня утешить. Только теперь — после загубленного пюре и испоганенного супа — мне хотелось сгореть со стыда. И даже причина появления того огня на руках волновала не так, как нелепость моего поведения.

Всё шло так хорошо, и вот, я вновь села в лужу, да ещё и приправленную укропом.

— Простите, — сказала я, когда успокоилась настолько, чтобы заговорить.

Дэбрэ смотрел на меня такими глазами — и почему это я вечно выступаю клоуном и его веселю?

— Простите, — повторила я, опустив взгляд, и испытала невероятный по силе прилив благодарности, когда Софи подала мне мокрое полотенце, чтобы вытереть руки.

— Я испортила еду. Мне очень жаль, — сказала я, и полотенце выскользнуло у меня из рук и звучно шлёпнулось на пол.

Да, это случилась. Полотенце и правда лежало там, на полу. Я смотрела на него и, мне казалось, что нелепей человека, чем я, невозможно представить.

Софи подняла полотенце, вновь смочила его в тазу с водой, стоящему отдельно на маленьком столике с другими хозяйственными мелочами, и принялась уже сама вытирать мне руки — будто я несмышлёный младенец.

Это было так по-доброму, мило, что я не посмела сказать: «Я сама». Да и не хотела я справляться сама. Мне нравилось, что Софи заботится обо мне, будто мама. В эту минуту мне хотелось вновь испытать то чувство защищённости, безопасности, которое мама всегда мне дарила. И я позволила себе эту слабость — отдаться заботе других рук, принимать всё, что так щедро дают. И почти до слёз была Софи благодарна.

А он пусть смотрит и смеётся, если захочет. И если решит, что так ведёт себя только ребёнок — и пусть.

— Не мудрено испугаться, когда впервые встречаешься с собственной магией, — заговорила Софи мягким тоном.

— Так вы думаете, это моя магия? — недоверчиво спросила я, разглядывая руку, которую Софи как раз вытирала.

— Вы обладали магией прежде. А сейчас разволновались, вот она и вырвалась из-под контроля. Да и какого контроля, если вы даже не знали, что такое может случиться. Управлять магией вам придётся учиться, но ничего, это не так сложно, как сейчас кажется.

Софи была со мной такой милой. Я об этом ей и сказала. И ещё раз попросила прощения за испорченный обед.

— Не нужно извиняться, — ответила она. — И виконт Дамиан, и я, мы понимаем, как вам тяжело.

— Да, тяжело, — согласилась я обиженным тоном. Хотя мне-то на кого обижаться? Только если на судьбу, да и той за одно то, что я здесь, надо петь аллилуйя.

И всё же Софи права: мне тяжело.

— Можно мне сесть? Что-то ноги не держат.

Я не лгала. Чувствовала себя развалиной и чуточку плаксой: глаза подозрительно жгло. Но сегодня, да и вчера я уже перевыполнила план по слезам на годы вперёд. Нет уж, снова шмыгать носом я себе не позволю.

— Вот, выпейте. Это поможет.

Дэбрэ принёс мне воды. Сам. И держал край стакана у моего рта, чтобы я пила.

— Спасибо. Вы были очень любезны.

Он стоял рядом со мной, а я не могла посмотреть ему в лицо. Щёки горели, лоб тоже и даже шея. Боже, ну что за нелепейшее зрелище я собой представляла. И почему-то вновь так волновалась, в том числе из-за того, что так волнуюсь. Да это уже просто смешно!

Софи — этот ангел — вытерла мои руки сухим полотенцем и напоследок слегка сжала мои пальцы, словно шепнула: «Успокойся. Всё хорошо». И мне почему-то захотелось расплакаться.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не нужно благодарить. Я вас на минутку оставляю.

Она взяла поднос, собрала полотенца, супницу и блюдо с пюре, и ушла из столовой со всем этим богатством. Дверь за ней захлопнулась с негромким щелчком, но я вздрогнула всем телом.

Или это не из-за ухода Софи, а потому что Дэбрэ положил мне ладонь на плечо и слегка его сжал?

— Не стоит так расстраиваться. — Его низкий голос показался мне таким красивым.

— Вам легко говорить. — Я опустила голову ещё ниже. — Это ведь не вы сели в супницу, испугавшись непонятно чего.

Такого мужчину хочется восхищать, а не смешить неловким и странным поведением.

— Не непонятно чего, а огня. Ваши руки горели, я тоже это видел. И на миг я испугался за вас не меньше, чем вы.

— Ну это вряд ли. Я подумала, что горю. Не поняла, что это пламя не жжёт. Из-за страха я даже почувствовала запах горелого и боль ожога.

Он погладил меня по плечу, будто ребёнка, и хотел уже убрать руку, когда я сказала:

— Пожалуйста, не уходите, не оставляйте меня. Мне приятно чувствовать вашу поддержку. Ваши прикосновения успокаивают.

— Не лучший комплимент для мужчины узнать, что его прикосновения женщину не волнуют, а успокаивают.

Он пытался шутить, да и руку на моём плече оставил — и, как и с Софи, я испытала по отношению к нему прилив жгущей глаза

благодарности. Его доброта и забота добавили к его физической привлекательности сто, а то и двести процентов.

Возможно, я неразборчива. Или глупа. Или влюбчива, будто кошка. Но не смогла удержаться от желания тоже прикоснуться к нему — накрыла его руку своей. От соединения наших рук на моём плече шло такое тепло, что если бы я расплавилась полностью, то не удивилась бы. Он не убирал свою ладонь, и мне от этого становилось всё легче и при этом тяжелее дышать.

Самое эротичное, волнующее переживание в моей жизни, в обоих мирах — рука Дэбрэ на моём плече, мои пальцы на тыльной стороне его большой тёплой ладони. Смешно сходить с ума из-за такой ерунды, да и думать о таких вещах, когда только что обнаружила в себе задатки ведьмы.

Мне следовало всё это немедленно прекратить — я и не подумала что-то по этому поводу сделать.

— Мне говорили, таких людей, как я, обладающих магией, ссылают в отдалённые монастыри и держат там, как в тюрьме, до конца жизни.

— Да, о строгих порядках в таких монастырях слухи ходят пугающие.

На вопрос Дэбрэ не ответил. Он всего лишь сказал: слухи ходят, но правдивы ли они — умолчал. Странно не то, что, даже флиртуя со мной, он расставлял ловушки или что-то скрывал. Я это заметила, в моём нынешнем состоянии — вот, что меня удивило.

— А что в действительности там происходит, вы знаете, Дамиан?

Он обошёл меня, причём не отпуская мою руку, присел на стул напротив меня. Я наконец смотрела ему в лицо — и вновь с затаённым восторгом отмечала синеву на щеках, прямой нос и губы, которые было бы так приятно целовать (ну, мне так казалось). Я вновь любовалась его глазами, густыми ресницами, прямыми тёмными бровями. Я падала в черноту его глаз и там, в полной темноте, занималась с ним не требующими яркого освещения вещами.

А стоило бы думать не о его мужской привлекательности. Напротив меня сидел дознаватель, и я только что представила ему очевидные доказательства, что обладаю магическими способностями. Но почему-то я совсем не боялась его. Человек, который так смотрит тебе в глаза и при этом держит тебя за руку — если его и стоит

пугаться, то точно не дознавателя в нём, а мужчину — сильного, страстного.

Да и стоит ли бояться его?

Я не боялась и дала ему об этом знать: пожала его руку, переплела наши пальцы.

— Вы думаете о жизни в монастыре? — спросил он негромко, и его голос, как скользящий по коже шёлк, показался мне особенно сексуальным.

— Не вижу себя в роли монашки, навечно отказавшейся от всех радостей жизни. Если есть какой-то способ этого пути избежать, то я буду очень стараться. И, конечно же, дам слово, что никому не наврежу. Я обещаю. Верьте мне, Дамиан. Помогите мне найти свой путь в этом мире.

Глава 35. Безумно

Дэбрэ не дал мне ответа. Ушёл от темы, и, хотя я пыталась вернуться к разговору о моём возможном будущем, он не поддавался. Он не только закрылся, но и физически отстранился от меня. На плече остался фантомный след его руки — грел меня, а вот сам Дэбрэ отгораживался так активно, что даже ушёл на своё место на той стороне стола. Не знаю, как он мог сейчас есть, но держал приборы в руках и что-то жевал.

Он и меня уговаривал что-нибудь перекусить, а я смотрела на него и не понимала, как можно так резко меняться. Вернее, что там не понимать? Ясно же, что случилось. Он вновь испугался, что я — это Майри, что помню всё и притворяюсь, и, поддавшись мне, он вновь будет обманут.

Я сама виновата. Поспешила с признаниями, да ещё и выразилась не слишком удачно. Он мог воспринять моё «не хочу быть монашкой» намёком, что я желаю близости с ним или, вообще, хочу таким образом заплатить за его помощь. В их обществе, где направление взгляда и взмах веера — уже явное и чёткое высказывание, мои слова могли бы стать причиной скандала и всеобщего порицания. Как же, женщина посмела сказать, что тоже живой человек и хочет прожить нормальную здоровую жизнь — не в одиночестве и уж точно не в монастыре.

Терпеть не могу все эти реверансы, неискренность и что нужно притворяться кем-то другим, чтобы в тебе видели всего лишь тебя. Не намекала я на секс с ним. Не собиралась я с ним спать. Я всего лишь сказала, что не хочу быть монашкой. А кто бы, будучи в здравом уме, захотел?

Давно, ещё в детстве, мы с родителями как-то ездили в туристическую поездку, посещали и церкви, монастыри. Мне на всю жизнь запомнился подземный город, созданный монахами сотни лет назад, свечи, черепа, гробы, длинные коридоры и крохотные кельи, вырытые прямо в земле. Экскурсовод с восхищением рассказывала о том, что для общения с миром у заточившего себя в такой келье монаха оставалось только крохотное окно — чтобы получать святую воду и маленький кусочек освящённого хлеба. И всё. Больше у этого человека

не было ничего. Ни свежего воздуха, ни света, ни других людей рядом. Только полная темнота, почти полная неподвижность и бесконечная молитва.

Я представила себя на его месте — без света, воздуха, еды, движения, годами в грязи, без возможности помыться, а как там ходить в туалет? — и у меня волосы от ужаса встали дыбом. Я еле дождалась, чтобы мы выбрались оттуда на свет. И уже на поверхности, когда могла дышать воздухом, напоённым ароматами цветущих яблонь, слышать пение птиц, чувствовать тепло солнца на коже, я наотрез отказалась заходить в тёмные церкви, пропахшие ладаном, спускаться в подземелья. Всё, на этом для меня приобщение к святости закончилось. Мне говорили, что я всё неправильно поняла, что живым закапывать себя в землю — это не безумие, в этом нет ненависти к жизни, а только любовь к тому, кто нас создал, другим людям и миру.

Вот честно: для меня всё это звучало так же понятно, как марсианская речь.

Допустим, я нарисовала рисунок. Разве порадовали бы меня те, кто наотрез отказался бы на него даже смотреть? Выражение любви через отвержение — нет, мне это непонятно. Допускаю, что есть люди, которые видят картину иначе. Катарина, возможно. Не имеет значения. Пусть каждый решает сам за себя, а я точно не хочу в монастырь. Не моё это, точка.

За то, чтобы не оказаться запертой там, я собиралась бороться изо всех сил. Я люблю жизнь во всех её проявлениях и не позволю лишиться себя шанса на счастье лишь потому, что кто-то злопамятен и обидчив. Сказал бы прямо: мне не понравилось то и это в вашем поведении и словах, и мы бы всё прояснили. А он уже накрутил себя и снова мне не верит, и при всём при этом — молчит.

Ну а я молчать не буду. Мне терять нечего. Он или поможет мне, или... Неважно. Он мне поможет. Я заставлю его услышать себя.

Я встала и дождалась, чтобы Дэбрэ посмотрел на меня.

— Вы решили, что я вновь хочу вас соблазнить? — сказала я прямо. — Или что я претендую на то, чтобы стать вашей женой или содержанкой? Не нужно додумывать за меня, предполагать то, что я не говорила. Я всего лишь хотела сказать, что путь вечной девственницы не для меня. Я не хочу отказываться от жизни. Хочу быть счастливой, любимой, любить, иметь детей. Не с вами, а вообще. Жить. Я просто

хочу жить, виконт Дэбрэ, естественной для людей жизнью. Вы можете стать тем, кого я люблю. Но я могу полюбить и другого. Вы нравитесь мне, думаю, это заметно. Но это не значит, что я собираюсь виснуть у вас на шее. Ваше недоверие, то, что вы переиначиваете мои слова и интерпретируете мои поступки как намекающие на что-то дурное, не увеличивают ваши шансы стать любимым мной. Когда вы вот так закрываетесь от меня, отгораживаетесь — вы делаете мне больно. Я одна в этом мире, вы — один из немногих людей, кого я знаю. Но так будет не всегда. Я прошу вашей помощи не для того, чтобы сесть вам на шею. У меня нет другого выбора. Я могу исчезнуть, либо вернуться туда, откуда пришла, и на моём месте вы получите демона — это хорошо? Вы этого хотите? Нет? Тогда помогите. Вот и всё, что я прошу у вас. Помощи. Забудьте вы, наконец, о Майри. Я Майя, я другая и прошу вашей помощи. А вы то ведёте себя как благородный мужчина, то ощетиливаетесь, как испуганный ёж. Хватит уже. Вы или верите мне, или нет. Или помогаете, или нет. У меня, может, остался всего один день в этом мире. Представьте себе, что вам осталось жить всего день. Что бы вы делали? В расшаркивания, в словесные игры играли, или пытались найти помощь хоть в ком-то, даже в то и дело выпускающем колючки еже?

У моей страстной речи нашёлся ещё один слушатель. Софи, оказывается, уже была здесь, а я и не заметила её появления.

— Ну-ну, не стоит так волноваться, — сказала она и настойчиво отвела меня к месту, где всё ещё стояла тарелка, наполненная едой. — Вам нужны силы, Майя. Стоит поесть.

Я сидела, смотрела на тарелку, прикрыв ладонью лоб, и вздыхала. Глаза жгло, но я старалась сдержаться. Ладно, чего это я? Не поможет он — и я сама себе помогу. Уж как-нибудь найду способ. Не знаю. Если уж та пентаграмма намертво вплавилась в мою память, и Майри с её помощью может вернуться, то, как вариант, на время я могу выключить свою голову — можно, к примеру, наклюкаться до невменяемого состояния. Настойка огневика — я ещё помнила, как у меня кружилась голова. Здоровые мысли из неё будто выдуло ветром, и с памятью тоже возникли проблемы.

Так что ничего страшного, я и сама справлюсь, не сдамся, смогу. Нет, назад я ни за что не вернусь.

— Я помогу вам, — сказал Дэбрэ, о котором за всеми этими мыслями я успела совсем позабыть. — Но мне не хотелось бы давать обещания, которые, возможно, не получится выполнить. И я не хочу вдаваться в подробности того, что планирую сделать, чтобы вам помочь. И я не хочу видеть от вас благодарность или аванс на неё, так как ещё ничего не сделал и той самой благодарности не заслужил.

— Достаточно и вашего намерения что-то сделать, — ответила я, не поднимая головы. — Спасибо, вы ко мне так добры.

Всё понятно, значит, он и правда решил, что я предлагаю ему натуральную оплату за помощь. А теперь, внимание вопрос: и у кого это в голове грязные мысли — у меня или у него?

Недопонимание между нами случилось потому, что я расслабилась и забыла о культурных различиях и разнице воспитания. Они все тут немного ханжи. Забывать об этом нельзя и винить Дэбрэ за его предубеждения глупо. Но всё равно, от одного того, что он подумал так про меня, на душе стало тошно.

Злилась на него. И неважно, что виновата сама. А всё оттого, что мне хотелось видеть в нём идеал — благородного человека, понимающего меня с полуслова. Вот такая я наивная... девушка.

Та-ак, хватит уже. Прямо сейчас надо взять себя в руки.

— Вы можете подсказать, что мне делать сейчас? — Я посмотрела сначала на Софи, потом на Дэбрэ. Затем коснулась центра своего лба. — Эта пентаграмма, она как выжжена здесь. Сестра Катарина...

Прежде я не хотела ничего говорить о Катарине, но что важнее: её комфорт или сама моя жизнь здесь?

— Она сказала, что до моего заключения в тюрьму, я просила её не навещать себя в том случае, если спасусь, три, а лучше — семь дней. Майри сказала ей, что их более ранняя встреча может быть небезопасной. Я понятия не имею, что могут означать эти слова, но в моих обстоятельствах не могу не опасаться того, что случится на третий день после спасения. И если посчитать, то как раз сейчас начинается третий день, как я очнулась в тюремной камере, не помня себя. Ночь в тюрьме, прошлая ночь и вот, — я кивнула на темноту за окном, — уже начинается эта. И, если честно, то уже сейчас я боюсь засыпать. Да и вообще, боюсь, что со мной вот-вот что-то случится.

Софи подошла ко мне, взяла за руку, и меня словно наполнила прохладная вода, успокаивающая и освежающая горящие мысли. Она

не побоялась использовать свои способности при Дэбрэ. Значит, тот знал, что она ведьма. Неплохо. Если он до сих пор не запер Софи в монастыре, значит, и меня, возможно, тоже оставит на воле.

— Всё будет хорошо, — сказала Софи. — Существуют знаки, защищающие от демонов.

— Вот такой? — Я показала тот, который подсмотрела, когда все испугались пентаграммы на полу камеры: сложила пальцы одной руки вместе и принялась ими от себя что-то невидимое отбрасывать.

— Нет, это всего лишь предрассудок. Такой знак не может помочь, кроме как слегка успокоить. Я говорю о вещи, которая и правда вас защитит. Это Око Бога.

Она вытащила из кармана то, что поначалу показалось мне золотой монетой на цепочке, и положила амулет на стол. Вместо цифр и гербов я увидела выбитую на диске пентаграмму. И на обратной стороне — её точную копию. Своей строгостью и лаконичностью она напомнила мне ту, на обложке молитвенника.

— И всё? Мне носить это? Вот так просто?

Если существовало такое простое решение, то зачем было устраивать это всё? Я и обрадовалась, и немного разозлилась.

— Вы всё поймёте, если сами наденете амулет Бога-Отца, — сказал Дэбрэ. — Существуют люди, их единицы, кто носит их постоянно. Их называют подвижниками, потому что вся их жизнь — подвиг. Они живут в святости: посте, воздержании, постоянной молитве. Для обычного человека — огромный труд и испытание носить Око Бога даже несколько минут. Бог-Отец опалает, как костёр, к которому ты неосторожно приблизился. Человека с дурным характером, злого, может даже убить.

Я ещё раз посмотрела на амулет — а выглядел он почти что безделушкой.

— Вы решитесь его надеть?

Почему он спрашивает, да ещё и таким тоном, будто, согласившись, я совершу страшную ошибку?

— Если вы обманули нас, если у вас дурные намерения, Бог-Отец накажет вас, и мы ничем не сможем вам помочь.

— Как Лорнский источник показал, что я не ведьма, так этот амулет на мне докажет вам мою искренность?

Я не стала дожидаться ответа Дэбрэ, и так было ясно, что в глубине души он мне не верит. Повернувшись к Софи, я спросила:

— Мне нужно прочитать молитву, или, может, есть особый порядок надевания амулета?

Она покачала головой.

— Нет, Майя. Бог не нуждается в наших молитвах, это мы нуждаемся в них. Он заглянёт в вашу душу и сожжёт там всё злое, что найдёт. Надеть Око Бога даже для детей — испытание.

Я взяла амулет со стола и принялась надевать его на себя. А они оба смотрели на меня так, будто прямо у них на глазах я рубила самой себе правую руку.

Говорят, волки, попавшие в капкан, чтобы освободиться, способны отгрызть себе лапу. Ради того, чтобы жить на свободе, я поступила бы так же.

Глава 36. Волшебство

Пришлось немного повозиться с одеждой, но вот, амулет оказался на мне. Из-за длины цепочки снаружи его не было видно, лиф платья надёжно его скрывал. Прохладный поначалу металл медленно нагрелся от тепла моего тела, затем его температура резко поднялась, и я уже испугалась, что заработаю ожог, как всё исчезло. Так резко — будто кто-то повернул выключатель горячей конфорки. Я поправила амулет через одежду, ещё немного подождала, но всё. Ничего такого уж особенного я больше не чувствовала.

Софи и Дэбрэ волновались, кажется, больше меня, и я постаралась разрядить обстановку:

— Всё закончилось, не начавшись. Думаю, в новой жизни я ещё не успела сильно нагрешить.

— В новой жизни?

Софи хитро улыбалась, и я могла бы поклясться: она задала вопрос не для себя, а для того недоверчивого мужчины, которого, проговорившись, назвала Дами.

Дэбрэ, кстати, шло это милое имя, особенно сейчас, когда его надежды-подозрения не оправдались. Люди, считающие себя во всём правыми, непогрешимые и самоуверенные, всегда так теряются, когда их ожидания не оправдываются. Вот и Дэбрэ смотрел на меня, как на чудо невиданное. Он, кажется, даже огорчился, что его подозрения не оправдались.

Ужасно хотелось щёлкнуть его по носу. Хотя бы словами.

— Так как я совершенно не помню, что было со мной прежде, то считаю свою жизнь начавшейся заново. Идёт всего третий день от моего нового рождения. И вот, — я положила руку поверх амулета, — доказательство того, что я права.

Дэбрэ смотрел на меня в напряжённом молчании.

— А вы не правы, виконт Дамиан, подозревая меня во всяких гнусностях и непристойностях. Видите, Бог-Отец говорит, что я совершенно чиста перед вами. Надеюсь, вы этому рады и перестанете уже, наконец, испытывать меня и моё терпение на прочность.

Небольшой словесный укол вернул Дэбрэ дар речи — уже хорошо, значит, мои усилия не пропали даром.

— Вы выглядите точно так же, как и она. Но говорите иначе, смотрите иначе, думаете иначе. Вы для меня — большая загадка.

— Надеюсь, привлекательная загадка.

Он усмехнулся.

— Весьма привлекательная. Чистый соблазн.

Он так посмотрел на меня, что я почувствовала себя неудобно. Следовало срочно сменить тему.

— И это всё, что мне будет нужно делать? Носить амулет? — спросила я. — И этого хватит, чтобы меня защитить?

— Да, конечно, — ответил Дэбрэ другим тоном, без той пьянящей нотки заинтересованности и желания вызвать ответный интерес. — Не существует защиты сильнее этого амулета. Бог-Отец не терпит зла, не допустит его рядом с собой. Разве вы не чувствуете его силу?

— И как это должно чувствоваться?

— Как присутствие кого-то очень мощного, несоизмеримо могущественного и сильного рядом с вами. Это не значит, что вы услышите какой-то голос. Но у вас может шуметь в ушах или кружиться голова.

Я прислушалась к себе, но даже нагревшийся от тепла тела амулет почти перестал чувствоваться. Я пожала плечами.

— Наверное, мне повезло, и никаких неприятных ощущений у меня нет.

— Вот и замечательно, — сказала Софи. — Может, тогда что-нибудь съедите? Но не это, конечно, тут всё остыло и стало невкусным.

Она поменяла мою тарелку на чистую и начала предлагать блюда: холодные закуски, фаршированную рыбу, овощи, фрукты. От чего-то я отказывалась, с чем-то соглашалась, а думала о другом: все мои мытарства закончены. Майри не сможет вернуться, теперь я полностью защищена от неё.

Я закрыла глаза, пытаюсь свыкнуться с этой мыслью. Всё, я здесь навсегда. Больше не нужно бояться исчезнуть или вернуться назад.

Мысль о том, как она там, если, конечно, она в моём изломанном теле, я старательно отогнала. Пусть каждый отвечает за себя и свой

выбор. Я не хочу возвращаться, не хочу всё вновь терять. Судьба дала мне шанс не для того, чтобы я от него отказалась.

Когда наполненная тарелка появилась передо мной, я попросила Софи:

— Пожалуйста, налейте мне вина. Белого или розового. Сладенького.

Из-за таблеток я пила очень редко. На Новый год и День рождения позволяла себе треть бокала лёгкого вина. Початая бутылка, купленная ещё родителями, стояла в холодильнике годами. Мне так и не довелось её допить. И уже не удастся — какое счастье.

Я думала о них. Они были бы за меня счастливы.

Местное вино оказалось чудесным: очень лёгким, с приятной кислинкой и малиновым ароматом. Оно таяло на языке и прогоняло грустные мысли. Я захмелела ещё быстрее, чем от пива. Наелась, напилась. Совершенно расслабилась.

Дэбрэ наблюдал за мной, как и раньше. Ему нравилось, что я наслаждаюсь едой, вином и беседой на более приятные темы, чем прежде. Многие ещё требовало размышлений, исследований, сложных решений, но я праздновала освобождение от страха и не хотела думать ни о чём печальном или пугающем.

Хм, мне показалось, или за окном в темноте танцевали светлячки?

— Давайте проверим, — сказал Дэбрэ. — Позвольте мне проводить вас в сад. — Он предложил мне руку.

Я не отказалась. Ещё бы. Прогуляться по саду после такого ужина, да ещё и в компании привлекательного мужчины — да это же исполнившаяся мечта! Тем более что с Дэбрэ, с его замашками рыцаря, даже в этой романтической обстановке мне ничего страшного не грозило.

На небе светила луна, пели птицы, горели магические фонари. Светлячки не танцевали, увы, но развешенные на деревьях гирлянды делали сад воистину волшебным местом. Я глубоко дышала и шла за Дэбрэ по шуршащей гравийной дорожке туда, куда он меня вёл.

— Здесь так красиво.

Везде красиво, но здесь — как в мечте. Прямо садись и рисуй самую романтическую картину в мире.

Мы стояли у пруда, в котором отражалась луна чётко очерченным белым блином. Рыба поднялась глотнуть воздуха, и по поверхности

воды пошла серебристая рябь. В жизни не видела такой красоты — ох, до зуда в руках хотелось её нарисовать.

И кое-чего ещё тоже хотелось.

— А здесь можно плавать? — спросила я.

Пруд выглядел таким привлекательным. Ну чистый соблазн. А воздух, всё ещё нагретый после жаркого дня, обещал купание не в воде, а в парном молоке. И даже лёгкое жужжание комаров не пугало.

Дэбрэ, помедлив, ответил:

— Вообще говоря, да, плавать можно, но...

— Что за «но»? Говорите прямо, Дамиан, я плохо понимаю намёки.

— Леди обычно не плавают в пруду.

Ну разумеется, в этом мире пышных платьев и корсетов разве могло быть иначе. На привлекательной картинке возникла маленькая трещинка. Но может, её ещё можно заделать?

— А в озере, море, реке? — уточнила я.

— Нигде не плавают. Это не принято.

Я рассмеялась.

— До чего же ограничена и скучна жизнь правильной леди. Она носит корсет и тяжёлые, как меховая шуба, платья даже в жару — лишает себя глотка воздуха. И поесть толком не может. И выпить. И высказаться без обиняков, и посмеяться. И даже не плавает — отказывается от всех радостей жизни... И, конечно же, не целуется под лунным светом с прекрасным мужчиной. Или я не права?

Дэбрэ посмотрел на мои губы и тотчас отвёл взгляд.

О, ну это уже просто смешно.

На соседнем дереве, скрытый ночной темнотой, пел соловей. Романтичной обстановки невозможно было даже представить. Но никто из нас не решался сделать шаг навстречу.

Как обидно, и ведь я нравлюсь Дэбрэ, а он нравится мне. Но я не могу сделать первый шаг, иначе он посчитает меня навязчивой. А ему не позволяют принципы и предрассудки, ну или что там ещё в его чудно устроенной голове. Нет, нельзя даже надеяться, что он поведёт себя как обычный человек. Даже в любви он останется благородным рыцарем, ну или дознавателем. И пусть хоть сотни соловьёв страстно поют любовные песни.

Мы оба хотели одного, я могла бы поспорить, что так и есть. И что же дальше, так будет всегда? Хм, какая ужасная перспектива.

Вино развязало мне язык чуть больше, чем я ожидала. Я не успела его прикусить и сказала:

— Ну что же вы, Дамиан, вот она я, и мы с вами наедине. Вы ведь не просто так привели меня сюда? Могу ли я надеяться, что этот шаг с вашей стороны значит что-то особенное? Вы ведь хотели что-то сказать... или что-то сделать?

— Не играйте с огнём, не намекайте на то, чего на самом деле не хотите.

Ну вот опять! Надоело.

Я хлопнула его по руке.

— А кто сказал, что я не хочу? Даже ваш Бог молчит и не спорит с тем, что я говорю чистую правду.

Я подняла голову к небу, к луне.

— Я живу всего третий день. И ни разу в жизни не целовалась. Даже луна смотрит на меня и смеётся. Как так? Вот ночной сад и вокруг цветные огни, вот пруд, вот луна, вот прекрасный мужчина — и вот я. Всё так романтично, красиво — и так безнадежно, уныло.

— Завтра, протрезвев, вы пожалеете об этих словах.

— Вы не понимаете, — ответила я. — Я никогда ни о чём не жалею. И уж точно не стану жалеть о поцелуях под луной. Если я и буду о чём-то жалеть этой ночью, то только о том, что нравлюсь вам недостаточно сильно.

Он коснулся моего лица, провёл по губам большим пальцем — так нежно-нежно. Его не-поцелуй обжёг меня так, что колени чуть не подогнулись. А может, это всё коварство вина?..

Все сомнения исчезли, когда он сказал низким голосом, таким красивым, что слушать его и слушать. Особенно когда он говорит:

— Вы нравитесь мне очень сильно.

Ох! А он мастер комплиментов. Это так прекрасно. Я чуть не растаяла от его слов.

— Так сделайте с этим что-то.

Он поднял меня на руки и понёс к дому. Светила луна, и цикады настойчиво обещали хорошую погоду на завтра, и пел соловей, и глаза Дамиана блестели ярче, чем звёзды, и казались черней ночного неба над нами.

Глава 37. Чудесное утро

Дэбрэ принёс меня в спальню — мою, оставил здесь — одну, вернее, в компании верной Софи, перепоручил меня её заботе — и в итоге заставил думать о себе слишком много. Я хорошо спала этой ночью, но и засыпала, и проснулась с мыслями о нём. Дэбрэ, несомненно, прекрасный человек, благородный, но быть рядом с таким идеалом сложно. И при этом надёжно и безопасно, как за пресловутой каменной стеной.

Мужчина-мечта меня так и не поцеловал. Отговорился тем, что наутро я об этом обязательно пожалею.

И что же? Настало утро, и если я и жалела о чём-то, то только о том, что самый романтичный вечер в моей жизни закончился так бесславно. Меня сдали в добрые руки Софи, и на этом ночные приключения закончились. И теперь я лежала в постели, смотрела на потолок и жалела — самую малость — о том, что вела себя с Дэбрэ так откровенно.

Как и в дружбе, в любви нужно проходить только половину пути навстречу другому человеку. Как ни старайся, насильно мил не будешь, дружить и любить за двоих не сможешь — сколько раз мама мне об этом говорила. Но мамины и папины присказки и поговорки не спасли меня от ошибок. И теперь я на собственном опыте знала, насколько же это неприятное чувство, когда твой интерес к другому человеку превышает взаимный.

Никогда не думала, что буду бегать за мужчиной, и вот... Ну, не то чтобы я бегала за ним, но явно дала понять, что он мне нравится. А он вполне откровенно сказал, что я нравлюсь ему. Причём очень сильно. И где же? Я похлопала ладонями по постельному белью и решила, что картина «Девушка просыпается в своей кровати одна» совсем не похожа на «Вы мне нравитесь очень сильно» авторства любого мужчины, за исключением Дамиана Дэбрэ.

«А что бы ты делала, если бы он захотел остаться? Представь, ты проснулась, а вот он, рядом с тобой?»

Какая бодрящая и отрезвляющая мысль.

Я села, зевнула, потянулась, раскинув руки над головой.

Честно — не знаю. Не думала я так далеко. Да и не решилась бы, наверное, на что-то серьёзное. Мне бы хватило поцелуя, всего одного — доказательства, что я ему правда нравлюсь. А ещё очень хотелось узнать, как это — делить на двоих одно дыхание.

Дэбрэ всего лишь касался моих губ пальцами, и уже это было так горячо. А настоящие поцелуи от него — они, наверное, и вовсе сжигают.

Я попробовала повторить то, что делал он, очень нежно, едва касаясь губ подушечками пальцев. Получилось неплохо, но того волнения, что аж до шума в ушах, не возникло. В такие игры нужно играть вдвоём и с правильным человеком. Тем самым, который готов пройти свою половину пути.

Может, я и нравлюсь Дэбрэ, но недостаточно сильно для того, чтобы он потерял самоконтроль или отступил хотя бы на символический шаг от своих принципов. Его моральные качества делают ему честь, а всё равно как-то грустно.

Ладно. Пора заняться другими вещами.

Я рассмотрела амулет со всех сторон, и, как и вчера, никаких особых ощущений или открытий он мне не принёс. Сомнения в его действенности, конечно, оставались, но и Дэбрэ, и Софи уверяли, что не существует защиты сильнее амулета Бога-Отца. Я со всем вниманием вгляделась в линии пентаграммы на золотом диске, но ничего не изменилось. Металл остался металлом, линии — линиями, и никакого духовного подъёма или, наоборот, сверхъестественного страха я не почувствовала.

Возможно, упомянутые Дэбрэ шум в ушах, головокружение, боль, страх — результат самовнушения людей излишне впечатлительных. Буду считать, что мне повезло. И амулет действует, но без неприятных побочных эффектов.

— Пожалуйста, помогите мне, защитите меня, — сказала я вслух, глядя на золотой диск.

Странно, конечно, беседовать с неодушевлёнными предметами, но я это сделала и вернула амулет назад под сорочку.

Всё. Я защищена. И больше об этом не думаю. Тем более что других тем для размышлений накопилось столько, что не разгребёшь за день.

Мне стоило разобраться с книгой Майри, вещами Майри, отношениями Майри с другими людьми. Так что пора вставать, дел очень много. Как и удовольствий.

В ванной я первым делом открыла кран, чтобы набиралась вода. Мне не дали вчера поплавать в пруду, но «поплавать» в ванне — перспектива ничем не хуже. Без холодных рыб, скользких водорослей и жужжащих комаров, а с чудесной пеной, пахнувшей фиалками.

В моих силах сделать утро чудесным. Как и всю мою дальнейшую жизнь. А начать лучше всё-таки с малого.

Я открыла окно и задёрнула штору. С улицы доносилось пение птиц, дул приятный ветерок — бодрящий, прохладный. Под шум набирающейся в ванну воды я танцевала, а когда лежала в благоухающей пене, то пела. Амулет я с себя не сняла даже для того, чтобы помыться. Бережёного Бог бережёт, как известно.

Когда я вышла из ванной с полотенцем на голове, спальня преобразилась. Постель уже оказалась застеленной, столик у окна — накрыт к завтраку. В маленькой вазочке на тумбочке у кровати я нашла букет фиалок. Всё тут было так мило, хорошо и красиво — словно в райском местечке all inclusive, о котором я могла только мечтать.

После вчерашнего есть не хотелось, но коварная Софи среди прочего принесла и пирожные. А ещё меня поджидал чай в приземистом круглом чайнике — удивительно вкусный, на травах. Кто бы не соблазнился? В итоге, переодевшись в халат и быстро приведя волосы в порядок, я сидела у стола, держала в руках горячую чашку, смотрела в окно на окружающий дом тенистый парк, и жизнь представлялась мне совершенно прекрасной. Тот самый миг, когда пусть весь мир подождёт.

Никогда я так долго не пила чай, но он всё-таки закончился, как и пирожное. А жаль. Я бы хотела продлить этот момент в вечность, ну или хотя бы ещё на часок.

Глава 38. Сокровища и находки

В соседней комнате, исследовав платяной шкаф, я нашла очень милое светлое платье и переоделась в него прямо там. Пришло время хотя бы поверхностно осмотреть вещи Майри — должно же найтись среди них хоть что-то помимо нарядов. В итоге я стала обладательницей гор одежды и обуви, косметических средств, гребней для волос, драгоценностей. Украшений нашлось немало — десятки футляров, а лежащие на бархате гарнитуры показались мне более чем роскошными. Радоваться бы, а стало как-то не по себе. Откуда у Майри столько? Это же настоящее богатство — если, конечно, не подделка.

Скорее всего, это подарки приёмного отца. Майри входила в свиту королевы, может, поэтому герцог Вирский был так щедр к приёмной дочери?

Но он не показался мне добряком. Я всё ещё помнила его тяжёлый и властный взгляд, хотя наше знакомство длилось меньше минуты. Не верилось, что такой человек будет осыпать девочку из приюта драгоценностями. А если будет, то в ответ на что? О возможных причинах щедрости герцога не хотелось даже задумываться.

А если не он, а другие — с чего бы им дарить Майри настолько ценные подарки? Или всё это так, пустить пыль в глаза?

Я ещё раз присмотрелась к драгоценностям. Как понять, настоящие это камни или нет? Из ближайшего открытого футляра я взяла кольцо с большим прозрачным камнем, окруженным россыпью маленьких синих. Это и правда бриллианты с сапфирами, или что-то другое? Если это не подделка, то стоить такие украшения должны фантастически много.

Камень оставил на оконном стекле нестираемую царапину. Похоже, и правда алмаз, не стекляшка. Я вернула кольцо к ожерелью и серьгам и осторожно закрыла крышку футляра. На мой взгляд, этот гарнитур стоил очень, очень-очень дорого. А таких тут — немало.

Откуда у бедной девушки такие дорогие вещи? Это подарки, или она заработала их сама? За какие такие услуги, кому?

Вопросы я задавала, но искать ответы боялась. Не хотелось бы узнать о Майри ещё что-нибудь неприглядное. Догадки у меня были, но даже мысленно я не хотела их озвучивать.

О! В одном из неразобранных чемоданов я нашла книги и тетради, альбомы. Тут могли быть и дневники, а значит, разгадки. Если, конечно, Майри могла оказаться настолько неосторожной, чтобы доверять свои тайны бумаге.

Я с головой погрузилась в изучение найденных сокровищ, так что даже не заметила звука открывающейся двери.

— Кхм-кхм, — Софи пришлось покашлять, привлекая внимание.

— О, как хорошо, что вы зашли! — воскликнула я, вставая. — Софи, спасибо вам большое за завтрак и за заботу.

Мы мило поговорили, я показала ей драгоценности, и она подтвердила, что их стоимость весьма велика. Да и в других вопросах Софи оказалась ценным источником информации.

— Леди Майри, несмотря на сомнительное происхождение, считалась выгодной партией. Герцог Вирский дал ей имя, а благосклонность королевы — прекрасные связи. Ходили слухи, что к леди Майри собирается свататься сам граф Мортон.

— А это ещё кто?

— Молодой человек весьма приятной наружности, очень богат и, — Софи усмехнулась, — говорят, добрейшей души человек, ну или слегка глуповат. За это его люди и любят.

Я потёрла лоб. Это что же получается? К Майри сватался Дэбрэ, и она ему отказала, но до того делила постель. Вилар почти прямым текстом сказал, что между ним и Майри была любовная связь. А тут ещё и какой-то граф нарисовался, почти что жених.

— Когда леди Майри ославили ведьмой, помолвка, я так понимаю, сорвалась, — сказала Софи.

А ведь Катарина говорила мне что-то о каком-то там графе. Что, мол, очень скучает по мне... Ох, час от часу не легче.

Либо все мои чувства были написаны на лице, либо Софи ко всему прочему ещё и мысли умела читать.

— У леди Майри была весьма бурная личная жизнь, Майя, — сказала она. — Не расстраивайтесь из-за этого. Ваша жизнь началась три дня назад, думайте именно так, как вчера нам сказали.

— Но мне придётся всё это разгрести! — Я указала на столик, заставленный шкатулками с драгоценностями, и выставку бальных платьев на манекенах. — Никак не могу понять, откуда у неё всё это? Что она сделала, чтобы получить эти богатства? Я боюсь об этом задумываться, но, чтобы во всём разобраться, мне нельзя закрывать глаза даже на самые некрасивые поступки Майри.

Софи невесело улыбнулась.

— Вы предположили, что за всё это она платила своим телом?

Я отвела взгляд. Это всего лишь прошлое моего — Майри — тела, но думать о её связях с неизвестным числом мужчин, среди которых точно есть и Дэбрэ, и Вилар, и, вероятней всего, его отец, да и тот граф Как-его-там — да лучше живую лягушку без соли съесть!

И нет, я не ханжа, но... Как же всё это премерзко.

— Вы можете оказаться правы, Майя. У леди Майри, скорее всего, были поклонники и покровители, которые оплачивали её благосклонность дорогими подарками. Но содержанки не стоят своим господам настолько дорого.

Ой, и правда. Чего это я? Майри не Клеопатра, чтобы за ночь с ней и жизни было не жаль.

— Я бы подошла к этому вопросу с другой стороны, — продолжила Софи. — Почти не сомневаюсь, что к леди Майри за помощью обращалась не только сестра Катарина. И то, что другая вы делали для этих дам — стоило очень дорого.

Я вся обратилась в слух, боялась и слово сказать, чтобы не сбить Софи с мысли.

— Такие способности, как у вас — поглощать чужую магию — это настоящая драгоценность и редкость. А вот обладать магическими способностями — это не настолько редкий случай, как вам сейчас кажется. Если использовать эти силы, то однажды можно оказаться ославленной ведьмой и лишиться всякого шанса на удачный брак. Женщины из высшего общества скрывают свои способности как только могут. Я думаю, леди Майри стала лучшей и самой любимой подругой для них. И именно они дарили эти драгоценности и прекрасные платья. Хотя и благодарных поклонников я бы не стала исключать. Леди Майри всегда казалась мне женщиной весьма опасной и неискренней. Я счастлива, что вы — не она.

— Вы верите мне? — спросила я.

Софи коснулась моего плеча, а затем поправила цепочку моего медальона.

— Вам верит даже Бог-Отец. То, что вы можете носить этот амулет, говорит о том, что у вас чистая душа.

— Или он сломан и не работает, — предположила я.

— Он не сломан, я проверяла. А ещё я смотрела в вашу душу, Майя, и видела там именно такую светлую и чистую девушку, которую вижу в ваших глазах сейчас. Вы не она, уж я-то знаю. А где теперь она — не хочу знать.

Софи верила мне. Она одна верила мне!

— Дамиан тоже поверит. Майри почти уничтожила его веру в людей, разбила ему сердце. Но вы другая, и он это тоже видит, пусть и пока боится поверить. Простите его за упрямство. Чем больше вы ему нравитесь, тем сильнее он отталкивает вас. Дайте ему время. Он хороший человек и будет любить вас так, как никто и никогда не сможет вас полюбить.

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Она это поняла и мягко улыбнулась.

— Просто подумайте об этом. Он действительно хороший человек, достойный мужчина.

— Я знаю, — тихо ответила я, — он замечательный, — и замолчала.

Сердце так громко стучало. Кажется, я только что призналась Софи, что Дэбрэ нравится мне слишком сильно.

— Ну-ну, — сказала она. — Не волнуйтесь так. Я ему не скажу, о чём мы говорили, даже если он прямо спросит.

— Спасибо.

— Кстати, — сказала она, — я ведь зашла сюда поговорить о другом. Когда я стелила постель в вашей комнате, то нашла молитвенник Деве-Сестре под подушкой. Даже два экземпляра.

Софи смотрела на меня испытующим взглядом, а я ничего, совсем ничего не могла ей ответить — и не дышала.

Она их открывала? Пожалуйста, нет. Пожалуйста, пусть будет нет.

— Такие вещи нельзя держать под подушкой, — наконец сказала она, — да и вообще держать в спальне не нужно. Они могут навредить неподготовленной к общению с высшей силой душе. Я убрала их,

отнесла в библиотеку, положила на полку к другим священным книгам — вы сможете найти их там.

— Сестра Катарина носит молитвенник в кармане, — сдавленно ответила я.

— Ну, на то она и сестра, — сказала Софи. — Для простых смертных общение с Богиней требует особой подготовки и соответствующей обстановки. Этого не делают в спальне, лёжа в постели — можно получить наказание за неуважение. Такие случаи бывали, о чём вы, конечно, не могли знать. Потому я унесла эти книги, чтобы случайно вы не навредили себе. Да и чтение это сложное, требует предварительных объяснений. При желании, вы можете обсудить эти темы с виконтом, он хорошо разбирается в таких вещах.

Я молчала. Софи не открывала молитвенники. Кажется.

— Если вам ничего не нужно, то я пойду, — сказала Софи, и я слабо кивнула.

Она пошла к двери, а я смотрела ей вслед. Так открывала она книгу Майри или нет? А вдруг прямо сейчас пойдёт в библиотеку? Может, я чем-то выдала себя, и она решит разузнать, что меня так испугало? А если не она, если на эту книгу случайно наткнётся Дэбрэ? Лучше сейчас спросить, где находится библиотека, или разузнать всё самой, и уж тогда тайком унести оттуда книгу Майри и, например, сжечь?

Дверь за Софи негромко стукнула, и я осталась одна.

Фу-ух. Я закрыла глаза и шумно выдохнула. От пропасти меня отделяло расстояние не толще волоска. Как бы я объясняла наличие книги с пентаграммами у меня под подушкой? Я вспомнила своё беззаботное утро, как пила чай и любовалась на сад. Как я могла позабыть о книге Майри? Как могла не подумать, что Софи, перестилая постель, её найдёт? Как, как, как...

Крепко сжав амулет, я сказала спасибо. Совпадение или удача — мне всё равно. В том, что Софи не открыла книгу Майри, я видела руку доброго бога.

Глава 39. Невезение

Я нашла библиотеку без приключений, но на этом моё везение закончилось. Стоило открыть высокую двустворчатую дверь, увидеть все эти шкафы от пола до высокого, в два этажа потолка — как же тут всё было шикарно устроено! — как путь мне преградила собака. Тот самый хартман по кличке Бренан. Он вылез из-под стола и пошёл в мою сторону, цокая когтями по паркету.

Мы были тут одни, и его взгляд показался мне недобрым. А уж клыки и вовсе добренькими я бы не назвала. Пёс сел на небольшом расстоянии от меня и наклонил голову, словно прислушивался к чему-то. Взгляда от меня не отводил. Выглядел угрожающе даже лишь из-за одного своего размера и чёрной до последнего волоска шерсти.

Если бы не книга Майри, я бы уже закрывала за собой дверь. Не то чтобы я боялась собак, но вот эта вызвала бы появление неприятного холодка в желудке даже у самого смелого человека.

И всё же мне придётся рискнуть.

Стоило сделать шаг вперёд, как хартман зарычал — не слишком громко, не так уж и яростно, но намёк я поняла и остановилась. Он внимательно смотрел на меня, и его взгляд становился всё менее дружелюбным.

— Ну-ну, чего ты, Бренан? Я пришла за *своей* книгой. Её сюда недавно принесла госпожа Софи. Ты ведь знаешь Софи? Это она, наверняка, кормит тебя. Так вот она принесла сюда *мою* книгу, даже две. Можно, я их заберу?

Да, я разговаривала с собакой. Но этот пёс выглядел таким сообразительным. Я могла бы поклясться, что он понимает каждое моё слово.

А вот прислушиваться к ним он не пожелал. Вместо того чтобы пропустить меня туда, куда я хотела пройти, он встал и поднял шерсть на загривке. Не знаю, как это у него получилось, но из собаки размером с телёнка он мгновенно вырос во взрослого цербера. На этом наше общение закончилось. Под его рык я захлопнула дверь за собой и прижалась к ней спиной.

Сердце безумно колотилось. Мне хотелось кричать от досады.

Как же не вовремя Софи решила проявить обо мне заботу. Она не открыла книгу — и это прекрасно, но зачем унесла? И что мне теперь делать? Разве я могу вот так просто уйти, ничего не добившись?

Немного подождав, я приоткрыла дверь — пёс сидел у порога и показал зубы, как только меня увидел. На этом знакомство с библиотекой пришлось прекратить и вернуться к себе, вернее, в комнату с вещами Майри.

В душе всё клокотало. Со всеми этими событиями я превратилась в невротика, заводилась с пол-оборота. Но как тут не разозлиться? Вообще, у собак должно быть своё место. Вольер на улице — лучше всего. Как ему вообще позволили зайти в библиотеку?

А может, он там по делу, охраняет что-то? Дэбрэ говорил про тайники с книгами ведьм. Сказал, что даже если я вспомню, то хранилище теперь располагается в другом месте. Если он устроил его в библиотеке и приставил хартмана охранять, то вернуть назад книгу Майри станет почти невыполнимой задачей.

Я скрестила пальцы на удачу, что ошиблась, и хартман в библиотеке встретился мне совершенно случайно. Не слишком-то в это верилось, но надеяться очень хотелось. Потому что иначе книгу мне не добыть.

Просить её у Софи — не вариант. Уж тогда она её точно откроет. Так что других способов, кроме как вернуть её самой, у меня нет.

Я постаралась успокоиться. Собаки как минимум выходят во двор, чтобы сделать свои дела, а ещё едят, пьют, спят в будке или где там ещё. Когда-нибудь пёс из библиотеки уйдёт, даже если что-то там охраняет. Можно будет спросить у Софи, когда его кормят и выгуливают, да и вообще расспросить о нём поподробнее.

Хартман и правда выглядел необычным псом. Он смотрел на меня так, как будто всё-всё обо мне знал и всё понимал. И я ему не нравилась, это точно. Так что мечты о том, чтобы с ним подружиться, например, прикормить колбасой — из разряда фантастики. Да и где мне добыть колбасу — поискать кухню и потихоньку ограбить Софи?

Нет, уж этого я точно делать не буду.

Надо всего лишь улучить момент, когда пса в библиотеке не будет. Проверить пару раз, но так, чтобы лишнего внимания не привлекать, и уж тогда быстренько книгу забрать. Но с удачным моментом мне может и не повезти. Просить, чтобы Софи принесла книги, нельзя. Она

откроет молитвенник — и всё, о доверии между нами можно будет забыть... Хм, а может, попросить её прогнать собаку, сказать, что пёс на меня нарычал? Но тогда она спросит, зачем я ходила в библиотеку, и сказочка о белом, а в данном случае — о чёрном бычке повторится сначала.

Вопросы-вопросы. Я уже устала от них. Ненавижу не понимать, что мне делать, когда и как. Наверное, эту книгу надо просто оставить там, где она сейчас. При случае — забрать и уничтожить. Но не выращивать из мухи слона, а то он так потопчется по посудной лавке, что осколков вновь разбитой жизни не соберёшь.

В конце концов, я могу притвориться, что не открывала ту книгу, не знала о пентаграммах, и стоять на своём, даже если меня начнут топить в бочке с водой.

Но как я могла вообще допустить весь этот ужас? У меня были сотни возможностей спрятать книгу Майри, а я забыла о её существовании начисто. Мечтала о всяком, думала о том, какой Дэбрэ — шикарный мужчина вместо того, чтобы помнить, что в первую очередь он дознаватель, а Софи, хоть и очень милая, добрая, но надзирательница.

Это же надо мне было так попасть. И ведь сама виновата! Ну до чего же обидно. Если из-за того момента «когда весь мир подождёт» ещё и всё рухнет, то... Ну что тут ещё скажешь?

И ведь ничего сделать нельзя, только надеяться, что мне ещё повезёт.

Глава 40. Мир всё-таки подождёт

Настроение я себе испоганила начисто. Чтобы развеяться, собрала тетради Майри в стопку, взяла плед из спальни и отправилась в сад. Софи только кивнула, когда я сказала, где буду. Доверяла мне — и это резало без ножа.

Ладно. Не буду об этом думать.

С этим хартманом в библиотеке одно хорошо — хотя бы собаки можно не опасаться. Я собиралась посидеть под деревом, послушать птиц, подышать...

Нет, ну до чего ж я на себя была зла! Одна крохотная ошибка — и всё. А если бы книгу Майри увидел Дэбрэ?

Громко шурша гравием, я добралась до пруда. Здесь оказалось ещё красивее, чем ночью. Из-за темноты я не всё рассмотрела. А тут цвели лилии, вокруг, уже на земле — лютики, шуршала осока. Летали стрекозы, шмели, комары — как без них. Но на самом деле стрекоз — голубых, фиолетовых, розовых и зелёных — было больше всего.

Я выбрала место под старым дубом, расстелила плед, обувь сняла. День набирал силу, а с ним — и жара, но сидеть в теньке было хорошо, даже в многослойном платье — очень приятно. Напряжение медленно уходило, и я дала себе время просто посидеть, полюбоваться на всю эту красоту. На небо, всё в пышных, как взбитые сливки, облаках. На покачивающиеся кроны деревьев. На неповоротливых шмелей и быстрых стрекоз.

Мне нельзя допускать таких глупых ошибок. Я не должна всё это потерять.

Вздыхнув, я приступила к записям Майри. Их нашлось не так много, как я надеялась. Всего несколько тетрадей и альбом. Она, оказывается, рисовала, но не очень хорошо. Обычные вещи — яблоко, стакан с цветком. Кое-где рисунки исправляла более умелая рука — очевидно, учитель. Ничего ценного в альбоме Майри я не нашла, убедилась лишь, что руку ей так и не смогли толком поставить.

Дневник у неё был, но она бросила его вести много лет назад. Аккуратный круглый почерк заполнял не меньше половины тетради, но полезного я в ней ничего не нашла. Школьные подруги и недруги,

уроки, строгий учитель, поездка в монастырь — описания Майри не смогли мне помочь составить хоть какое-то представление о ней и том важном, что её окружало.

«Сегодня на завтрак подавали морковный пирог. Ужасная гадость».

Ну, и что я могла из этого почерпнуть?

Остальные тетради оказались её записями по учебным предметам. При желании я могла изучить математику, географию и историю. Последнее мне показалось поначалу обнадёживающим, но, видимо, учитель Майри особое внимание уделял датам войн, рождений и смертей королей. С помощью тетрадей Майри я подсмотрела на этот мир, но увидела не больше, чем в замочную скважину. Ни о ней толком ничего не узнала, ни о мире.

Я перелистала все страницы ученических тетрадей, но личных записей не нашла. Ни одной строчки.

Какой-то неудачный день. Надо это срочно исправить.

Я взяла карандаш и открыла чистый лист в альбоме Майри. Мне даже задумываться не пришлось, рука сама принялась рисовать. Что вижу, то и пою, а я вот — рисую. На листе появился пруд в окружении деревьев — намёком, быстрыми штрихами, затем я нарисовала себя, ну а потом и Дэбрэ. Ему я уделила больше всего внимания. Он стоял рядом с нарисованной мной и держал меня за руку — и смотрел так, что казалось, признаётся в любви. Романтической картинке не хватало только луны, и хотя в том положении на небе её быть не могло, я нарисовала и её, скромно прикрытую облаками.

Рассмеявшись, я отбросила альбом, так и не закончив работу.

Оглянувшись по сторонам, стянула с себя верхнее платье, сняла и бельё. Сорочку оставила — мало ли. Трава приятно холодила ступни, а вот земля показалась мне тёплой и влажной. Я боялась, что дно озера окажется заросшим водорослями и скользким, но нет, я шла по песку, а чуть подальше, когда вода поднялась мне до груди, ногами нащупала камни. Вода была именно такой тёплой, как я и мечтала. И вот, наконец, я оттолкнулась от дна и поплыла!

Что сказать? Теперь я знаю, как выглядит счастье. У него лазурный цвет неба, белоснежный — пышных облаков, радужный — крыльев стрекоз.

Даже наплававшись, я целую вечность отказывалась выходить из воды. Лежала на спине, раскинув руки, и смотрела на всё это облачное, пышное, лазурное великолепие. Дерзкая стрекоза захотела сесть мне на нос — из-за неё, отмахиваясь, я чуть не утонула. И только полностью намочив волосы, чего изначально не хотела, решила вернуться на землю.

О, оказывается, за мной всё это время наблюдали. При моём приближении нарушитель правил хорошего тона сунул морду в траву, но торчащие торчком уши и прилегающее к ним немаленькое тело его, разумеется, выдали.

— Что, больше не рычишь на меня? — спросила я, отжимая подол сорочки. — Эй, кому говорю? Как тебя? Бренан?

Заслышав своё имя, пёс начал от меня отползать.

— Ну, чего ты такой скромный? Может, подружимся?

Я шагнула к нему, а он закрыл морду лапами. Вот умора!

Мало того, пёс так смутился, что вскочил на ноги и скрылся среди кустов.

— Бренан, вернись! — крикнула я, но он меня не послушал. И ведь понимает всё, вот упрямец!

Я подошла к пледу и лежащим там вещам, немного подумала — да кто тут меня, кроме пса-вуайериста, мог увидеть! — и сняла сорочку. Хорошо ещё, что бельё с себя догадалась заранее снять, ещё бы о полотенце до того, как идти сюда, подумала — была бы вообще молодец. Плед плохо вытирал мокрое тело, но я постаралась справиться поскорей. Оделась кое-как, лишь бы быстрее.

Пёс на улице — а значит, дорога к цели свободна. Подхватив тетради и ком из сорочки и пледа, я отправилась к дому. Пошла босиком, но не по гравийной дорожке, а рядом с ней по траве. И до чего же это было приятно.

Издали раздался лай — вот и отлично! Значит, хартман гуляет.

Я ускорила шаг и меньше чем через пять минут уже стояла у дверей библиотеки.

Глава 41. Катастрофически

По пути я закинула вещи в свою комнату и в библиотеку отправилась налегке, как была. Платье после купания в пруду я надевала впопыхах, волосы оставались мокрыми, ступни — босыми. Попадаться в таком виде кому-то на глаза я не планировала, думала, всё быстро улажу, пока пёс гуляет — и просчиталась. А ведь поначалу всё шло так хорошо: никого не встретила по дороге, а в библиотеке быстро нашла нужный шкаф и полку. Я уже держала книги в руках, когда дверь в библиотеку резко распахнулась.

Вспыхнувшая было надежда увидеть Софи мгновенно растаяла — на пороге стоял Дэбрэ.

Будто преступница, застигнутая на месте преступления, я вздрогнула всем телом. Мало того — выронила один из молитвенников, и тот шлёпнулся на пол со звуком разорвавшейся бомбы. Ну, может, немного потише, и всё равно катастрофически громко. Внутри всё опустилось от мысли, как мне теперь перед Дэбрэ объясняться.

Он молча смотрел на меня, и его лицо казалось высеченным из камня. Щёки порозовели, темные глаза блестели, грудь вздымалась, будто он недавно бежал — я бы не назвала его мраморной статуей, несмотря на полную неподвижность. А вот себя — да. Мышцы как окаменели, я не могла пошевелиться. Казалось, наклонюсь — и сломаюсь напополам.

Ну почему всё в моей жизни так нелепо, не вовремя, до чего же обидно. Я могла бы тысячу раз сказать себе, что сама виновата, но кого бы это спасло?

Дэбрэ подошёл ко мне и поднял книгу с пола — я так и продолжала стоять, будто преступница. Хотя почему будто? Сейчас он откроет книгу, увидит там пентаграммы Майри, и я окажусь в тюрьме. Ну или лишусь его доверия уже окончательно, даже если расскажу всё честно, как есть.

— Вы за этим сюда так бежали? — спросил он негромко, бросив всего один взгляд на молитвенник, и вновь испытующе посмотрел мне в лицо.

Не могла я вынести его взгляд. Я смотрела на его руки, а он всё крутил туда-сюда книгу, не открывая её. У меня возникло такое ощущение, будто к моему лбу приставили револьвер, и я могла только ждать, когда же единственный патрон в барабане разнесёт мою бедную голову. Каждый поворот книги в руках Дэбрэ — как сухой хлесткий щелчок в ожидании неминуемой смерти.

Но он ведь меня не убьёт. Может, прогонит, может, осудит, даже, может, поймёт. Но эта пауза перед тем, как всё случится, мучительна настолько, что хочется закричать: «Да открой ты её уже!»

А он не спешил, будто знал, как это промедление мучит меня.

— Зачем вам молитвенник?

Мне потребовалось собрать все силы в кулак, чтобы выдавить из себя:

— Это книга сестры Катарины, она дала мне её почитать, а Софи забеспокоилась, что, не имея опыта, я проявлю неуважение к содержанию книги и навлеку на себя гнев высших сил. Она нашла её в моей комнате и отнесла сюда, а я пришла забрать, пока помню об этом, чтобы при случае обязательно вернуть её Катарине.

Чем дальше я говорила, тем сильнее билось сердце, а вот голос становился твёрже. Одно хорошо — я ни в чём не соврала. Всё остальное казалось ужасным.

Я протянула руку — удивительно, но она не дрожала — и сказала:

— Отдайте её мне, пожалуйста.

Дэбрэ так смотрел на меня, я думала, что умру под его взглядом. Сердце билось всё быстрее и быстрее. Мне казалось, ещё минута — и случится инфаркт. Дэбрэ смотрел мне в глаза, затем опустил взгляд на книгу.

И открыл её прямо посередине. А я закрыла глаза. Не хотела видеть, как изменится его лицо, когда он поймёт, что я его обманула.

— Софи права, что забрала у вас эту книгу, — прозвучал его голос. И я не сразу поняла, почему он не кричит, не обвиняет меня. — Сестра Катарина не могла знать, что вы не знаете, как нужно обращаться со священными текстами. И вы действительно могли навредить себе, если не помните, как это делать.

— Я не помню, вы правы, — тихо ответила я.

Его слова всё ещё отдавались в голове сухим щелчком — я пережила страшный момент, но скольких же нервных клеток мне это

стоило. Значит, на пол упал молитвенник Катарини. Книга Майри сейчас у меня в левой руке, а сама рука опущена вниз, и я очень надеялась, что складки платья книгу хоть немного скрывают. Может, он и не заметит, что книг у меня две?

Надежда — ужасная вещь. От неё сердце рвётся на части.

— Я не собиралась читать молитвы, но не могла ей отказать. Катарина очень настаивала, и я взяла её книгу. — Я шумно выдохнула, подняла взгляд.

Он так смотрел на меня. Не умею читать мысли в чужих головах, но его волнение чувствовалось кожей. Напряжение между нами ещё возросло.

Он вложил книгу мне в руку, и я схватила её так цепко, что пальцы будто свело.

— Спасибо, — сказала я. — Я верну её сестре Катарине, когда она вернётся в наш дом.

— Наш. Дом, — он повторил мои слова с большой паузой между ними. Его взгляд жёг, и я опустила глаза.

— Простите. Я не хотела ни на что намекать. Я и не надеялась, что вы увидите во мне спутницу жизни.

Он коснулся меня, заставил поднять голову — держал под подбородком, вторую руку положил на спину, не давая сбежать. Его глаза ещё приблизились, я смотрела только в них — падала в них. Его прикосновения касались такими уверенными, сильными и при этом нежными.

— Что вы?.. — и это всё, что я успела сказать.

Он поцеловал меня.

Не знаю, каким чудом я не выронила эти проклятые книги.

Глава 42. Всё сложно

Даже спустя часы я всё ещё ощущала поцелуй Дэбрэ на губах, ну а думала о нём и вовсе чуть ли не каждую минуту.

Он поцеловал меня и ушёл, никак не объясняя своего поведения. А я ничего не спросила — на ногах смогла устоять, и то хорошо. Я мечтала о поцелуях и вот, получила свой первый. Не жалела о случившемся ни секунды. Мне повезло. Этот поцелуй был настолько прекрасным, что я всё никак не могла успокоиться. Нежным и сдержанным Дэбрэ был лишь поначалу, а затем показал на примере, что случается со щепкой, попавшей во власть урагана. И даже сейчас его поцелуй тлел на губах, словно Дэбрэ оставил на мне несмываемое клеймо. Я уже не раз умывалась холодной водой, но ощущения тепла и нежности возвращались. Даже если бы я хотела, то не смогла бы выбросить случившееся из головы.

А я не хотела ничего забывать. Я, может, всю жизнь о таком мечтала. С изломанным телом и изуродованным лицом у меня не было ни единого шанса на счастье. Этот мир — мой единственный шанс на любовь. Страсть Дэбрэ показалась мне настоящей, искренней, будто его вёл порыв, которого он не смог сдержать — и этот поступок выглядел сильнее любых слов, самых изысканных комплиментов.

Наверное, ему не стоило так поступать, но я не жалела о том, что он не сдержал чувства. И даже если во мне он всё ещё видел Майри — не жалела ни капли.

Я вернулась в свою комнату под таким впечатлением, что даже не сразу посмотрела, как сумела спастись. И словно приключений мне было мало, сунула книги под подушку и на время забыла о них.

Мне надо было подумать, но мысли разбегались, как муравьи. Кусали меня, жгли, отравляли... возвращали незабываемые ощущения.

Дэбрэ — первый мужчина, встретившийся мне в этом мире. И вообще, первый мужчина, проявивший ко мне интерес в обоих мирах. И первый мужчина, который меня поцеловал.

У меня от него кругом шла голова.

Он мне нравился. Так сильно нравился, что я бы хотела найти в нём недостатки, а всё, что вспоминала, вызывало восхищение и

восторг.

Лишь через час или около того я пришла в себя настолько, чтобы проверить книги. И только тогда поняла, что всё запуталось ещё больше, чем прежде. В обоих молитвенниках имелся семнадцатый стих, а магический фонарь не высветил ни пентаграммы, ни надписи ни на одной странице.

Единственное предположение, которое у меня возникло — книгу Майри кто-то подменил. И этот кто-то, вероятней всего, Софи. Конечно, можно подозревать и проходящую прислугу, мало ли, но возле библиотеки сегодня я не видела никого. А Софи — единственный человек, который, кроме меня, держал в руках эти книги. Ещё Дэбрэ, но совсем недолго и только одну, а я в это время смотрела на его руки. Софи же хозяйничала в моей комнате без меня, у неё была идеальная возможность, а может быть, и мотив подменить книгу Майри на обычный молитвенник.

Категорически не хотелось её подозревать, но как подозревать того, кого я вообще не знала? Только в плохих детективах убийцей оказывается третья горничная или проходящий садовник. Но так случается и в жизни, ведь её сценарий пишет тот, кто не ставит себе целью показательно раскрыть все тайны.

Ладно. У меня имелось два факта: первый — книга Майри исчезла, второй — Софи мне ничего не сказала и никак не показала, что знает о тайном содержимом одного из молитвенников. Вот из этого и следовало исходить.

Совсем позабыв о поцелуях, я прошлась по комнате туда и обратно, затем начала одеваться.

От книги Майри, в которую я даже не могла толком заглянуть, иначе бы запомнила те пентаграммы, я избавилась — вот и отлично. Я всё равно собиралась её уничтожить, чтобы не оказаться ею скомпрометированной. А начни я тут что-то жечь, то почти наверняка привлекла бы внимание. Да и закопать в саду, когда в доме собака — так себе вариант. Ну и тайны не тонут, вечно пытаются всплыть в самый неподходящий момент. Так что подмена молитвенника, как ни странно, мне только на пользу.

Но с другой стороны, меня пугала мысль о том, что эта крайне опасная книга теперь находится в руках человека, который, возможно, захочет воспользоваться одной из пентаграмм Майри в неизвестных

целях. Софи нравилась мне, но разве я её знала? Мы знакомы всего второй день. Если же в подмене виновна пресловутая третья горничная, то о приходящей в дом прислуге я не знала вообще ничего. В руках того, кто подменил книгу, теперь находилась очень опасная вещь. Фактически, своей неосторожностью я кого-то вооружила. И это оружие могли направить во зло.

Я умылась, наверное, в пятый раз за день и уселась возле туалетного столика. Отражение подсказало, что волнение мне не скрыть. Я постаралась улыбнуться, но в выражении глаз осталась тревога.

Поговорить с Дэбрэ?

«Ну и идея! Только что ты умирала от страха, что он найдёт у тебя эту книгу, а теперь хочешь обо всём рассказать?» — я никогда не слышала голоса Майри, но мне почему-то показалось, что он мог бы звучать именно так.

В моей ситуации глупо признаваться. Но и очень страшно стать первопричиной того, что из-за этой книги что-то плохое случится.

Ненавижу сомнения, а они, похоже, очень любят меня и атакуют по любому поводу.

Я привела волосы в порядок, уложила их примерно так, как это делала Софи. Закрепила причёску инкрустированными гребнями. Затем пошла в соседнюю комнату и выбрала там самое красивое платье из тех, которые не требовали мучить себя жёстким корсетом. Я надела и драгоценности. Бриллианты с сапфирами лучше всех подошли к светлому платью с тёмно-синим лифом и полупрозрачной накидкой.

Да, я даже чужие драгоценности решилась надеть, хотя и не знала точно, какой ценой они достались Майри и кто именно их дарил. Хотелось, пока есть такая возможность, попробовать себя в роли прекрасной принцессы. Внешне это удалось на все сто, несмотря даже на то, что в комнате имелись платья и попышней, понарядней. А вот внутренне мне никак не получалось вернуть тот настрой, которым я наслаждалась до того, как заметила, что у меня больше нет книги Майри.

Всё вдруг стало таким непрочным и зыбким. Усложнилось в разы, хотя казалось: нет книги — и нет проблемы.

Я смотрела на себя в зеркало в полный рост и не могла поверить, что вот эта прекрасная нарядная девушка — я. Почему-то разволновалась ужасно. Всё было вроде бы хорошо, а мне начало лезть в голову, что я таким образом со всем этим прощаюсь, что на часах уже без пяти минут двенадцать, и совсем скоро карета превратится в тыкву, кучер — в крысу, а я проснусь в полупарализованном теле Франкенштейна и буду вспоминать всё случившее здесь, словно волшебный сон.

Я трижды проверила медальон. Он висел на шее, с ним всё было хорошо, но чувство защищённости ушло безвозвратно.

Наконец я решила сделать то, о чём всё это время запрещала себе даже думать. Мне пришлось немного поплутать, но кухню я нашла — по прекрасным ароматам и звяканью посуды, приглушённым разговорам.

Я зашла внутрь, поклонилась поприветствовавшим меня женщинам и обратилась к Софи:

— Мы могли бы поговорить? Это не займёт много времени.

Софи приподняла брови, оглянулась на готовящих ужин женщин, затем посмотрела на меня, и её привычная улыбка исчезла.

— Здесь? — уточнила она.

— Наедине, если это возможно.

В коридоре я покачала головой.

— Нет-нет, наша беседа не для посторонних ушей. Она должна быть максимально конфиденциальной.

Я могла заручиться поддержкой Дэбрэ, но решила поговорить с Софи сама, прямо. Она нравилась мне, и я очень-очень надеялась, что то, как она напоминает мне маму, не приведёт к самой большой ошибке в моей недолгой жизни здесь.

Софи пригласила меня к себе. Мы поднялись по лестнице, и так я узнала, что её комната располагалась на втором этаже.

— А вот тут спальня хозяина, — сказала Софи, указав на одну из дверей.

— Не думаю, что мне следует это знать, — заметила я, на что Софи лишь улыбнулась.

Мне понравилась её комната. Она оказалась светлой, большой, окна выходили на тенистый сад, и я невольно заметила, что уже

вечерело. Возле окна стояла пара кресел и чайный столик — Софи предложила мне присесть.

— Вы хотели мне что-то сказать, — напомнила она, когда каждая из нас устроилась в кресле.

— Да. Я попала в очень нехорошую ситуацию, — начала я, — и мне необходимы ваши помощь и совет.

Какое безрассудство — делать ставку на доброту и благородство другого человека. Подозревать его, но говорить с ним прямо, да ещё и на его территории и без всякой поддержки. И знать, что сам беззащитен, а другой обладает силами, чьих пределов ты не представляешь.

Эркюль Пуаро в моей душе громко вещал о маленьких серых клеточках мозга и уверял, что в моей голове их вообще нет.

Глава 43. Откровения и подозрения

Я рассказала Софи всё — кроме того, что помню свою прошлую жизнь. Рассказала и о трёх днях, упомянутых Катариной. О книге с вырванным из неё семнадцатым стихом. И о том, как с помощью магического фонаря обнаружила в молитвеннике Майри пентаграммы. И логическим продолжением всего вышеупомянутого — о том, кого именно подозреваю в подмене — её.

— Я ничего не могу доказать и не пойду с этим рассказом к виконту Дэбрэ. Я лишь хочу попросить, чтобы вы не использовали эту книгу во зло, если она, конечно, у вас, а не у кого-то другого.

Всё, я закончила. Ещё ничего не было решено, но на душе стало легче. А ещё я всё же надеялась, что зря подозревала Софи. Не видела я в ней зло, по мере своего рассказа не заметила в ней ни тревоги, ни страха, ни презрения. Она выслушала меня максимально доброжелательно: не перебивала, сидела в мягком кресле, чуть наклонившись вперёд, смотрела мне в лицо, ловя каждое слово.

— Я надеюсь, что это не вы, — сказала я, — потому и пришла к вам со всем этим.

— Это не я, и вы были правы, что пришли именно ко мне. — Она откинулась на спинку кресла, коснулась рукой рта.

Опустив взгляд, Софи несколько минут обдумывала услышанное, а я ей не мешала. Рассказ получился долгим, мне захотелось пить, и я налила себе воды из графина. Пила маленькими глотками и смотрела в сад, выглядящий всё более тёмным и таинственным в сгущающихся сумерках.

Мне очень хотелось верить Софи. И я надеялась, что она не лгала мне сейчас, утверждая, что книги Майри у неё нет.

— Думаю, придётся всё рассказать Дамиану, — наконец сказала Софи. — Мне жаль, но так действительно будет лучше для всех.

— Почему вы сожалеете?

— Скажу сразу: ему не понравится то, что вы не были откровенны.

Я поставила наполовину наполненный стакан на стол. Мне пришлось собраться с мыслями, чтобы сформулировать всё, что я хочу

сказать.

Хорошо, что первой меня услышит Софи, а не Дэбрэ. В некотором смысле наш с Софи разговор — тренировка будущего сражения с Дэбрэ. А что он будет нападать на меня, видеть во мне противника, я даже не сомневалась. Поцелуй — это другое. Он случился не потому, что Дэбрэ стал мне доверять, а лишь под влиянием момента.

— У меня изначально не было причин для излишней откровенности, — сказала я. — Когда Дамиан Дэбрэ вошёл в мою камеру, я сразу же поняла, что он предубеждён и считает меня виновной во всём. И после он не раз говорил мне, что не доверяет, и его помощь мне — вынужденная мера для расследования того, как именно мне удалось его обмануть.

Софи захотела что-то сказать, но я подняла руку. Она кивнула.

— Пожалуйста, продолжайте. Я не буду перебивать.

— У него были веские причины не доверять мне, в этом я не сомневаюсь. Но до сих пор мне непонятно, даже зная теперь, какие сложные отношения их связывали с Майри, как он мог пытаться любимую женщину. Даже если её разлюбил, даже если возненавидел. Я так поняла, что боль из-за Лорнской воды для ведьмы мучительна. Как он вообще мог наблюдать за этой пыткой, руководить ею? Он настолько жесток? Я не заметила в нём ничего, кроме доброты, но мне не даёт покоя мысль, что в нём есть жестокость и ненависть.

Софи долго молчала.

— Он выполнил свой долг перед короной. Поверьте, я видела, каким он в тот день вернулся домой. Ему, возможно, было больнее, чем ей, мучительнее — так точно. Больше всего его поразило, настолько, что он даже поделился со мной, что она почти сразу призналась и даже похвалялась тем, что сделала. Если бы не особая значимость произошедшего, виконт Дамиан вообще бы не участвовал в этом расследовании. Король просил его лично оставить все дела и найти того, кто убил их с королевой ребёнка. Это страшное преступление. С каждым новым выкидышем шансы на рождение здорового наследника уменьшаются, а их было уже очень много.

— Пять лет назад Майри не было в свите королевы. И украденных в этом доме пентаграмм у неё не было. Нельзя винить её за всё.

Софи кивнула.

— Да, это кто-то другой. Но она не выдала, кто ей приказал это сделать.

— А её об этом спрашивали?

— Она смеялась в лицо тем, кто её допрашивал, и утверждала, что ненавидит королеву Минерву. — Софи вздохнула. — Она использовала их с виконтом историю, чтобы скомпрометировать его перед помощниками и свидетелями допроса.

Но делала это не из чистой вредности, понятное дело. Я сказала:

— Думаю, это умный ход с её стороны. Она заставила дознавателя спешить завершить допрос, сделала его и для него пыткой.

Софи только кивнула.

— Кто мог подменить книгу? — спросила я. — Вы кого-то подозреваете?

— В этом лучше, чтобы разобрался виконт Дамиан. Когда он вернётся домой, я подам обед. А вы уже после того, как он поест, расскажете ему всё то, что мне рассказали. Сытый мужчина всегда более добр, а виконт в глубине души добрый и ранимый человек. Он постарается вас понять.

— Я не сделала ничего такого, чтобы меня понимать и прощать, — сказала я довольно резко, но Софи со мной не согласилась.

— То, что вы обнаружили в этой книге, то, что вам рассказала сестра Катарина — вам следовало сразу же всё открыть нам. Тогда время бы не было упущено, а книга уже находилась бы под надёжным замком.

— Или там же, под замком, в той страшной камере, оказалась бы я. Мне тоже требовалось время, чтобы понять, кто вы, можно ли вам доверять.

Уже и не знаю, какими словами объяснять, что доверие не бывает односторонним.

— Я понимаю, — миролюбиво сказала Софи и, наклонившись вперёд, пожала мне руку. — Всё будет хорошо. Если виконт воспримет всё острее, чем хотелось бы надеяться, то я сама с ним поговорю. Он поймёт, должен понять ваши сомнения.

— Вы подозреваете кого-то из горничных, кухарок, садовников? — спросила я. — Кто-то из них мог взять эту книгу?

Софи покачала головой.

— Все они — надёжные люди, работают на нас уже много лет. В первую очередь я подумала о Бренане.

— Но это же пёс, — осторожно сказала я.

Она так посмотрела на меня, что я сразу поняла, что очень сильно ошиблась.

— Бренан — хартман.

— И что это значит? Я не понимаю. — Я начала волноваться.

— Хартман только выглядит как собака, но это человек.

Что?

— Хартман — это человек, чьё тело временно превратили в тело животного.

Я встала, не в силах усидеть, а Софи продолжила объяснять:

— Это наказание, которым заменяют смертную казнь или длительный срок заключения. Над преступником совершается специальный магический ритуал, его тело меняется до животного состояния, а душа остаётся человеческой, сохраняется способность мыслить, понимание речи. Бренан — только телом собака, у него сердце и душа человека.

— Но это жестоко!

— Это оправдано теми поступками, которые хартман совершил в прошлом. Его бы казнили или заперли в тюрьму на десятилетия, а так он положенное время служит во благо людей и исправляется.

— И потом, через время, он вновь станет человеком?

— Да.

— И не озлобится, не пойдёт мстить тем, кто превратил его в пса?

— К преступлениям часто ведёт большая гордыня. Побегать несколько лет на четырёх лапах или походить на четырёх копытах многое исправляет в характере даже самых избалованных и испорченных людей.

— А Бренан — это...

Софи не стала отвечать на незаданный вопрос.

— Наш Бренан сведущ в магии, скажем так, и его могла заинтересовать колдовская книга. И это может быть очень опасно, в первую очередь для него самого. — Она встала. — Как хорошо, что вы мне всё рассказали. Надо обязательно уведомить Дамиана, но промедление в полчаса уже не нанесёт никакого ущерба. Подумайте,

что вы скажете и как. Этот разговор многое решит в вашей судьбе, Майя.

Я же думала о другом — том, что никак не желало укладываться в голове.

— Как пёс мог бы подменить книги? Он ведь всего лишь пёс, у него только зубы и лапы с когтями. А книга стояла в шкафу и была чистой, без вмятин от клыков и не мокрой.

Софи кивнула.

— Верно подмечено. Подмена книг означает, что кто-то из слуг ему помогает... Если, конечно, это сделал Бренан, а не кто-то другой.

Глава 44. Разочарование

Я беспокоилась, что Бренан может сбежать, пока мы тут говорим, но Софи покачала головой.

— Это невозможно. Бренан заключённый. У него особый ошейник, он не позволит ему покинуть дом.

— Если ему кто-то помогает, то и ошейник может снять, — ответила я резко. Уж слишком много всего узнала, о чём раньше не имела понятия, и это начало раздражать. Минуты назад всё или почти всё здесь было более-менее ясно, и вот, опять я будто блуждаю с завязанными глазами.

Софи вытащила из кармана большую связку ключей, нашла среди них особый, с брелком-собакой. Она ещё держала ключи в руках, когда с улицы донёлся лай.

— С ним всё хорошо. Он здесь, — сказала Софи, пряча ключи, и улыбнулась. — Не волнуйтесь так, Майя. Всё будет хорошо, и вы освоитесь в нашем мире.

Я внимательно посмотрела на неё. Она ведь прямо сказала, что я пришла в этот мир гостьей, так?

— Я всего лишь потеряла память. Хотя, конечно, не могу утверждать со всей точностью, что именно со мной случилось.

Софи покачала головой.

— Вы другая, это очень чувствуется, когда знаешь ту Майри. Она не была гениальной актрисой, её неискренность чувствовалась так же хорошо, как ваша откровенность и честность.

Я только молча вздохнула. Софи хвалила меня за честность, а я ей лгала прямо в лицо. Да уж, понятно, что иначе нельзя, но приятного в этом мало.

— Всё возможно сыграть, но душу подделать нельзя, — продолжала Софи. — Ваша чиста, а в ней было зло. Я не понимала, как Дами... виконт Дамиан мог этого не замечать. Я говорила с ним, но он был ею очарован, совсем потерял голову.

Она будто прочитала мои мысли, сказав:

— Я почти уверена, что она смогла его приворожить.

— А это вообще возможно, изменить чувства и желания другого человека? — спросила я.

— С её силами — да, конечно.

Я всё ещё так мало знала об этом мире. Софи говорила всерьёз, и я верила ей, что да, приворожить человека возможно. Ведь она в это верила, а ещё — была ведьмой. Мне же только предстояло понять, как возможно то, что в нашем мире — всего лишь мошенничество.

— А до неё он встречался с другими женщинами? — зачем-то спросила я.

Софи мягко улыбнулась.

— Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос.

Я кивнула. Ответ был предельно ясен.

— Скажу лишь, что о браке до встречи с леди Майри он никогда не задумывался, — продолжила Софи. — Она была первой, кто коснулся его сердца... Но я почти уверена, что она сделала это, подобрав ключи, так сказать. Но вам это не нужно, вы войдёте с парадного входа и станете в его сердце полновластной хозяйкой, если того захотите. Вам почти ничего не нужно для этого делать — только оставаться собой. И не скрывать от него важное, разумеется.

С улицы доносился шум. Она подошла к окну, отвела в сторону занавеску, затем повернулась ко мне.

— Вы готовы идти? Виконт уже прибыл.

Я не была готова.

— Всё будет хорошо, — сказала Софи. — Пойдёмте.

Когда мы спустились на первый этаж, я повернула к себе.

— Я ненадолго.

— Мне подождать вас? Может быть, нужна помощь?

Софи была очень доброжелательна, но я нуждалась в том, чтобы побыть наедине со своими мыслями и всем тем, что никак не желало укладываться в голове. Она немного волновалась из-за меня, но отпустила одну.

У себя в ванной комнате я снова умылась холодной водой, потом долго смотрела себе в глаза в отражении зеркала. Впервые со времени попадания сюда я не была безоблачно счастлива самому факту, что нахожусь здесь. Даже перед казнью мне не было так тяжело. А всё потому, что окружающий мир перестал казаться сказочным местом.

Здесь превращали людей в собак и не только собак, как я поняла. Здесь рисовали пентаграммы и вызывали демонов. Здесь мужчину могли приворожить — всерьёз, а не в качестве развода на деньги. За чтение книг в неподобающей позе или настроении следовало сверхъестественное наказание, не как у нас — а взаправду. И ведь это не всё. В этом доме я — как в коконе, как фарфоровая чашка, завёрнутая в бумагу. А вне его — сколько мне ещё предстоит узнать нового и, возможно, настолько же ужасного, как превращение людей в бессловесных животных.

Это другой мир, живущий по своим правилам и законам. А я всё мерила по себе и привычному, нашему.

Не знаю, почему мне стало так тяжело на душе. Так тесно, будто я вновь оказалась в клетке обездвиженного тела. Я представила себя на месте этого Бренана, и мне стало нехорошо. Я почти ничего не ела сегодня, но меня затошнило. Мне было его до слёз жаль.

Не знаю я, что он сделал, но это же страшно. Это самое ужасное наказание, которое только возможно представить. Я пять лет провела в теле собранного из кусков Франкенштейна, не могла ходить, нуждалась в чужой помощи и заботе. А Бренан находился в теле пса, вернее, его тело изменили до собачьего. Он потерял возможность говорить, лишился человеческого достоинства. Не знаю, что он сделал, но это же страшно, это ужасно настолько, что даже невозможно представить себя в таком состоянии.

Софи сказала, что так они заменяют преступникам смертную казнь. Между смертью и собачьей жизнью что бы выбрала я? Честно — не знаю. Может быть, смирилась с собачьей судьбой, но такой жизни точно не радовалась бы.

Я умылась ещё раз. Глаза всё-таки покраснели, и я запрокинула голову.

Всё хорошо, у меня всё хорошо. Здесь я могу ходить. На мне платье принцессы и драгоценности. Прекрасный мужчина поцеловал меня сегодня. Софи на моей стороне, заботится, будто мама. На мне медальон, который защитит от любого зла. Скоро я расскажу о колдовской книге, и это станет уже проблемой Дэбрэ, не моей.

Я представила себя, пытающуюся поднять карандаш с пола, падающую в кресла, не удержавшись — беспомощную, словно

наполовину раздавленный червяк. Да, обмен стоил того. Но райское сияние этого мира в моих глазах всё-таки потускнело.

Я привела себя в порядок, воспользовалась пудрой, румянами — всего капелькой. Я выглядела прекрасно, хоть картину рисуй. Только желание рисовать не возникло.

Как и вчера, я направилась сначала не в столовую, а в гостиную.

— Всё будет хорошо, — напутствовала меня Софи прежде, ещё когда мы расставались у лестницы. — Но не спешите с признаниями.

— Вы так говорите, будто виконт Дамиан страшен в гневе.

Софи не ответила мне, но сейчас, открывая дверь в комнату, где он меня, скорее всего, уже ждал, я думала о том, что к её предупреждению стоит отнестись очень серьёзно.

Папа часто повторял: «Чтобы не разочаровываться, не стоит очаровываться». Дэбрэ меня уже очаровал, а разочаровываться в нём так не хотелось.

Глава 45. Очарование

Дэбрэ встал при моём появлении. И только взглянув в его лицо, я во всех красках вспомнила, как мы прошлый раз расстались. Его губы — я помнила их твёрдость и мягкость — дрогнули, а свои я облизала и только потом осознала, что сделала.

Он заметил. Ну разумеется.

Да что ж такое. Всего один взгляд на него — и от сосредоточенности и спокойствия ничего не осталось.

— Вы выглядите прекрасно, Майя, — сказал он низким голосом, и прийти в себя это тоже не помогло.

Он волновал меня всего лишь тем, что мы находились рядом и говорили. И что, теперь так будет всегда?

— Спасибо. Вы очень добры.

Мне хотелось выйти за дверь и дать себе несколько минут, чтобы собраться перед встречей с ним. Но увы, мой уход выглядел бы побегом. Да и поздно уже — Дэбрэ подошёл ко мне и подал руку, чтобы проводить к дивану.

Не настолько уж бесполезный жест это держание под ручку — из-за его близкого присутствия мне стало сложно дышать. Дэбрэ явно пытался заслонить собой весь мир — в моём воображении, а в реальности — усадил, а затем любезно предложил что-нибудь выпить.

— Воды или чего-то ещё?

— Только воды.

У меня немного гудело в ушах, а стакан в руках стал сосредоточием мира.

Дэбрэ видел всё. И не постеснялся об этом сказать:

— Вы так смущены. Я пугаю вас?

— Нет, всё хорошо. Не обращайтесь внимания.

— Разрешите всё-таки обратиться.

Он забрал у меня стакан и унёс его. А затем вернулся — и сел рядом, всем корпусом повернувшись ко мне.

— Пожалуйста, посмотрите на меня, Майя.

Дэбрэ взял меня за руку — и моё сердце совсем как с ума сошло. Он не мог не слышать, как сильно оно бьётся, но даже не подумал

отодвинуться. Дождался, пока я подниму голову и посмотрю ему в лицо.

Он так смотрел — под его взглядом можно было сгореть.

— Я не буду просить у вас прощения за то, что сделал тогда в библиотеке.

— И не нужно. Мне не нужны извинения. Я только... Это оказалось совершенной неожиданностью для меня.

Всё, я больше не могла смотреть на него. У меня горело лицо. И больше всего на свете я хотела уйти — и остаться.

Он держал меня за руку, и все мои чувства сосредоточились в соединении наших ладоней. Затем он коснулся моего лица и заставил повернуть голову. Он не давил, всего лишь слегка касался кончиками пальцев скулы. Мы замерли так, я чувствовала его тёплое дыхание на своём лице. Затем подняла на него взгляд.

Он счёл это разрешением сократить между нами расстояние, а затем долго и чувственно целовать. Я коснулась его плеча, упёрлась в него ладонью, но оттолкнуть не смогла.

У меня от него кругом шла голова.

— Пожалуйста.

Он позволил мне спрятать лицо у него на груди и попытаться восстановить сорванное дыхание.

— Что вы делаете, Дамиан? — сказала я, не поднимая головы.

Он обнимал меня, свободной рукой — держал за руку, нет, больше — ласкал большим пальцем нежную кожу запястья, словно хотел, чтобы у меня никогда не восстановилось дыхание.

— Соблазняю вас.

Я нервно рассмеялась.

— Вы откровенны.

— Как и вы. И это очаровывает больше всего. А что делаете вы? — его низкий голос ласкал, как и тёплое дыхание, касающееся волос.

— Соблазняюсь, ведь в соблазнении вы очень хороши.

— Чудовищно прямолинеен, — раскритиковал он себя.

— Мне нравится честность и прямота. Но я боюсь, что мою искреннюю заинтересованность вы не оцените. В таких случаях порядочная девушка должна дать пощёчину дерзкому кавалеру.

Боже мой, какой бред я несла, а ещё позволяла себя обнимать, то есть поступала совершенно неправильно.

— Вы хотите ударить меня? — спросил он с улыбкой в голосе, а я постаралась ответить серьёзно:

— Нет, но я хочу, чтобы вы понимали, что в отношении меня нельзя распускать руки и губы и говорить со мной таким соблазняющим тоном.

— Это слишком для вас, Майя? — спросил он намного мягче. — Я всё-таки пугаю вас, да?

— Больше я боюсь себя, тех чувств, которые вы во мне пробуждаете. Мы знакомы всего несколько дней, а я веду себя так опрометчиво.

Я высвободилась из его объятий, и он меня отпустил, не стал удерживать. Я встала и отошла на несколько шагов, повернулась к нему.

Дэбрэ смотрел на меня. Я бы хотела нарисовать его таким — откровенно любующимся, уверенным в себе, готовым ждать, когда созревшее яблоко упадёт прямо в руки.

— Вы прекрасны, — сказал он. — Никогда не встречал женщины очаровательнее вас.

— А Майри?

Ноги немного подкашивались, и сердце продолжало играть в мячик в груди, и губы пылали. И лицо, увы, тоже. А в остальном — да, я была в норме.

Лёгкая тень набежала на его лицо.

— Вы другая. — Он опустил взгляд, затем усмехнулся своим воспоминаниям. — В нашей ситуации ей бы и в голову не пришло надеть драгоценности, которые я ей подарил. Она бы побоялась напомнить мне о нашей связи.

Ожерелье на мне было чудовищно дорогим — бриллианты, сапфиры. Его слова заставили задуматься о финансовых возможностях «сына башмачника».

— Я не знала, что это вы подарили, — сказала я. — Простите, если мой вид вызвал у вас неприятные воспоминания.

— Ваш вид исправил все неприятные воспоминания, касающиеся этих драгоценностей. Вы подарили мне новые взамен тех — восхитительные.

— Разорвав помолвку, Майри не вернула подарок? — я подошла к маленькому столику в углу, где стоял графин, налила себе воды.

Но холодная вода совершенно не помогла мне избавиться от вкуса Дэбрэ и всей той нежности, которую он мне подарил.

Это было прекрасно. Я хотела ещё и ещё. Кровь в губах стучала крохотными молоточками.

Но нельзя же так проваливаться в него. Нельзя позволять творить с собой в любом месте что угодно. Без объяснений, без отношений, всего лишь потому, что к нему тянет всё существо.

— Подарки на то и подарки, чтобы не требовать их назад, — сказал Дэбрэ. — Или вы считаете меня расточительным?

— Нет, ваша щедрость, доброта и благородство очевидны.

Я прикрыла ладонью рот. Это ж надо! Сначала сказала, а затем подумала, как мои слова прозвучали. Захотелось отмотать время назад. А ещё просилось на язык: «Простите, я не хотела...» Но что не хотела? Быть настолько очевидной? Одобряющей его во всём? Откровенно заинтересованной?

Он подошёл ко мне со спины, когда я стояла у столика с графином. Я, конечно же, услышала его приближение, но больше — почувствовала его телом. Между нами оставалось достаточное расстояние, но воздух будто сгустился и нагрелся. Взгляд Дэбрэ был физически осязаемым, будто меня касалась рука. Ложилась на обнажённые плечи, спину, затылок. И это было до мурашек волнительно.

Мне бы следовало повернуться к нему, а я всё медлила — и дождалась. Он провёл подушечкой пальца по моему плечу — почти невесомо, но так, что все мышцы вздрогнули.

Я дёрнула плечом.

— Пожалуйста, перестаньте.

Он не остановился, коснулся другого плеча.

— Я вас прошу!

Я повернулась к нему — зря. Вернее, совсем не зря, а сокрушительно горячо и нежно, но до чего ж жаль разбитого на мелкие осколки графина. Громкий звук его разрушительного падения заставил нас обоих опомниться.

— Все демоны ада. — Дэбрэ бросил взгляд на пол: на осколки стекла и разлитую воду. — Вы не пострадали?

Нет. Вернее, да. Не думала я, что настолько потеряю голову. Непозволительно так вести себя с мужчиной в этом мире ханжей, а что делала я? Уничтожала репутацию уже не Майри, а собственную. Причём с треском, вернее, с хрустом, вдребезги и напополам.

Его поцелуи прекрасны, но до чего ж я на себя зла. Нельзя так поступать, даже если он очень нравится, нельзя это показывать так откровенно!

Что ещё неприятней — нас застала Софи. Она стояла в дверях. Не знаю, что она видела, но почти не сомневалась, что больше чем следовало. Я бы не хотела, чтобы мама застала меня в такой ситуации даже больше, чем любой другой человек. И почувствовала себя почти так же неудобно под укоряющим взглядом Софи.

Дэбрэ от неё тоже досталось. Он смотрел на Софи, та — на него, и Дэбрэ, к моему удивлению, проиграл войну взглядов.

— Кушать подано, — произнесла Софи сдержанным тоном и церемонно поклонилась.

Она вышла, и он провёл рукой по волосам, взъерошивая их, будто мальчишка.

— Мы заработали выволочку? — спросила я.

Он повернулся ко мне, посмотрел мне в глаза. Его губы тронула улыбка, её же я увидела в его взгляде.

— Это того стоило, Майя.

Он вновь хотел меня поцеловать — я не позволила.

— После ужина, — начала я, и он, будто эхо в горах, подхватил низким волнующим голосом:

— Да.

— Нам нужно будет серьёзно поговорить, Дамиан.

— Да, Майя. Я согласен серьёзно всё обсудить.

Он взял меня за руку и поцеловал пальцы. Кажется, он не совсем верно понял меня. Но разубеждать его я не стала.

Глава 46. Обманчивая неловкость

Я решила положиться на судьбу. Будь что будет, как пойдёт — так пойдёт.

В игру на сближение играли двое: я и Дэбрэ. Вчера вела я, сегодня он полностью перехватил инициативу и уверенно доминировал. С таким раскладом убедит меня — и я сдамся, нет — значит, нет. В любом случае не хочу притворяться другим человеком, разводить все эти реверансы и участвовать в Марлезонских балетах. Дэбрэ мне нравился настолько, чтобы сказать ему «да». И я уже не девочка, вернее, не должна ею быть в моём возрасте.

В моём мире у меня не было и не могло быть ничего. Здесь же как раз всё наоборот: Майри успела позаботиться о том, чтобы мне не пришлось опасаться неприятных ощущений первого секса. Так что бояться нечего и жалеть нечего, особенно, если в постели Дэбрэ так же умел, как в поцелуях.

И всё равно, от одной мысли о близости с ним меня, как качели, бросало между возможным отказом и вероятным согласием.

Но последует ли сам вопрос? Я-то точно не стану его задавать, а вот Дэбрэ, похоже, настроен серьёзно. Судя по тому, что он творил совсем недавно и как смотрит на меня сейчас — да, он хочет большего. Это несомненно.

Хочу ли я того же? Когда он рядом, когда обнимает, целует — о да, ещё бы мне не хотеть. Сейчас же, когда мы сидим за накрытым столом, простота и естественность момента утрачена, и всё становится более сложным, уже не таким очевидным, ясным и привлекательным.

Хочу я его или не хочу в том самом смысле? Не знаю. Всё слишком быстро и слишком рано. Я не знаю его как человека, мы не съели вместе не то что пуда соли, но и маленькой солонки. То, что он мне нравится — не повод плевать на приличия, даже если хочется плюнуть. Он не оценит мою готовность рискнуть узнать его ближе, увидит в этом распушенность — могу поклясться, что так оно и будет. Ведь он ханжа, ну почти. Себе-то он всё позволяет, включая связь с Майри, когда предложение брака идёт номером два, уже за тем фактом, что у них всё было и не один раз.

И что же мне делать? По его взгляду ясно, что он собирается продолжить то, что начал в гостиной. Будь мы в нашем мире, я бы даже не сомневалась. Такого мужчину я бы не упустила, а он бы правильно понял меня — в идеале, конечно. Но Дэбрэ — не наш человек, он не поймёт преждевременной сдачи здесь, в этом мире виконтов, карет, кринолинов и ведьм, хартманов, демонов по вызову и прочего, о чём я ещё не имею никакого понятия.

Заслужить его уважение — играть в недотрогу. Таковы приличия и старинные обычаи. На что угодно поспорю, что всё тут устроено именно так — на притворном «нет», когда хочется сказать: «Да, я вся твоя». Но нельзя. Нужно играть, притворяться шокированной и оскорблённой, врать. И от всего этого заведомо претит, как от запаха нафталиновых шариков. Бабуля пользовалась, в её шкафу висела привлекательная для моли шуба, и запах стоял там такой — закачаешься, а то и вовсе стошнит.

Думать сложно. В голове одни поцелуи, его нежность и страсть. А должны быть мозги.

«Боже, Майя, ну что ты творишь. Хватит уже, успокойся. Перестань волноваться по пустякам и не спеши с решениями. Сначала расскажи ему о молитвеннике Майри. После посмотришь, что будет. Может, он так взбесится, что тебе вообще разонравится начисто», — прозвучало в голове маминым голосом. Спасибо, отрезвляющая мысль, пришла очень вовремя.

Софи считала, что Дэбрэ разозлится, что в гневе он ужасен. Вот и хорошо. Как раз посмотрю на него в раздраженном виде. А то вон он какой: всего несколько поцелуев, и мысли о том, что этот мир — не райское местечко, отодвинулись далеко-далеко. Дэбрэ их отодвинул, показав мне, что рай на земле — легко достижимая цель.

Я подняла голову — он смотрел на меня.

Ну вот как у него так получается? Он сидит от меня далеко, а кажется, что касается.

— Я могу предложить вам рыбу, госпожа? — Софи остановилась возле меня и продемонстрировала прекрасное блюдо.

— Нет, не надо, спасибо, — ответила я, опустив взгляд.

— Вы уверены? Рыба сегодня особенно хороша.

— Спасибо, но что-то нет аппетита.

Я и правда не могла есть. Волновалась ужасно. И, к сожалению для маленьких серых клеточек мозга, не из-за молитвенника Майри.

— Очень жаль, — строго сказала Софи.

Я избегала её взгляда и поплатилась за это. Софи, чтобы добиться должного внимания, не пожалела даже моего чудесного платья.

— Простите мне мою неловкость, — сказала она, разглядывая упавшие мне на колени овощи. — Какая неприятность.

Иногда у неё получалось быть хорошей актрисой, но сейчас Станиславский во мне кричал: «Не верю».

Софи поставила блюдо на стол и вернулась ко мне.

— Позвольте мне помочь вам, госпожа. Это нужно срочно замывать, чтобы пятна не осталось.

Мне пришлось встать.

— Простите нас, господин, — сказала Софи за нас обеих и увела меня из столовой.

Мы направились в ближайшую ванную комнату. Как я и предполагала, пятно на платье появилось для того, чтобы Софи могла открыто высказать наболевшее.

— Что вы творите? — принялась выговаривать мне она, старательно убирая красное пятно помидорного сока со светлой ткани. — Вы не должны поддаваться ему. Не должны ему позволять касаться вас. Никаких поцелуев, объятий, никакой постели. Этого делать нельзя.

Я не нашла ничего лучшего как спросить:

— Почему?

— Потому что его содержанкой вы можете стать хоть сегодня. Или женой, но чуть погодя. Держите его на расстоянии, но не отталкивайте полностью, и не допускайте чрезмерной близости — и в результате он назовёт вас женой. Или вы хотите стать только любовницей?

Я пожала плечами.

— Он сказал, что никогда не женится на мне, что это исключено.

— На Майри, — исправила она меня. — Он не женится на Майри, а на вас очень даже женится, и будет счастлив. Я понимаю, видимо, у вас совсем нет опыта, а он может быть очень настойчив. Помнит, что Майри позволяла ему, — она вздохнула, — скажем так, всё. Но это не

повод для вас, Майя, вести себя глупо и поспешностью разрушить шанс на счастье.

— Он мне нравится, — призналась я.

— Поверьте, я это заметила, и он тоже. — Она распрямилась. — Ну вот, я всё убрала. А теперь посмотрите на себя в зеркало. Как вы думаете, кто там отражается: любовница или будущая жена?

Мои губы припухли и выглядели очень яркими, щёки горели румянцем. Софи принесла мне пудру.

— Воспользуйтесь этим.

Когда совместными усилиями мы привели меня в порядок, она сказала:

— Всё не так плохо. Вы поддались его мужскому очарованию, и это естественно для девушки, у которой нет опыта общения с мужчинами. А теперь, если он захочет продолжить, скажите ему «нет».

— Сказать ему, что я не такая? — Это даже звучало смешно.

— Скажите, что вы не уверены в том, что у него честные намерения в отношении вас. И что для вас важны искренность и чувства, что они на первом месте, а удовольствия и соблазны — не так важны. Он должен это понять.

Софи сжала мою руку.

— Всё будет хорошо. Вы справитесь, Майя. А с ним я ещё обязательно поговорю.

Мне это давно не давало покоя, и я решила спросить прямо:

— Почему вы помогаете мне? Ведь я никто для вас. Мы совсем немного знакомы, а вы учите меня, будто собственную дочь, и заботитесь так же.

У Софи на миг дрогнуло что-то в лице. Могу поклясться: так выглядит застарелая боль.

— Вы правы, слишком мало времени прошло с вашего появления здесь. Вы лишь гостья, вы только входите в нашу жизнь, но искренне нравитесь мне, я вижу — вы хороший человек.

— Ничем не лучше других.

— Лучше неё, намного, в разы лучше той Майри, о которой сами велели нам позабыть, — не согласилась со мной Софи. — Душой вы другая, Майя, а внешне — точь-в-точь она. И это очень важно, ведь мужчины любят глазами.

Она вздохнула.

— Я делаю это для Дами. После случившегося разрыва он будто стал другим человеком. Никогда прежде он не был таким, закрылся наглухо. Целый год прошёл, но ни одна женщина больше не привлекала его внимания. Он, казалось, разочаровался в одной — и во всех сразу. Вы его лучший шанс исцелить раны сердца. Чем калечим, тем лечим. Вы подходите ему лучше всего. Вы лучшая версия Майри и легче других женщин заставите его позабыть о той прежней, злой.

Примерно так я и предполагала. Софи лишь подтвердила мои догадки. Разумеется, всё её старания из-за Дэбрэ. Вспомнить только первое, что я от неё услышала, когда немного отошли от взаимных реверансов: «Навредите ему, и я сама вас убью».

— Вот видите, никакой сказки или обмана, — она улыбнулась. — Я использую вас для того, чтобы помочь господину.

— Вы его очень любите, да?

Она наклонила голову, вздохнула и только тогда ответила, глядя мне в глаза:

— Его мать умерла родами. Он с первого дня своей жизни со мной. Уже двадцать восемь лет. Он мне будто сын, данный Богиней взамен того малыша, которого я потеряла. И я... я убью за него, если потребуется. — Она широко улыбнулась. — Ну что, испугала я вас?

Я покачала головой.

— Ему очень повезло с приёмной мамой.

— Кормилицей, няней, — уточнила она.

— Мамой, — повторила я.

Её глаза влажно блеснули.

— Ну вот, совсем растрогали меня, — укорила она. — И вы ещё спрашиваете, почему я хочу видеть вас женой Дамиана?

Она поправила невидимые складки на моём платье.

— Ну вот. А теперь пойдёмте. Не позволяйте ему всякие вольности, и всё будет хорошо. Он не устоит перед вами. Да что там, он уже готов бегать за вами. И знаете что? — шепнула она уже перед дверью столовой. — С ней он никогда не был таким. Он смотрит на вас иначе. Вы для него — будто чудо. Пожалуйста, дайте ему ещё время витать в облаках и влюбляться.

Глава 47. Важный разговор

После обеда Дэбрэ предложил мне прогуляться по саду, но я, помня о Бренане, отказалась. Нас ждал серьёзный разговор, и человек, превращённый в собаку, не должен был его подслушать ни в коем случае. Так что гостиная или столовая представлялись мне лучшим местом для нашей беседы.

Вот после, возможно, мне даже потребуется пройтись, развеяться, а то и выкричать гнев. Ладно, не буду настраивать себя на плохой результат. Как там говорят? Делай что должен, и будь что будет.

Дэбрэ заметно огорчился моему «нет, спасибо». Ну как заметно — слегка нахмурился, линия губ посуровела. Забавно, но я научилась различать оттенки его эмоций по самым крохотным их проявлениям, так что его сдержанность только играла мне на руку. Ему я об этом, разумеется, не сказала. Не хотела увидеть ещё и намёк на недовольную складку между бровей.

Софи предложила накрыть к чаю в гостиной.

— Прекрасная мысль, — поддержал её Дэбрэ. — Может быть, хотя бы тогда Майя решится что-нибудь съесть.

— Пирожные сегодня очень удачные, с лесной малиной и ежевикой, — тотчас откликнулась Софи. — Надеюсь, вы их хотя бы попробуете, госпожа. — Она слегка наклонила голову и произнесла всего одно слово с вопросительной интонацией: — Господин?

Ему не потребовались дополнительные объяснения.

— Да, конечно, идите, — сказал Дэбрэ, не сводя с меня глаз.

Как только дверь за Софи закрылась, он встал из-за стола и подошёл ко мне. Он встал сзади, за спинкой кресла, и его взгляд тёплой тяжестью лёг на мои плечи и шею. Я постаралась уговорить себя сохранять спокойствие, но одно его прикосновение — почти невесомое — к плечу, лишило остатков сосредоточенности.

— Вы так напряжены, — сказал он, когда я встала, убегая от его руки.

Как жаль, что голос невозможно нарисовать. Он показался мне тёплым и тяжёлым, как чёрный бархат, соблазняющим и дразнящим.

Такой голос — это же настоящее оружие, лишаящее желания сопротивляться. Я из всех сил старалась ему не поддаться.

— Прошу вас, поговорим в гостиной.

А он словно почувствовал, как мне сложно ему противостоять. Взял за руку, затем поднёс пальцы к губам. Наши взгляды встретились, и он сказал:

— Вы очаровательны.

— Вы крайне любезны, — ответила я. — Но мы договаривались о серьёзной беседе. И до того, как мы всё обсудим, я объявляю мораторий на комплименты.

Дэбрэ улыбнулся по-настоящему тепло, чуть сжал мои пальцы.

— Если такова ваша воля, то я ей подчинюсь. — Более серьёзным тоном он продолжил: — Надеюсь, ваше пожелание не связано с тем, что я чересчур навязчив и чрезмерно давлу на вас. Я бы не хотел, чтобы вы неверно меня поняли или ошибочно посчитали обязанной со всем соглашаться. Не нужно бояться меня. Я никогда не позволю себе сделать что-то против вашей воли. И вы имеете полное право мне отказать.

Он отпустил мою руку и поднял свои открытыми ладонями вверх.

— Видите, я вас ни к чему не принуждаю.

Это что же, я показалась ему настолько испуганной, что он целую речь прочитал о праве на «нет»?

Я постаралась уверенно улыбнуться.

— Я уже говорила, что верю вам. А боюсь только себя, своей опрометчивости и того, что могу быть неверно понятой.

Он предложил мне руку и проводил до гостиной, будто я могла заблудиться между двумя соседними комнатами. В коридоре я увидела Бренана. Он стоял довольно далеко, в холле, и смотрел на нас с Дэбрэ. Выглядел как большая собака, но теперь я знала, что он человек. Человек в теле пса. Вернее, человек в собственном теле, выглядящем как большая собака.

Напоминание о реалиях этого мира было не лишним. Помогло мне не уплыть мыслями в сторону поцелуев и прочего.

Дэбрэ отпустил мою руку, чтобы открыть дверь, и я воспользовалась возможностью, чтобы, зайдя в гостиную, без спросу занять его кресло. От дивана одиноко стоящее кресло выгодно

отличала невозможность того, чтобы кто-либо сел рядом. Что получается из такой близости, я помнила превосходно.

— Давайте всё-таки поговорим, — предложила я. — Простите, что заняла ваше место, но так будет лучше для нас.

— Смотрю, вы настроены очень серьёзно, — сказал он, направляясь к напиткам. Налил себе что-то золотистое на полпальца и показал мне бокал. — Вы будете?

— Нет. Мне нужна трезвость мыслей. Для того чтобы путаться в них, мне достаточно и того, что я говорю с вами.

Он усмехнулся, его тёмные глаза блеснули в белом свете настенного фонаря.

— Я думал, запрет на комплименты распространяется на обе договаривающиеся стороны.

— Простите, я не подумала, как прозвучат мои слова.

Дэбрэ легко махнул рукой с бокалом.

— Не извиняйтесь. Мне нравится думать о том, что я лишая вас трезвости в мыслях. И я бы хотел поговорить именно об этом — что нас влечёт друг к другу, и эти чувства сильны и взаимны.

— Но нас ждёт другой разговор, — тотчас возразила я. Хватит уже ходить вокруг да около. Вдохнув, я сказала: — Я позволила себе опрометчивый поступок и сожалею о нём. Необходимо исправить причинённое зло до того, как это приведёт к более серьёзным и непоправимым последствиям.

Ему это не понравилось.

— Даже так. Хм.

Он осушил бокал одним глотком и поставил его на стол, а затем повернулся ко мне.

— Признавайтесь, что вам наговорила Софи? Она очень опекает меня, и уже были случаи, когда женщины покидали мой дом навсегда после единственной беседы с ней.

Его прервал лёгкий стук в дверь.

— Входите, — резко сказал Дэбрэ.

Дверь открылась, и вошла Софи, катя перед собой небольшую тележку. Там был чай и всё необходимое к чаю, а также пирожные, фрукты, конфеты.

— Что-нибудь ещё нужно, господин, госпожа? — спросила она, когда чайный столик оказался заставлен чайниками, молочниками,

чашками и прочим.

— Нет, спасибо, — ответила я.

Дэбрэ промолчал. Выглядел недовольным. И при этом пошёл открывать перед Софи дверь.

— Матушка, — сказал он ей, а затем понизил голос так, что, как я ни прислушивалась, не смогла расслышать ни слова.

— Как можно. Я не вмешиваюсь в ваши дела, господин, — ответила Софи довольно громко, и я поняла, что он выговаривал ей за меня.

Он неправильно меня понял, и Софи досталось от него зря. Вернее, она, конечно, и правда вмешивалась в его дела, и поступала так, очевидно, не в первый раз, но я-то хотела говорить с ним совсем о другом, не о чувствах.

— Вы зря обидели Софи, — сказала я, когда мы с Дэбрэ остались наедине. — Во-первых, она всего лишь заботится о ваших интересах. А во-вторых, вы неправильно меня поняли. Можно сказать, что я поступила опрометчиво дважды. И хотела сначала поговорить о более важном, а не о том, что случилось здесь не так давно.

— Более важном? — спросил он, остановившись у большого стола.

Дэбрэ опёрся о стол бедром, хотя я так надеялась, что он сядет на диван, и между нами окажется расстояние побольше. А теперь, сидя в кресле, была вынуждена либо держать голову высоко, либо смотреть на его тело. Сегодня он вновь красовался в чёрном. Брюки плотно облегали ноги. В общем, там было на что посмотреть. И он знал, что смущает меня, в этом я даже не сомневалась.

И чем больше он пытался сбить меня с толку, тем лучше я помнила, зачем сижу здесь и пытаюсь с ним объясниться.

— Да, Дамиан, есть вещи поважней поцелуев.

Его недовольство усилилось.

— Когда мужчину и женщину искренне влечёт друг к другу, именно это становится для них самым важным. В противном случае я бы говорил о неискренности и игре.

Ну вот, опять он за своё.

Я совершенно не могла так говорить, то ли глядя на него снизу вверх, то ли на его бёдра, и потому встала.

— Давайте обсудим степень нашей искренности немного позже, — сказала я, — после того как разберёмся с действительно важными вещами.

Дэбрэ приподнял брови и скрестил руки на груди. Ох, его было так легко прочитать — заинтересован и недоверчив. Это же классика!

— Выслушайте меня, пожалуйста, и не перебивайте, — попросила я.

— Весь внимание, — ответил он и ещё и ноги скрестил. Боже, ну почему он такой недоверчивый!

Я рассказала ему всё, разумеется, кроме того, что помню свою прошлую жизнь. Объяснила, почему не могла довериться ему сразу. Рассказала и про предположение Софи, и про поведение Бренана.

Софи, кстати, оказалась не лучшей пророчицей — вспышки гнева от Дэбрэ я так и не дождалась. Он слушал меня очень внимательно, но ни слова не сказал, даже ни разу не пошевелился во время моего рассказа. Я закончила, но в ответ ни слова не получила. Он смотрел на меня и молчал, и я совершенно не понимала, что он думает и чувствует.

— Ну! — не сдержалась я. — Всё, я вам во всём призналась.

— Спасибо за доверие, — наконец сказал он.

— И это всё? А где ваши гнев и благородная ярость, что до сих пор я обо всём этом молчала?

— Мне приятно видеть, что вы верите мне настолько, чтобы признаться в настолько пугающих вас вещах. В вашем рассказе лишь одно неприятно удивило меня.

— И что же? — Я скопировала его позу — обняла себя руками крест-накрест.

— Бренан подглядывал за вами во время купания?

— А это имеет значение? — не выдержав, я всплеснула руками.

— Да. В таком случае его ждёт наказание. Он должен был присматривать за вами, а не пытаться забраться под юбку.

Да это уже просто смешно!

— А что же книга? — спросила я прямо. — Она вас не заинтересовала?

— Сестра Катарина рассказала мне о ней ещё вчера. Я нашёл эту книгу у вас под подушкой, когда вы лишились чувств. Но даже если бы

Катарина мне не подсказала, что и где искать, я бы всё равно почувствовал магические энергии книги и обнаружил её.

Я посмотрела ему в глаза — он не шутил. Но как такое возможно?

— И вы сразу поняли, что это?

— Разумеется. У меня большой опыт работы с магическими книгами. Я знаю их дух. Я проверил вашу книгу и посчитал, что могу оставить её вам на время, достаточное для того, чтобы разобраться, что вы собираетесь с этой книгой делать. А затем ждал и надеялся, что вы откроетесь мне. Спасибо, что сделали это.

Хорошо, что кресло стояло недалеко. Я рухнула в него и схватилась за лоб.

— Я тут пытаюсь понять, кто я и что я, кто вы и как отреагируете на это всё. А вы развлекаетесь за мой счёт? — мне не удалось сдержать возмущение.

Он подошёл ближе, присел на скамеечку для ног и взял меня за руку.

— Если бы вы были той Майри, которую я знаю, если бы притворялись, то к этому времени уже попытались бы использовать одну из пентаграмм этой книги. Я счастлив, что не ошибся в вас, Майя.

В этот раз он поцеловал мне запястье — и я вырвала руку.

— Это слишком.

— Слишком сильно для вас? — Он улыбнулся, откровенно любуясь мной. — Да, вы не она. Это очевидно. Вы совершенно другая.

— Если вы нашли книгу, то зачем оставили её мне?

— Я же сказал: хотел узнать, что вы станете с ней делать.

— Но вы рассказали мне о пентаграммах!

— Чтобы вы случайно не навредили себе, если совершенно невинны. Я всего лишь хотел знать, кто вы — притворщица или и правда потеряли память, или вообще душа-чужестранка. В любом случае, тем, что вы не поддались соблазну применить эти знания, и что сейчас мне вот так просто признались, вы доказали свою невиновность.

Понятно. Он устроил мне очередную проверку. Невыносимый человек, просто ужасный!

Глава 48. Поговорим о любви

Я думала, это Дэбрэ будет злиться, рвать и метать, и вдруг сама оказалась в роли огнедышащего дракона. Он ужасно меня разозлил своей дурацкой проверкой. И даже если я была не права (а я могла, я же человек, а не робот), остановиться и вытолкнуть холодную логику вперёд искрящих эмоций никак не получалось. Меня внутри аж трясло. Кулаки сжимались. А уж когда он улыбнулся, весь такой самодовольный, желание вцепиться в его привлекательное лицо стало особенно острым.

Вспомнилось, как днём, в библиотеке, я чуть не умерла, когда он застал меня с книгами в руках. Да я чуть в обморок не упала, у меня чуть сердце не разорвалось. А он всё знал: и почему я там, и что ищу, и что боюсь быть им раскрытой. С книгой Майри в руках, застуканная на месте преступления, я не могла толком сопротивляться, и, целуя меня в первый раз, он это знал.

Разве я позволила бы ему так обращаться с собой в обычных обстоятельствах? Может, и да, но он-то об этом не мог догадаться. Он использовал мой страх разоблачения в своих интересах. Окончательно сломал личные границы между нами, а теперь продвигался вглубь завоёванной территории. Держал за руку, обнимал, целовал, касался при любом удобном и неудобном случае — действовал как таран, продавливал и отодвигал мои «нет, это слишком» всё дальше и дальше, приучая к себе.

И это следовало немедленно прекращать, иначе всё зайдёт слишком далеко, а я не готова становиться его добычей. Любимой женщиной — да, но не игрушкой, не удобной жертвой для бесконечных проверок на вшивость.

— Так где сейчас эта книга? — спросила я, садясь прямо.

— Она у меня, в надёжном месте.

Вот и хорошо. Одной проблемой меньше.

— Значит, я могу забыть о ней, теперь это ваша забота.

— Она и прежде была моей заботой, но временно находилась в ваших руках.

Дэбрэ слегка пожал плечами, будто хотел сказать: «Только такая глупышка, как ты, могла не понимать, что в этом доме каждый чих подчиняется мне и моим правилам. Ты ничего не сможешь от меня скрыть». Спасибо за науку, виконт Дамиан, уж теперь-то я запомнила это правило накрепко.

А он расслабленно, в полной уверенности в своей правоте продолжал:

— И, кстати, вы зря подозревали Бренана. Тех, кому нельзя верить, я рядом с собой не держу.

Кстати, о хартмане.

— Софи сказала мне, что Бренан не собака, а человек в изменённом теле. Что он преступник.

— Это так. Бренан наказан. Он не нападёт на вас, вам не нужно его опасаться.

— Само его состояние жестоко!

Дэбрэ положил ладонь мне на колено, и, хотя платье из нескольких слоёв ткани должно было меня защитить, я мгновенно почувствовала тепло его руки и незначительность преграды, которая нас разделяла. Я попросила его убрать руки — он предпочёл меня не слышать, заговорил о другом:

— Эта, как вы выразились, жестокость необходима. Бренан нарушил закон и не один раз. В своё время мне пришлось немало побегать за ним, а затем упрашивать короля заменить смертную казнь этим сравнительно лёгким наказанием.

Я открыла рот, чтобы высказать, что обо всём этом думаю, но Дэбрэ не позволил.

— Не вам судить о тяжести его проступков. Скажу так: его жизнь спасли возраст и высокое происхождение, а также моё обещание лично присматривать за ним весь срок его наказания. Я отвечаю за него головой, как и за вас, впрочем.

— Но Софи подумала на него... — я замолчала. Мне вдруг пришло в голову, что не одна я проходила проверку. — Пойдите. Так Софи, получается, о книге не знала. Вы что же, не верите вообще никому? Софи с вами всю жизнь, и вы не верите ей до сих пор? Побоялись, что она возьмёт эту книгу и воспользуется ею в злых целях? Проверяли не только меня, но и её?

Дэбрэ даже не подумал смутиться или сказать, что я не права. Смотрел на меня как на капризничающего малыша, улыбался уголками губ. Судя по теплу в его взгляде, ему даже нравилось то, что он — это уж наверняка — называл моей наивностью или глупостью.

— Низко так поступать, — заявила я чётко и громко.

Ужасно хотелось разбить ощущение, что между нами стена. С одной стороны я — уже чуть не кричу, а с другой он — не слышит ни слова, любит меня, будто бабочкой в стеклянной банке, улыбается безмятежно. Ни черта не понимает и даже не прикладывает усилий, чтобы понять, что нельзя так поступать по отношению к близким людям. Доверие — основа всего. Как он может это не понимать?

И ладно я. Да кто ему я? Но Софи, которая согласна за него жизнь отдать, которая всё время рядом, такого недоверия не заслуживает.

— Позволять себя обманывать — крайняя глупость по отношению к себе. Вы обе прошли проверку, как и Бренан, — подтвердил он мои подозрения.

У меня внутри всё опустилось.

— Вы ужасный человек.

Он не поверил, что я это всерьёз. Наклонил голову к плечу и разглядывал меня, будто видел перед собой кого-то или что-то до крайности любопытное.

— И в чём же, по-вашему, я ужасен?

— Вы никому не верите. А без доверия нет любви. Как вас любить, когда вы даже женщине, заменившей вам мать, не доверяете?

Дэбрэ опустил взгляд, но от улыбки не удержался. В душе он смеялся надо мной и несильно-то старался это скрывать. Я его уже чуть-чуть ненавидела.

И терпеть этот разговор больше не могла.

— Позвольте мне встать.

Он сидел на скамеечке совсем рядом с моим креслом, его рука лежала на моём колене, он мешал мне, а я хотела уйти. Мне нужно было уйти, пока я тут не высказалась от А до Я, а затем прошлась ещё и по латинскому алфавиту.

— Не позволю. — Он улыбнулся мне, смягчая жёсткость слов и демонстративность бездействия. — Мы ещё не всё обсудили. После — пожалуйста, я вас отпущу, но не до того как.

— Мы обо всём поговорили.

— Не обо всём. Но вы уже начали разговор о том, что меня очень интересует. Вы произнесли слово «любить» в отношении меня, и я хочу услышать продолжение.

— Его не будет. Позвольте мне уйти, если не хотите услышать кое-что неприятное в свой адрес.

Вместо того чтобы отпустить меня, он подвинулся ещё ближе. Его молчаливая демонстрация раздражила меня ещё больше.

Нет, мне нельзя ему поддаваться. А раз он хочет ответов — он их получит.

— Хорошо, поговорим о любви.

Я откинулась на спинку кресла, скрестила руки на груди. Он остался сидеть, смотрел мне в глаза. Наша близость сбивала с толку, смущала, и всё же я старалась не отводить ответного взгляда. Он должен, наконец, понять меня, и хотя я терпеть не могла говорить людям неприятные вещи, постаралась сделать это коротко, ясно, чётко и откровенно:

— Мне не нужны отношения с мужчиной, который будет меня постоянно проверять. Ревность и подозрения разрушают даже самые сильные чувства, а мне такое не нужно. Прямо сейчас вы всё ещё слишком сильно нравитесь мне, но я приложу усилия и забуду вас. Постараюсь найти того, кто не будет испытывать меня, с кем рядом я буду чувствовать себя в безопасности. А вы поищите женщину, которой нравятся такие игры. Будете сводить друг друга с ума. Я же не поклонница отношений подобного толка. Для меня любовь — это доверие, и не иначе. Мне нужен мужчина, который будет любить меня, а не проверять.

Дэбрэ выслушал всё молча и даже не изменился в лице.

— Вы тоже нравитесь мне очень сильно.

— И это всё, что вы слышали? — Я подозревала, что так и будет, но всё же надеялась, что говорю с ним не зря. — Хорошо, я повторю. Вы нравитесь мне недостаточно сильно, чтобы терпеть подозрительность и проверки. А теперь простите меня, но я хочу уйти.

Он и не подумал пошевелиться, и я напомнила:

— Вы обещали, что не сделаете ничего против моей воли. Остаться здесь и продолжать этот разговор я больше не хочу.

Дэбрэ, чуть помедлив, поднялся на ноги, освобождая мне путь.

Я вздохнула с облегчением, но он не дал мне уйти.

— Да, я подозрителен, — сказал он, удерживая меня за руку. — Но у меня есть на то причины. Одна из них — вы, вернее, Майри, но не только она. Были и другие люди, которые меня разочаровали. С вашего позволения, я не стану о них говорить.

— Без доверия мы ничего не построим, это бессмысленный разговор.

— Вы уверены, что во всём, что я могу вам дать, нет никакого смысла?

Он поцеловал меня — так нежно, как никогда. Но приятно мне не было, только горько. Впервые у меня хватило сил его оттолкнуть.

Когда я выходила, то взгляд невольно зацепился за столик, где до обеда стоял графин. А теперь от него не осталось даже осколков.

И почему мне так горько? Дэбрэ всего лишь первый встречный... зато какой. Идеальный, если бы дознаватель в нём не поглотил всю его душу.

Он даже Софи не доверяет — женщине, которая его вырастила. А что говорить обо мне? Он всегда будет видеть во мне Майри и подозревать во всех грехах. И это никогда не закончится. А если очередную проверку я не пройду, мало ли, в жизни случается всякое — что тогда? Полный разрыв отношений, месть с его стороны? Нет уж. Такого в моей жизни не будет, не для того судьба дала мне второй шанс, чтобы я так мучилась.

До чего ж жаль, что всё так.

Но он не изменится. Люди не меняются, так говорила мне мама: «Не вздумай никого учить жизни или ждать, что кто-то изменится в лучшую сторону. Если что-то не устраивает, но не мелочи, а важное, принципиальное, не трать зря ни время, ни силы — сразу иди дальше. Хороших людей в жизни много, и ты их встретишь, если не будешь зацикливаться на тех, кого всё равно не сможешь изменить».

Я зашла в свою комнату и, как была, упала на постель. Думала о Дэбрэ, о том, как сильно болит внутри от мысли о расставании с ним, хотя какое расставание — мы не встречались, он никогда не относился ко мне серьёзно. Я могла хоть сейчас стать его любовницей и даже, может, женой, но он никогда не пустил бы меня в своё сердце. В постель — да, но наверняка и там бы замучил проверками. Я ужасно жалела себя и его. Так и уснула в одежде и с мокрым лицом.

Мне приснился удивительный сон...

Глава 49. Это не сон

Мне приснился удивительный сон. Такой подробный и яркий, цветной. В нём я попала в другой мир — волшебства и магии, виконтов и принцев. Там я снова могла ходить, а тело и лицо не были изуродованы. Там я встретила мужчину мечты, правда, не без недостатков. Он целовал меня, а на моей шее блестели подаренные им бриллианты. Я носила потрясающе красивые платья и даже купалась в пруду.

Вот они, сладкие мечты девушки, навсегда прикованной к инвалидной коляске.

Голова кружилась после долгого сна в неудобной позе, всё тело болело, перед глазами будто стояла мутная пелена. У меня руки тряслись от слабости и не только в воображении. Похоже, я пропустила приём лекарств, губы совсем пересохли и даже потрескались, язык опух, но больше всего беспокоила боль. Она росла с каждым вдохом, и по шкале от одного до десяти сейчас я бы оценила её уже на семёрку с лишком. Учитывая, что на десятке я могла только выть, с этим следовало разобраться быстрее, чем с не менее острым желанием срочно попить, а ещё хорошо бы добраться до туалета.

За время сна — не в кровати, а у рабочего стола — я невольно сползла в кресле, и теперь немалых усилий стоило подтянуть себя выше. Пока я сражалась с полупарализованным телом, то совершенно выдохлась. А отдышаться всё не могла. В квартире стояла ужасная духота. Воздух показался мне спёртым и затхлым, хотя я должна была бы давно к такому привыкнуть. Пахло мерзко, словно мусор никто не выносил несколько дней, и там что-то сгнило.

Странно, как остро я это ощущала, ведь к таким вещам приноживаешься и перестаёшь замечать.

Наверное, это из-за того чудесного сна. Там я гуляла по лесам и паркам и, получается, успела привыкнуть к пронзительной свежести воздуха, не испорченного выхлопами машин и духом многомиллионного муравейника.

Идеальный сон — идеальный мир, но лучше бы я спала в кровати и видела обычные кошмары, в которых горю. Тогда моя квартира и

состояние тела казались бы спасением, а не наказанием за неведомые грехи прошлой жизни.

Первым делом я добралась до таблеток. Из-за становящейся всё сильней боли поле зрения сузилось, я видела только столик у кровати и пузырьки и коробки на нём. Доехала кое-как, приняла лекарства и несколько минут сидела без движения, закрыв глаза, ждала, когда слабость хоть немного пройдёт.

Вода, которой я запивала таблетки, показалась мне такой вкусной, словно я вечность ничего не пила. Желудок голодно ныл, будто я давным-давно ничего не ела. Но в туалет хотелось, даже несмотря на то, что, похоже, я в очередной раз заработалась и позабыла о себе позаботиться.

Так, хватит уже быть выброшенной на берег медузой. Пора собираться и приводить себя в должный вид.

«Ну что, Майя, готова?»

«Нет. Я никакая. Как будто зомби, еле-еле живая».

«А кого это волнует? Всё. Считаю от ста до единицы и улыбаюсь, а затем: «Привет-привет, моя прекрасная жизнь!»

Моя жизнь уже очень давно даже отдалённо не напоминала прекрасную, но сдаваться нельзя. Через боль, через не хочу я сделала всё что положено. Только на туалет ушло полчаса.

Молоко в холодильнике скисло. Простокваша тоже вкусна, но я попробовала — эта мерзко горчила, будто простояла так несколько дней. Я вылила всё в раковину и решила больше молоко не заказывать. Не настолько уж я его любила, а кефир ничем не хуже и не так быстро портится.

Зелень в отделении для овощей вся повяла и утратила право называться свежей. Что за ерунда? Я смотрела на безжизненно опустивший листья салат, унылую петрушку — выглядела композиция так себе. Может, холодильник отключался, пока я спала? Да, наверное, вырубили электричество на ночь. Мало ли какая поломка, да и не так уж часто это бывает. Верней, раньше такого не случалось, но ведь могло, да?

Потерявшая бодрый вид зелень отправилась на сковородку к яичнице. Получилось так себе. Салатные листья для жарки совершенно не подходили, о чём я узнала на собственном опыте. Но

съела то блюдо, которое у меня получилось. Хотелось мне или не хотелось, я должна есть.

Я заметила это не сразу, только когда закончила с завтраком и убирала со стола. От тарелки и чашки на нём остались тёмные круги, и такие же пятна там, где я касалась поверхности. Я провела по чёрному стеклу пальцем — увидела след. Весь стол покрывал тонкий слой пыли, будто его не протирали несколько дней. А этого просто не могло быть — ведь я тщательно убирала за собой каждый раз, когда ела.

Грязную посуду я так и не помыла. Впервые, наверное, за много лет я покинула кухню, оставив там беспорядок.

Въехала в комнату, огляделась по сторонам, но всё, казалось, лежало на своих местах. И всё же — пыль на стеклянном столе, вялая зелень, скисшее молоко, жажда и голод, боль, странный сон в инвалидной коляске... Я добралась до стола, уставилась на рисунок, который так долго и тщательно рисовала. Карандаши и акварель, смешанная техника — выглядел он ровно так, как я и запомнила, только не блестел свежей краской.

В пластиковом стаканчике, где я мыла кисти, уровень воды понизился, я чётко видела цветной ободок над поверхностью ставшей почти чистой воды. Пигменты осели на дно, будто всё тут стояло вот так, брошенным, несколько дней.

Хоть убей, я не помнила, какое сегодня число. Запоминать дни недели мне тоже было без надобности.

Ответ на насущный вопрос, сколько же длился мой сон, нашёлся в ноутбуке. Мобильный телефон разрядился и ничего не показывал. А вот подключённый к сети ноутбук открыл мне глаза: в электронном ящике скопились письма за несколько дней. За три дня, нет, уже больше, уже шёл четвёртый.

От заказчика пентаграммы писем больше не приходило. Он будто знал, что ему не ответят.

Карандаш, который я держала в руке, переломился надвое. Испоганил мне пальцы, даже кровь потекла из мелкой царапины.

— Даже не думай об этом, не сходи с ума. Нет-нет-нет. Это сон, всего лишь сон. Даже не надейся, что ты там и правда была.

Нет, это не сон. И я это знала. Смотрела на нарисованную пентаграмму, на открытый компьютер с почтой, с этими десятками

писем, и никогда, никогда прежде, даже когда поняла, что меня ждёт одинокая безногая жизнь, не испытывала большего гнева.

Майри воспользовалась мной и выкинула назад, в мою жалкую жизнь. После всего, что я там испытала. После Дэбрэ. После того, как я наконец почувствовала себя человеком.

Я дико, как зверь, закричала.

Соседи не пришли проверять, что со мной случилось, и ладно.

— Ну что, Дамиан, — сказала я вслух, — ты всё ещё уверен в защитных свойствах амулета Бога-Отца? Ну вот, посмотри, как он меня защищает!

Я не только говорила с теми, кого нет рядом, одновременно я снимала всё-всё со стола и разворачивала чистые листы.

«У тебя ничего не получится, ты не ведьма, ты не в силах вызвать демона в свой техно-мир. Всё бесполезно!» — воображаемая Майри смеялась в моей голове, а я уже рисовала.

Я нарисовала семь подряд пентаграмм перехода, не допустив ни единой ошибки. Но ничего не произошло — и я разорвала листы на клочки и разбросала их по всей комнате. И принялась рисовать вновь. И вновь. И вновь, пока не начала колотить по столу кулаками.

Я плакала, выла, давилась слезами. Да кто тут меня видел? Израненные руки тряслись, и физически мне было больно, но в душе — как будто кипящей смолой по содранной коже.

Нельзя давать надежду отчаявшемуся, а затем отбирать. Это жестоко. Боги из двух миров, похоже, издевались надо мной — допустили всё это и никак не помогали. А ведь Дэбрэ обещал, что я буду услышана, что буду защищена. Ну и где его Бог и Богиня? Там же, где наш — в пыльной церкви, в окружении горящих свечей на стильной картине.

Всё, хватит. Мне нужно взять себя в руки. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Так было, и так будет всегда.

Несколько минут я сидела, закрыв глаза, а когда справилась с собой — увидела чудо. У меня на кончиках пальцев горел огонь. Он быстро исчез, но я его видела, да. А это могло означать две равновероятные вещи: первое — я всё-таки сошла с ума и галлюцинирую наяву. Второе — я вернулась в наш мир не с пустыми руками, а с огненной энергией Катарины и, возможно, ещё и водяной

от Софи. И если эти силы со мной — значит, есть шанс их использовать.

«Путь в тысячу ли начинается с одного шага», — папа так говорил, это всегда помогало собраться перед сложной задачей. А мама повторяла, что даже огромного слона можно съесть по кусочкам, стоит только начать.

Я вытерла слёзы, убрала со стола обрывки и взяла новый лист. Путь Майри для меня закрыт — это уже ясно. Но существуют и другие пути. Я не помнила в точности пентаграммы из книги Майри, но они мне и не нужны. Она обращалась к демонам, а я собиралась пойти по другому пути. Мне всё равно терять нечего. И наказание я приму, пусть только помогут. До самой последней детали я знала ещё две пентаграммы — они вели к тем, кто намного мощней и могущественней любых демонов. Одну я видела на обложке молитвенника, она связывала с Девой-Сестрой. Вторая была отчеканена на медальоне и вела к Богу-Отцу.

Я нарисовала их обе. Ничего не произошло.

Тогда я прочитала стихи, единственные, которые знала. Семнадцатый стих я помнила наизусть, каждое слово:

«Есть лишь одна Сила,
Она живет в облаках и дожде,
Во влаге земли, в корнях и бутонах,
Она гонит ветер,
Она горит в пламени наших костров.
В ней есть и мужское, и женское,
Она — Богини и Бога...»

Я читала молитву и рисовала, погрузилась в транс, не чувствовала ни усталости, ни голода, ни жажды, ни боли, ни неудобства. Повторяла одни и те же слова, одни и те же линии десятки, сотни, а кто знает, может, и тысячи раз.

Шли часы, солнце за окном село, а я всё рисовала и повторяла:

— Я хочу вернуться назад. К Дамиану Дэбрэ. Помогите мне, умоляю... Есть лишь одна Сила, Она живёт в облаках и дожде...

Я забылась в однообразных движениях, у меня мутилось перед глазами, но то, что творили мои руки без участия ума, что отправило меня в мир, который я так мечтала снова увидеть, мне всё-таки удалось

разглядеть. Две пентаграммы объединились в одну — и в ней единой стало и мужское, и женское, Богини и Бога.

Чудо произошло в один миг. Я вернулась!

Но куда?

Шкафы с книгами от пола до потолка, галерея по кругу, горящие везде магические фонари — библиотеку Дэбрэ я сразу узнала. Но с моего последнего посещения многое тут изменилось. Столы оказались сдвинуты к шкафам, весь центр комнаты занимала горящая пентаграмма. Я стояла в самой её середине. От моих ног уходили закручивающиеся спирали и линии. А там, где они заканчивались, огонь встречался с водой, шёл пар, а за его клубами находились те, кого я уже узнала и полюбила: Дэбрэ, держащий светящийся меч над головой, угрожающе рычащий и лающий Бренан, Софи, управляющая текущей водой.

И все они — Дэбрэ, Софи и Бренан — сражались со мной. Ведь это я стояла против них в огненном круге.

Глава 50. Майя и Майри

— Это я, Майя, я вернулась! — крикнула я.

Бренан лаял оглушающе громко, пар шипел. Я повторила своё «я вернулась» несколько раз, но, увы, суровое выражение лица Дамиана не изменилось, как и сосредоточенное — Софи, а Бренан продолжал разрываться. От его яростного лая звенело в ушах.

Можно ли вообще за этим шумом что-то расслышать — не знаю. Но глаза-то у них есть! Как они могли не видеть, что я — другая? Ведь я стояла перед ними без обуви, только в смешных полосатых носках, а ещё в лёгкой юбке чуть ниже колена и в белой футболке, надетой без лифчика прямо на голое тело. Да, я появилась здесь в том, в чём была. Теперь уже не сошлѣшься на утраченную память, не назовѣшь себя Майри — вот и хорошо. Я снова здесь, здоровая, на ногах — и прекрасно. В трусах и хоть какой-то одежде, ну и слава богам!

«Спасибо, Дева-Сестра! Спасибо, Защитник-Отец!»

В голове мелькнуло заученное так, что никогда не забуду: «Есть лишь одна Сила, Она живѣт в облаках и дожде...»

Мне помогли, вернули назад, ещё б огонь погасили и убрали это страшное выражение с лица Дамиана. Но это так, в идеале — тогда я бы танцевала от счастья. В реальности — стояла как вкопанная и боялась пошевелиться.

Огненная пентаграмма начиналась у моих ног и простиралась метров по пять во все стороны. Я почти не сомневалась, что это дело рук Майри. Куда бы я ни бросила взгляд — везде горел огонь. Больше того — пентаграмма менялась у меня на глазах, двигалась, будто что-то живое, медленно вращалась справа налево, и выглядело всё это по-настоящему страшным.

Любой бы испугался того, что я видела. Никто не захотел бы очутиться на моём месте. И я, конечно, всей душой рвалась вернуться сюда, но, честно, при этом совсем не мечтала оказаться в круге огня.

Боги меня спасли, вытащили из того мира. Неплохо бы им ещё с умом выбрать то конкретное место, куда они решили меня возвращать. Зачем мне появляться именно здесь, в колдовском круге? И что теперь

делать? Пойду к Дэбрэ — он мне ещё голову отрубит этим джедайским мечом. Бренан — загрызёт. Софи, не знаю, может, утопит?

— Это я, Майя! — я постаралась перекричать надрывающегося Бренана. — Вы слышите? Разве вы не видите? Это же я!

Клубы пара становились всё гуще, мешали чётко видеть, так что не знаю, поняли ли меня. Бренан не унимался, и даже если мне что-то в ответ говорили, за его лаем слов я не слышала.

Ладно, похоже, придётся рискнуть. Остаться на месте — страшней, чем лишиться головы или оказаться покусанной.

Волшебный огонь не жёг, это я помнила чётко. А этот огонь точно магический, тут нет сомнений. Оранжевые языки пламени плыли над паркетом, на самом деле пол не горел. И всё же, чтобы решиться пройти по огненному ковру, потребовалось собрать все силы в кулак. С моим плачевным опытом преодолеть страх было ой как непросто.

Но всё-таки я как-то уговорила себя, шагнула вперёд — и обожглась очень сильно. Отпрыгнула назад с криком, и только тогда пришёл он — Его Величество Страх с большой буквы, настоящий, утробный, что и здесь со мной случится что-то плохое, и, как и в том мире, я стану обугленной веткой, вытащенной из костра. И это ещё в лучшем случае, ведь могу превратиться и в пепел.

Из меня будто все кости выдернули. Я еле на ногах удержалась. Так и видела, как поскользываюсь или оступаю и падаю лицом вниз, и, как факел, вспыхивает одежда, сгорают волосы, кожа...

— Помогите. — В этом шуме мой обессиленный хрип никто бы не услышал. — Пожалуйста.

Кричать у меня не получалось. Хорошо, что получалось дышать.

Лай резко стих. И словно стена тишины рухнула на всех нас.

— Майя? — судя по тону, Дэбрэ не был уверен, с кем говорил. — Майя, если это вы, то не стойте там, идите сюда, к нам. Вам нельзя там оставаться.

— Здесь огонь! — крикнула я. — Он настоящий!

Можно было, кстати, так не орать. Шипел пар, трещало пламя, журчала вода, но слышать друг друга эти звуки уже не мешали. А вот видела я из-за пара совсем немного. Вокруг круга огня будто сгустился туман, и из него доносились голоса.

Бренан негромко тьякнул. Невидимая Софи сказала:

— Майя, девочка, иди скорей к нам. Обожжёшься — это не так страшно. Беги оттуда скорей!

— Майя, не стойте там, идите же скорей к нам, — позвал Дэбрэ вновь и уже громче: — Майя, скорей!

Его голос изменился как будто от страха.

— Зачем ты зовёшь её? — произнёс женский голос за моей спиной. — Зачем тебе она, когда у тебя всё ещё есть я, твоя любимая Майри?

Я резко обернулась.

Моя копия — в пышном платье, с высокой причёской, сверкающая драгоценностями — стояла на расстоянии трёх шагов от меня в огибающем её огневороте. В Майри всё было прекрасно, за исключением одного. Лишённая белков и зрачков чернота её глаз выглядела до жути пугающей.

— Майя, беги! Не слушай её! — голос Дэбрэ, сначала громкий, стал едва различимым за вдруг усилившимся шумом в ушах. Меня всю повело, я едва на ногах устояла.

Я бы, наверное, рискнула сбежать, если бы не огонь. Ещё мгновение назад не такой уж, оказывается, и большой, он взвился длинными языками. Теперь — при желании, которого у меня не было — я могла бы, не наклоняясь, коснуться его рукой. Если бы я сдвинулась с места, то непременно сгорела бы начисто.

Майри огонь не пугал, она выглядела спокойной, уверенной в себе и улыбалась.

Так акулы ухмыляются, собираясь кого-нибудь съесть.

— А ты, Майя? Откуда здесь взялась ты? Да ещё и в собственном теле? И почему снова красивая и можешь ходить? — Майри наклонила голову к плечу. Разглядывала меня демоническими глазами с таким выражением на прекрасном лице, что волосы на затылке вставали дыбом от ужаса.

Не думаю, что со мной сейчас говорила Майри. Внешне — да, но не внутренне. Эта женщина не могла быть девочкой, писавшей те дневники о школьных подружках, строгих учителях и ненавистной моркови. Дэбрэ, объясняя про пентаграммы, упоминал, что, связавшись с демонами, ведьмы считают, что получают от них великую силу, а в реальности становятся всего лишь живыми костюмами и больше себе не принадлежат. Из-за близости к демону их

души со временем разрушаются, пока от человека не остаётся лишь оболочка.

Живой пример объяснений Дэбрэ находился передо мной. Я могла бы поклясться: Майри открывала рот, но говорил со мной кто-то другой, и смотрела на меня не Майри, а поселившийся в ней злобный демон.

— Откуда ты знаешь меня? — спросила я. — Где видела раньше?

Сражаться с демонами мне не под силу. Не уверена, что победила бы одну Майри, без демонического наполнения, а уж того, кто занял её тело — без шансов. Я смотрела в её лицо и чудовищные глаза и понимала: если она захочет лишиться меня жизни, шансов на спасение у меня нет.

— Ты — моё отражение, — ответила Майри, нежно и ласково улыбаясь. — Дочь одного из миров, где магия спит. Всего лишь идеальная копия моего прекрасного образа, но, не скрою, полезная. В своё время твоя жизненная энергия помогла поддержать силы моего слабого человеческого тела, укрепила его, чтобы оно совсем не разрушилось до смерти души. Сколько же лет с тех пор прошло? — Она задумчиво похлопала себя по губам. — Ах, да — пять. Разве ты не помнишь, как всё потеряла?

Не знаю, что отразилось у меня на лице, но Майри засмеялась.

— Вижу, ты помнишь. Тогда я забрала у тебя всё, что хотела — здоровье и красоту. А недавно взяла попользоваться твою душу, но не злись так на меня, я ведь всё вернула на место.

— Но зачем?

Она безмятежно улыбнулась. С демоническими глазами на лице выглядела её улыбка пугающе.

— Мне нужна была чистенькая душа, совсем нетронутая, целая — на время. Та, которая здесь была, — она похлопала себя по груди, — уже почти дозрела. Оставалось совсем чуть-чуть подождать, чтобы собрать урожай. Твоя подошла идеально, чтобы это прекрасное тело, — она провела по лифу платья обеими руками, — не выкинули раньше времени из этого мира вместе с почти опустевшей душой. Было бы жаль, если бы целых пять лет и исполнение глупых желаний этой девчонки закончились бы ничем. А с твоей помощью мы с ней всё успели. Ради спасения своей жалкой жизни, она отдалась мне вся целиком и наконец-то созрела.

Майри погладила себя по лицу. На левой щеке остался след, будто кожу испачкали сажей. Но через миг дыра, а это была именно она, увеличилась и стала такой же чёрной, как и её демонические глаза.

Демон, которого носила в себе Майри, разрушал её тело прямо у меня на глазах.

От ужаса у меня гудело в ушах. Голос Майри то приближался, то отдалялся. Думать о том, как спастись, я не могла. Думать вообще не получалось. Я молилась. «Есть лишь одна Сила...» на вечном репите крутилась в моей голове.

— Но теперь ты, Майя, снова целая, душой и телом находишься здесь, где тебе не место, — сказала Майри. — Кто тебя исцелил, чистая дева? И кто тебя сюда переместил? Отвечай честно, если не хочешь лишиться своей головы.

Я ответила честно:

— Тот, кто сильнее тебя, разумеется.

— Мало тех, кто осмелится бросить мне вызов, — сказала Майри и широко улыбнулась.

Лучше б она этого не делала — несколько рядов острых зубов выглядели ужасно, а раздвоенный на конце чёрный язык из-за своего размера не украсил бы даже дракона. От Майри и правда осталась лишь оболочка. И, похоже, и её время пришло.

Мне в жизни не было настолько страшно, даже когда я, изломанная, горела. До боли хотелось сбежать далеко-далеко. Между судьбой Майри и своей прежней я выбрала бы свою — безногого Франкенштейна, настолько чудовищно было то, что происходило с Майри прямо сейчас.

Я оглянулась назад: огонь стал сильнее, яростно боролся с водой. За клубами пара я с трудом разглядела сверкающий меч, но даже силуэтов людей больше не видела. Кто-то кричал, но расслышать слова я не могла. У меня кружилась голова, кровь бухала в ушах, как на рок-концерте.

— Не отвлекайся, — сказала чудовище внутри Майри ласковым голосом. — Как ты здесь оказалась? Кто провёл тебя сквозь бесконечность миров? Только говори честно, не ври.

— Те, чья сила едина.

Майри уставилась мне прямо в глаза.

— А ты ведь не врешь. — Она засмеялась. — Ты правда веришь, что Богиня и Бог привели тебя сюда и исцелили.

Я молчала, а она всё сильнее веселилась.

— Предвечным нет дела до людишек с их мелкими дрызгами. Ты песчинка, а я гора. Они же выше неба и дальше звезд. И ты хочешь сказать, что Богиня и Бог постарались ради тебя, мелкой пыли?

Она начала хохотать, сгибаясь и кашляя, а из-под прекрасного платья показался увенчанный острым жалом демонический хвост, и выглядело это ужаснее некуда, в разы хуже акульих зубов и раздвоенного языка.

— Ты пыль! Всё здесь пыль, особенно те, кто мнят себя кем-то! Но мой господин сейчас придёт, всё готово и уже ждёт его величественного появления. Вельзевул придёт, и мы покажем этой пыли её законное мес-сс-сто!

Не думала я, что вернусь в этот мир, чтобы стать свидетелем явления дьявола. Ну или что тут собиралось пройти сквозь горящую огнём огромную пентаграмму.

«Есть лишь одна Сила, она живёт в облаках и дожде...» — я цеплялась за слова молитвы, как за спасительный круг, а море огня вокруг меня становилось всё выше и яростнее. Всего один шаг — и я бы в этом огне точно сгорела.

— Не вздумай сбегать, — сказал Майри. — Я наконец поняла, зачем ты здесь появилась и кто привёл тебя сюда. Мудрость господина не имеет пределов. Он направил тебя сюда не просто так. Девственница — лучшая жертва. Гордись, ты откроешь для него пути. Он войдёт через твоё тело, как через врата, и будет здесь царствовать вечно.

Слушать это существо я больше не могла. Опустилась на колени, а Майри, заметив это, сказала:

— Вот так. Ты всё делаешь верно. Прими свою участь смиренно, и господин наградит тебя быстрой смертью.

У меня не было ни бумаги, ни карандаша. Только пол и рука. Когда я начала рисовать, кончики моих пальцев горели. «Есть лишь одна Сила...» — повторяла я про себя, рисуя огнём пентаграмму, которая мне уже помогла — привела сюда. А теперь должна была спасти во второй раз, иначе во всём этом не было ни капли смысла.

Начиная рисовать, я чувствовала себя хорошо. Но вскоре пришла боль. Сначала едва заметная, она быстро стала яростной, жгучей. Походило на то, будто я скот, и меня метят клеймом. Кожу в районе солнечного сплетения так дико жгло, что я обняла себя руками и вся сжалась. Меня жгло изнутри, и это было невыносимо!

Сгибаясь пополам, я больше не могла терпеть эту муку и закричала.

— О да! — вторила мне Майри. — Господин, я свидетельствую — ты идёшь.

Демон ещё что-то говорил — из-за боли я понимала не всё.

— Пришло наше время! — разрывалась Майри. Её голос изменился, и больше не походил на человеческий.

То, что скрывалось в Майри, уже стояло возле меня. Я повернула к нему голову — зря. Последнее, что оставалось на демоне от Майри — это платье. И вот, прямо у меня на глазах оно лопнуло и разошлось на лоскуты, а под ним оказалось такое... Я смотрела в ту сторону всего миг, но хватило с лихвой.

Никакая ведьмовская сила, никакие, даже самые королевские выгоды, ничто, никто, никогда не стоило общения с существом, которое я там увидела.

«Есть лишь одна Сила, Богини и Бога, так примените её, спасите всех нас от этого ужаса».

— Приветствую, господин! — сказала чудовище и коснулось моего плеча кончиком когтя.

Глава 51. Победители

Живот болел так, что мне стало казаться: вот-вот и, как в фильме «Чужой», его разорвёт, и из меня вырвётся нечто ужасное. Теперь горела не только кожа, будто её сжигали тавром. Внутри меня — я могла бы в этом поклясться — собирался вихрь чудовищно мощных энергий, вращался, потрескивал, рос. Я едва могла это выносить и думала: ну всё, ещё чуть-чуть, и всё, я этой мощи не выдержу. Стану вратами для супердемона или просто умру, и это после того, как божественной волей прошла между мирами. Обидно.

А жить-то хотелось. Несмотря на боль, на страх, на горящий вокруг огонь и этого чудовищно страшного демона.

Я упорно просила Богиню и Бога о помощи: «Есть лишь одна Сила...»

Демон Майри коснулся меня. Из-за боли само его прикосновение я едва почувствовала, но в тот же миг закричала — вихрь энергий, который во мне собирался, рванулся к демону, будто именно его ждал. Я не могла этого видеть, конечно, да и никто не мог, но по ощущениям сама энергия и её движение походила на световой луч или иглу, или шпагу, или даже кнут. Она вырвалась из меня, ушла через плечо в тело демона, и тот взревел, будто та боль, которая разрывала меня, вся, без остатка, досталась ему.

Демон ревел, я тоже кричала, но все звуки перекрыл такой пронзительный свист, что я едва не оглохла. Горящий вокруг нас огонь взвился до потолка, чтобы всех ослепить и через миг бесследно исчезнуть. Вода, которая всё это время боролась с огнём, хлынула внутрь круга, и от огненной пентаграммы не осталось ничего, даже пепла.

Я выжила, чудо случилось. Как только та энергия ушла из меня, боль отступила, из горящего пламени стала тлеющими углями. Гул в ушах, который всё это время делал меня наполовину глухой, полностью стих.

Демона нигде не было видно. Как я ни выглядывала по сторонам, он бесследно исчез. Клубы пара ещё мешали видеть, но уже стали

развеиваться. На стенах горели магические фонари, и сколько бы я ни крутила головой, демону тут было не спрятаться.

Шлёпая лапами по воде, ко мне подошёл Бренан, толкнул головой в плечо.

— Всё хорошо, — ответила я, даже на миг не задумавшись, что он у меня спрашивает.

Всё, кажется, и правда было хорошо. Всё — вроде бы — кончилось.

Возле меня остановились Дэбрэ и Софи. Дамиан держал в руках длинную полую стеклянную трубку. Больше она не светила, но я не сомневалась — это тот самый «меч».

— И с кем вы собирались сражаться вот этим? — спросила я, даже не пытаясь подняться на ноги. Так и сидела в воде. Её тут, кстати, было не так и много, глубиной всего на половину ладони.

Перед глазами всё ещё стоял демон Майри. Чудовищнее создания я не могла даже представить, а у него ещё и был господин, то есть кто-то ещё больше, сильнее и мерзостнее. Хотя я видела всё своими собственными глазами, голове было легче поверить, что я сумасшедшая, чем в то, что всё это и правда случилось.

— Не стоит говорить так пренебрежительно об этом славном оружии, — ответил Дэбрэ. — Это Артианская флейта, её звук изгоняет чистое зло.

Я тяжело вздохнула.

— Тогда почему вы тянули, почему сразу её не использовали? Чего ждали? Чтобы появился этот... как его? Вельзевул?

— Но вы ведь там были.

Я подняла голову, внимательно посмотрела на Дэбрэ.

— Всё ещё пытаетесь увидеть во мне зло, виконт Дамиан?

— Нет, Майри... Простите, Майя. После случившегося я больше не вправе в чём-то вас подозревать.

— Вот и хорошо. Запомните это, а лучше запишите, чтобы не забыть ненароком.

Да, после всего случившегося я имела право ворчать, даже если была не права.

— Я не мог использовать флейту раньше, простите. Демон должен был полностью утратить человеческий облик, чтобы звук

флейты не просто ранил, а полностью изгнал его из нашего мира. Флейту сложно заряжать, и я мог использовать её только раз.

— Дамиан говорит чистую правду, — сказала Софи. — Не обижайтесь на нас. Мы не могли пройти через огненный барьер, чтобы помочь вам. И не могли ничего сделать, пока Майри оставалась жива.

Бренан тьякнул, и я могла бы поклясться, что так звучало его «да, всё так и было».

— Я поняла. Ничего страшного. Я сама справилась как-то. Вернее, не я, а божественные силы.

Живот всё ещё немного болел, и я, не смущаясь, задрала на себе майку. Пентаграмма — я почти не удивилась, когда увидела её на себе. Она всё ещё горела золотистым огнём, а затем исчезла, будто впиталась под кожу. В тот же миг ушла боль.

Дэбрэ, Софи и даже Бренан смотрели на меня как-то странно.

Софи нарушила молчание первой:

— Майя, этот знак на вас?..

— Замена неработающему амулету, я сама его придумала, — ответила я и наконец встала. — Простите, но мне бы хотелось переодеться во что-то более подходящее и что-нибудь съесть.

— Я бы хотел поговорить с вами, — сказал Дэбрэ.

Я обняла себя руками. В здоровом теле моя грудь была намного пышней, и майка больше не болталась, как на вешалке. Мне действительно следовало переодеться, а ещё зверски хотелось есть.

— Я сегодня ела только яичницу, и это было, когда солнце встало, а сейчас уже, — я взглянула в окно, — глубокая ночь.

— Разговор подождёт, — сказала Софи, не дожидаясь решения Дэбрэ. — Уже скоро светает. Я накрою стол к завтраку.

Дэбрэ так смотрел на меня, что я сказала:

— Ну хорошо. Можете меня проводить и по дороге задать свои вопросы.

Бренан пошёл с нами, наотрез отказался уходить, даже когда Дэбрэ ему приказал.

— Кто вы? — спросил Дэбрэ уже у порога моей комнаты.

— А разве вы не слышали, что говорила Майри?

Судя по выражению лица, слышал каждое слово, как я, божественной глухотой не страдал.

— Я не ведьма, меня никогда не звали Майри, я — Майя, и во мне нет никакого зла, — сказала я с напором. — Теперь я живу здесь, в этом мире, и очень надеюсь, что не зря просила Богиню и Бога вернуть меня сюда к вам, Дамиан.

Он открыл передо мной дверь и слегка поклонился. Бренан твкнул.

Наконец я осталась одна. Дошла до ванной, умылась. Потом медленно доплелась до кровати и присела на её край, больше не в силах куда-то идти, одеваться, говорить. От усталости я не могла даже пошевелиться. Ужасно хотелось есть. Но спать — просто чудовищно.

Я старалась держать глаза открытыми. Мне вдруг пришло в голову, что я выполнила своё предназначение и больше тут не нужна. Что, заснув, как и в прошлый раз, вновь могу проснуться в своём мире, а этот останется для меня только воспоминанием.

Когда вошла Софи, у меня из глаз текли слёзы. Усталость и все те ужасы, весь этот бесконечный день вымотали меня донельзя.

Она принесла мне стакан тёплого молока и печенье.

— Давайте-ка, я помогу вам лечь.

— Я боюсь засыпать, — честно сказала я. — Мне нельзя спать. Я не вынесу этого снова.

— Чего именно? — она принесла кресло, а затем помогла мне на него пересесть.

— Сегодня я проснулась далеко-далеко, в другом мире, в этом теле, но беспомощном, изуродованном и изломанном. Я боялась, что уже сюда не вернусь. До сих пор не верю, что это случилось.

— Вы здесь. Всё хорошо, и вы теперь здесь. — Софи расстелила постель и помогла мне переодеться для сна. — Давайте-ка, Майя, ложитесь в кровать.

— А если я исчезну?

— Я буду сидеть рядом с вами и ждать вашего пробуждения. Всё будет хорошо. Пока вы спите, я буду благодарить за вас Богиню и Бога и просить, чтобы вы прожили здесь долгую и счастливую жизнь.

Глава 52. Ведьма

Я проспала целый день, проснулась, когда солнце уже клонилось к закату. В комнате я находилась одна. О недавнем присутствии здесь Софи напоминало подготовленное для меня платье, лежащее на кресле, и бисквиты на тумбочке у кровати. Вспомнилось, как вчера я не отпускала Софи, боялась уснуть, и щёки потеплели. Это же насколько надо было устать, переволноваться и расстроиться, чтобы, будто капризничаящий ребёнок, просить другого человека посидеть рядом, пока засыпаешь. С другой стороны, случившееся в библиотеке было настолько ужасным, что немудрено и с ума сойти, не то что на время впасть в детство и быть настолько наивной, чтобы верить в защитную силу молитв.

А теперь пора сказать себе «стоп». Самое время мне перестать быть атеисткой. Божественное участие я испытала на себе. Если не мне верить в высшие силы, то кому тогда? Божественное вмешательство привело меня в этот мир в собственном теле, исцелило и спасло от демона. Так что нелишним будет хотя бы поблагодарить, а ещё перестать сомневаться и по привычке принижать всё то, что прежде я считала наивными сказками.

Для начала извинившись, от всей души я сказала большое спасибо тем, кто меня спас, и только затем отправилась в ванную. Пока набиралась вода — съела все бисквиты, которые нашла на тумбочке у кровати. Принесла халат, чтобы одеться после купания. Потом развлекала себя, добавляя в воду пенящиеся смеси и разнообразные ароматы. Устроила себе полноценный счастливый час.

Мне хотелось всё позабыть, смыть с себя все те ужасы. Но не раз и не два я ловила себя на том, что вспоминаю и вращающуюся огненную пентаграмму, и то, что говорил демон устами Майри, и то, во что она превратилась в итоге — исчезла совсем, а вместо неё появилось такое... Как бы я хотела стереть из памяти того демона. И зачем только на него посмотрела?

Майри я страшно жалела. Но с другой стороны, как она вообще могла во всё это влезть? Совсем дура, что ли? Судя по записям в дневнике и тому, что я успела о ней узнать — наивной глупышкой её

бы никто не назвал. Тогда как, ну как она решилась связаться с вот этим ужаснейшим существом?

Даже в моём мире, где ни демонов, ни богов не видели как минимум две тысячи лет, о вызывании дьявола ходили не самые лучшие слухи. Я бы, к примеру, не решилась на такое даже со своей убеждённой в том, что всё это — мифы и сказки. Рисковать душой я бы не стала, пусть и не особо верила в то, что душа существует. А здесь о душах, демонах, ведьмах знали все и всё, перед глазами имели примеры. Может, из третьих рук, но такие вещи, касающиеся многих людей, наверняка знали все с самого детства.

А Майри, не раз предупреждённая, что этого делать нельзя, умудрилась связаться с демоном. Сломала жизнь другим людям, себе, из-за неё демон над демонами чуть не пришёл в этот мир. А ещё — я пострадала, погибла моя семья. Чтобы укрепить тело Майри, демон, по его словам, нашёл её копию в бесконечных мирах, и по несчастливой случайности этой копией оказалась я. Не кто-то другой, а именно я загубленной жизнью и родными заплатила за то, чтобы у Майри были красивые платья, драгоценности и граф в женихах...

Господи, как же я её ненавидела и жалела одновременно. Ненавидела больше. Потому что нельзя быть наивной такой. А если она не из наивности решилась на это грязное дело, значит, и вовсе нечего о ней сожалеть.

Но как же страшна оказалась её смерть. От Майри ничего, вообще ничего не осталось. И демон говорил о гибели не только тела — души. Стоило оно того? Все эти красивые платья и драгоценности — они того стоили?

Я с головой погрузилась под воду, пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей.

Не удалось. Всё равно раздумывала о судьбе Майри и всём том, что случилось.

Между делом несколько раз проверила свой живот, но от горячей на нём золотой пентаграммы не осталось ни следа. Я смотрела на неё совсем недолго, но не сомневалась — это она, та самая, которая привела меня сюда: соединение пентаграммы Девы-Сестры и Бога-Отца. Когда демон праздновал скорую победу, я рисовала её на паркете огнём...

Я очень ярко вспомнила тот момент, те ощущения, которые тогда мной владели, и вдруг золотистый огонь появился на кончиках пальцев, причём в тот миг моя рука находилась под водой. От неожиданности я чуть не выпрыгнула из ванны, вскрикнула, часть воды пролилась на пол.

Я потрясла рукой — огонь исчез. Сосредоточилась — вновь появился.

Это сколько же сил передала мне Катарина, что огонь до сих пор жил во мне? Я дважды прошла с ним между мирами, использовала этой ночью, а он до сих пор оставался со мной.

Я держала мокрую, всю в пене руку, смотрела на огонь, имеющий явное противоестественное происхождение, затем сжала ладонь в кулак и не почувствовала ничего, никакого ожога. Огонь бесследно исчез. Я позволила ему появиться вновь и опять погасила. Сделала так несколько раз, пока наконец не поймала это странное, необычное, но чёткое и определённое напряжение тела и чувств, которое запускало процесс. Стоило запомнить его.

Не уверена, кстати, что это огонь Катарини. Тот причинил боль, а этот мне — как родной, не доставлял никакого дискомфорта, появлялся и исчезал, когда я хотела. Совершенно не обжигал.

Что я могла с его помощью делать — большой вопрос. Его я собиралась обсудить для начала с Софи. Не с Дамианом. Ему в таких вопросах не стоило излишне доверять. А вдруг он решит, что, раз я стала ведьмой, меня нужно запереть в каком-нибудь монастыре?

«Не доверяешь ему? Правильно делаешь».

До чего ж неприятно, что теперь внутренний голос приобрёл интонации Майри. У меня аж мурашки по рукам пошли.

Я выбралась из ванны, переоделась, занялась волосами. Пыталась отвлечься обычными делами от всех этих мыслей, страхов, воспоминаний. Сидя перед туалетным столиком зачем-то вновь вызвала тот огонь. В отражении увидела, как глаза начинают светиться золотом. Не оранжевым, не огненным, а цветом солнца, как та пентаграмма, которая горела у меня на животе.

Моё лицо с сияющими золотыми глазами выглядело и пугающе, и завораживающе.

Катарину Софи назвала огневицей. Меня тоже так назовёт, или это что-то иное? Огонь Катарини сжигал меня изнутри, и тот,

магический огонь Майри и её демона — тоже. А этот и не жжёт, и выглядит по-другому.

Я провела пальцем по столику и оставила на нём светящийся след. Долго смотрела на него, а он тихо горел. Стёрла ладонью, и он впитался в меня. Принёс не боль, а ощущение силы.

Получалось, теперь я тоже стала ведьмой, не так ли?

Софи мне встретилась в коридоре. Вернее, сначала Бренан — он, похоже, охранял дверь моей спальни, а затем уже мы вместе увидели Софи, выходящую из гостиной.

— Вы уже проснулись, — сказала она с улыбкой. — Как хорошо. Виконт уже вернулся домой и переодевается к обеду. Он спустится через несколько минут.

— Очень хорошо, тогда у нас есть пара минут, чтобы кое-что обсудить. Я хотела бы с вами поговорить, это ненадолго.

Бренан недовольно рыкнул. Не очень громко, но его «нет, даже не думай этого делать» нельзя было ни с чем спутать.

— Тебе эта идея не нравится, да? — спросила я у него.

Он наклонил голову на бок.

— Виконт Дамиан приказал тебе за мной следить, правильно я поняла?

Бренан вильнул хвостом и негромко тьякнул.

— Вот и следы, — сказала я, — но он ведь не приказывал тебе запрещать мне общаться с Софи? — Ответа я не дождалась. — Вот и ладно. Так что охраняй меня тут, в коридоре, пока мы с Софи побеседуем в гостиной. И не рычи — дверь не преграда для твоих чутких ушей.

Он смешно фыркнул. Ещё бы. Я даже не сомневалась, что Бренан в курсе всего происходящего в доме.

Затем я обратилась к Софи:

— Вы не против сейчас поговорить? Это займёт совсем немного времени.

— Если вам нужны объяснения, — сказала Софи, — то виконт лучше меня всё объяснит. Он давно ждёт, чтобы с вами поговорить. С самого утра проверяет, не проснулись ли вы.

— Но я так поняла, он выезжал из дома?

— Его вызвали к королю, он не мог отказаться.

Интересно, Дэбрэ ездил туда по мою душу? Я бы не удивилась. Катарина обещала похлопотать о моей судьбе у короля и не сомневалась, что ей всё удастся, «Себастьян» ей ни в чём не откажет. С другой стороны, я не пуп этого мира, тут и своих проблем хватает, так что заранее волноваться не стоит.

Мы с Софи зашли в гостиную, и я закрыла дверь прямо перед любопытным носом Бренана.

Он, конечно, только выглядел псом, но я никак не могла перестроиться и перестать его недооценивать. Даже то, что я говорила с ним без каких-либо церемоний, уже было не слишком-то хорошо. Следовало это поскорее исправить. Но говорить с собакой, да ещё и на вы... М-да, некоторые вещи этого мира для меня слишком сложны.

— Что вы хотели узнать? — спросила Софи.

Я показала ей то, чему научилась. Огонь легко появился у меня на кончиках пальцев и, я уверена, отразился в глазах.

— Надеюсь, вы не расскажете об этом виконту, — сказала я, прерывая воцарившееся между нами молчание. — Сначала я должна разобраться, что это со мной. Теперь я ведьма? Огневица? Вы, кажется, так называли сестру Катарину?

Софи покачала головой. Она выглядела неуверенной.

— Нет. Это не огонь. Это больше похоже на свет.

— И что это означает?

— Не знаю. Я такого раньше не видела и не слышала о таком. — Подумав, она сказала: — Я могу к вам прикоснуться?

— Да, конечно.

Когда Софи коснулась моей «горящей» руки, её лицо исказилось, будто от боли. Она тотчас отдернула руку.

— Этот свет жжёт. Какие странные ощущения. — Она потёрла себя по щекам, похлопала по уху. — Теперь у меня гудит в голове.

— Простите, я не знала, что так будет.

— Ничего страшного, уже почти прошло. — Она нахмурилась.

— Это плохо?

— Нет. Да... Я попробую разобраться, а вам посоветую открыться виконту. Он хороший человек, он вас поймёт.

Поймёт он, как же. Дамиан Дэбрэ — один из самых упрямых людей, которые мне встречались.

Я вздохнула.

— Запрёт где-нибудь в монастыре. А я не хочу быть монашкой!
Софи улыбнулась.

— Вы слишком милы и красивы, чтобы прятать вас в монастыре.
Ему такое даже в голову не придёт.

В отношении своего Дами Софи проявляла материнскую близорукость. Ей я об этом говорить не стала, но подумала, что иначе и быть не могло.

— В любом случае, — сказала Софи, — вам придётся научиться управлять своей силой и исследовать её возможности. И сделать всё это так, чтобы никто не пострадал, включая вас саму. Так что посоветоваться с виконтом Дамианом — лучшее, что вы можете сейчас сделать. Он прекрасно разбирается в таких вещах, его помощь будет бесценной. Вам не придётся идти вслепую, он возьмёт вас за руку и отведёт в то место, где вы уже будете зрячей, где ненароком не навредите ни себе, ни другим.

Софи ушла из гостиной, а я осталась. Она всё верно сказала, но разве можно доверять Дамиану Дэбрэ, дознавателю, который умудрился не разглядеть демона в любимой женщине?

Глава 53. Охотник на демонов

Когда Дэбрэ вошёл в гостиную, я стояла у столика, наливала воду в стакан. Разбитый нами в прошлую встречу графин к этому времени успели заменить на новый, хрустальный. У меня слегка дрогнула рука. Графин и правда был тяжеловат, и я поспешила вернуть его на место. Разбить ещё один очень бы не хотелось, хватало воспоминаний о трагической судьбе первого и поцелуях.

В горле ещё сильнее пересохло, когда я обменялась с Дэбрэ положенными приветствиями.

— Воды, виконт? — спросила я, отводя взгляд.

— Да, думаю, да. Я сам налью, не беспокойтесь, Майя.

Он назвал меня просто по имени, значит, и я могла вернуться к уже привычному «Дамиан» вместо «виконта».

Дэбрэ подошёл, встал рядом, и у меня сорвалось дыхание. Сомневаться в нём, бороться с ним не так и сложно — когда он вдали, и его не видишь. Но когда он совсем рядом, почти касается, а если и вовсе касается — сопротивляться влечению к нему почти невозможно.

Дамиан Дэбрэ — очень красивый мужчина.

Он наливал воду в стакан — я смотрела на него. Его тёмные волосы чуть вились на концах. Они достигали плеч, высокий лоб был открыт. Лицо казалось сосредоточенным, губы сжаты. Ему шла вечерняя синева на щеках, я помнила — тогда его щёки кололись. Мне было сложно представить более привлекательного мужчину. Сладенького смазливого мальчика — да, а вот такого: мужественного, даже сурового — нет, невозможно.

Я залпом выпила всю свою воду и пошла к его креслу. Как и в прошлый раз, не могла позволить ему сесть рядом и свести меня с ума объятиями и поцелуями. Мне следовало сохранять хладнокровие, а с ним рядом всё начинало искрить.

Разумеется, он заметил, что его место заняли, и понял, почему я сделала такой выбор.

Послушный моему невысказанному желанию он сел на диван и внимательно посмотрел на меня. Я старалась не опускать глаза, не смущаться. Существовало множество тем, которые нам следовало

обсудить, и поцелуи и всё, что с ними связано, занимали в моём внутреннем списке последнюю строчку.

Он заговорил первым:

— В первую очередь я хочу извиниться перед вами, Майя.

Я нахмурилась, мысленно перебирая те поступки, за которые он мог бы извиняться. Магия Дэбрэ, не иначе, но я не вспомнила ничего... Ах да, кроме его вопиющего недоверия в отношении меня и других. С другой стороны, познакомившись поближе с демоном Майри, я решила, что недоверие — не самый большой недостаток, а, скорее, достоинство для человека, который периодически сталкивается с демонами и ведьмами, их в себе скрывающими.

Но речь, как оказалось, шла о другом.

— Я видел в вас кого угодно, но только не невинную девушку, оказавшуюся здесь по воле обстоятельств. Я приставал к вам, вёл себя откровенно и бесстыдно, как с женщиной лёгкого поведения, и сейчас мне остаётся только сожалеть обо всём том, что я творил. Прошу прощения за своё дерзкое поведение и недостойные поступки в отношении вас.

Я прикрыла рот рукой, кашлянула. Не знаю, каким чудом мне удалось сдержать нервный смех. Культурные различия опять явили себя во всей красе.

— Если бы ваши поступки были мне неприятны, — сказала я, осторожно подбирая слова, — то я бы оттолкнула вас, возможно, ударила по лицу.

— Знай я, кто вы, я бы вёл себя совершенно иначе. Я бы ухаживал за вами, вёл бы себя деликатно и осторожно, чтобы не испугать вас, не причинить вред, — сказал Дэбрэ серьёзным тоном. — Прошу простить мне мою дерзость и дать второй шанс произвести на вас благоприятное впечатление.

О, хорошо. А то я уже начала думать, что избыточной вежливостью он прикрывает желание сдать назад и больше не предпринимать никаких шагов к нашему сближению.

— Хорошо, я вас прощаю. Но только в том случае, если мы оставим это недоразумение в прошлом. А в будущем вы покажете мне, как выглядят деликатные ухаживания виконта Дамиана Дэбрэ.

Он улыбнулся.

— Спасибо. — После непродолжительного молчания заметил: — Меня восхищает ваша смелость, откровенность. Ваш мир, видимо, сильно отличается от нашего мира.

Думаю, я поняла его правильно: он хотел узнать больше о том мире, откуда я пришла. На этот вопрос я уже давно определилась, что скажу. Рассказы о летающих железных птицах и самоходных повозках без лошадей здесь никому не нужны. И меньше всего нужны мне самой. Теперь это мой мир, и не стоит лезть со своим уставом и рассказами о прошлых обычаях в чужой монастырь. Это мне нужно адаптироваться к этому миру, а не ему — ко мне. А значит, бесполезно тратить часы на объяснения, что такое Интернет и мобильная связь.

— Я почти ничего не помню о той своей жизни. Только родных, которых потеряла. Скрежет металла, огонь, который унёс их жизни и моё здоровье. Простите, мне не хочется об этом говорить, не хочется даже мысленно возвращаться туда. Ведь я теперь здесь, моя жизнь вновь началась с чистого листа, и смутные воспоминания прошлого никак не улучшат ту картину, которую я хочу нарисовать на этом листе. Поймите меня правильно и простите за моё непреклонное «нет».

Дэбрэ кивнул. Он прекрасно меня понимал, и это тоже мне очень сильно нравилось в нём.

— Значит, мы не будем говорить о том мире. Но я прошу объяснить, как вы попали сюда в этот раз.

— А прошлый раз вас не интересует?

— С прошлым я уже разобрался. Демоны такого уровня силы способны на многое. Совершить обмен телами для них не такая уж сложная задача, если нет никакой защиты.

Я нахмурилась.

— Но в том мире, — сказала я, нарушая собственное обещание не возвращаться туда даже мысленно, — у меня сложилось впечатление, что моё тело там находилось в бессознательном состоянии или глубоком сне все те дни, которые я провела здесь в теле Майри. То есть её душа до моего тела не добралась.

Дэбрэ сел удобнее, закинул ногу на ногу. Похоже, его сильно беспокоили те извинения, которые он уже принёс, а теперь самоуверенность к нему возвращалась. Говоря о переселении душ, магии и демонах, он находился в своей стихии, где он — царь и бог.

— И всё же, скорее всего, душа Майри там была, — сказал он уверенным тоном. — Майри умерла и телом, и духом. Видимо, в последние дни, когда она полностью вручила себя во власть демона, её духовных сил хватало только на сон.

— Но что с ней случилось потом, когда произошёл обратный обмен? Меня не было здесь почти сутки. Я вернулась — и тут такое. Что произошло?

Лицо Дэбрэ посуровело.

— К сожалению, мы упустили время, забили тревогу только ночью, когда уже было поздно. А до того мы с вами не виделись, вернее, с Майри. Она сказалась больной, отказывалась от еды и общения из-за недомогания, и за весь день виделась только с сестрой Катариной. Майри попросила послать за ней, сказала, что только сестра Катарина знает, как ей помочь.

Я подалась вперёд.

— И что теперь с сестрой Катариной? С ней всё хорошо?

Дэбрэ покачал головой.

— Нет, нехорошо. Вернувшись отсюда домой, она упала в обморок и очень долго не приходила в себя. Сейчас ей уже лучше, но пока она не встаёт. Ей помогают лучшие целители, со временем она справится с тем, что с ней случилось.

— Но что с ней произошло? Вы знаете?

— Она потеряла все силы — вот, что с ней случилось. Думаю, демон забрал всё себе. Судя по всему, Майри все эти годы не лечила Катарину, не избавляла её от излишка сил, а накапливала их в её теле, чтобы воспользоваться в нужный момент. Периодически приоткрывала заслонку, чтобы всё не рвануло раньше времени. Потому Катарину мучили постоянные боли, и она нуждалась в Майри.

— Но зачем это делать? Демоны ведь могущественные, вы сами говорили об этом!

— Нас защищает от демонов то, что они — существа не из плоти, а из энергий. Обладая огромными силами, они не могут применить их в нашем мире без помощи человека. Человек должен позволить управлять собой, через него демон и творит свои тёмные дела.

— Так же и с богами, да? Они помогают своими силами, но пользуются нашими руками.

— Вы всё правильно понимаете, — Дэбрэ кивнул.

— Вот и ответ, — сказала я. — Вы спрашивали, как я пришла в этот мир. Я обратилась к богам: к Деве-Сестре и Отцу-Защитнику. Я молилась и рисовала пентаграммы. Одну видела на молитвеннике, другую — на защитном медальоне. Я делала это часами, пока не устала так, что уже не понимала, что делаю. И тогда две пентаграммы объединились в одну, и в ней одной стало и мужское, и женское, и Богини, и Бога. Когда это произошло, я очутилась здесь, в огненном круге. А дальше вы всё знаете, вы же там были.

Дэбрэ долго молчал.

— Я видел пентаграмму на вашем теле собственными глазами. Не могу спорить с очевидными фактами. И другого объяснения нет, но...

Он встал, прошёлся туда-сюда по гостиной. Его волнение чувствовалось на расстоянии.

— Понимаете, Майя, такого не бывает. Боги помогают нам редко, — наконец сказал он. — Так редко, что я не помню последнего достоверного случая.

— Но мы молимся, — сказала я, до попадания в этот мир толком не молившаяся ни разу.

— Обращаясь к богам, мы напитываемся уверенностью в победе, в правильности нашего выбора. По определённым признакам можем понять, одобряют ли боги наши поступки. Но прямое вмешательство, причём такое значительное — это крайняя редкость.

— Возможно, Дева и Отец вмешались, потому что демон Майри был очень силён, а у богов в этом мире нет других рук, кроме наших. И они воспользовались моими, чтобы изгнать зло из этого мира.

Дэбрэ остановился напротив меня. Его взгляд было тяжело выносить, но я постаралась не опускать голову.

— Именно так и произошло. Демон должен был растерзать вас, я не успевал помочь, изгнать его до того, как он навредит вам. И даже если бы только ранил его — вы находились рядом, он убил бы вас, разъярившись от боли, просто из мести, потому что мог. Но случилось иначе. Он коснулся вас, и я уже думал, что всё, потеряю вас снова. А он отпрянул, начал вопить от боли, и тогда звук флейты легко прогнал его. И я не уверен, что там, где он оказался, не лежит теперь лишь кучка пепла. Исчезая, он весь светился, чернота в нём пошла трещинами, он изнутри горел золотистым огнём — точно таким, какой

я видел на пентаграмме на вашем теле. Это меня и поражает. Вы меня поражаете, Майя. Это вы уничтожили демона, тот золотой свет в вас.

Я встала, как и он, больше не в силах сидеть на месте. Волнение сделало мои пальцы холодными, ладони — влажными. Я вытерла руки о платье. Потом подумаю о том, что выглядело это не слишком красиво. Потом, когда перестану так волноваться и переживать.

— У меня есть ещё один способ поразить вас, Дамиан.

Я глубоко вдохнула и коротко выдохнула. Ну же, решайся. Сейчас тот самый момент.

— Только не пугайтесь, — предупредила я.

Он усмехнулся — мол, страх? Это вы обо мне? И тогда я решилась.

Я протянула ладонь в его сторону и заставила её загореться тем золотистым огнём.

— Эта сила осталась во мне, — сказала я, раз он поражённо молчал. — Софи думает, что это не огонь, а свет. Он совершенно не жжёт.

Как и Софи, первое, о чём попросил Дамиан — это позволения коснуться меня.

— Софи было больно, — ответила я.

— И всё же я попытаюсь.

Он взял меня за запястье. Его лицо исказилось, но свою руку он не отнимал. Отступил не меньше чем через минуту. И всю эту минуту мог слышать мой сходящий с ума пульс.

Судя по тому, как он потом повёл себя, у него тоже гудела голова. Неровной походкой он дошёл до столика и выпил воду прямо из графина. Осушил его почти до самого дна и на лицо вылил остатки.

— Вы теперь как живой амулет Бога-Отца, — сказал он, не поворачиваясь ко мне. — Когда касаешься вас, словно говоришь с богами.

— Это плохо? — спросила я.

Он повернулся ко мне.

— В некотором смысле вы теперь святее всех сестёр вместе взятых.

Кстати, о сёстрах.

— А что значит быть сестрой? — Этот вопрос давно меня волновал, только задать его случая не представлялось.

— Быть сестрой или братом — открыть свою душу Богине или Богу. Ваша, несомненно, открыта так, как не дано никому из известных мне подвижников.

— Я не собираюсь становиться монахиней, — предупредила я сразу. — Даже не думайте мне это предлагать.

Дамиан кашлянул, прикрыв рот ладонью. Пришла его очередь прятать смех.

— Я и не собирался. Наоборот, хотел просить вас стать моею женой.

— Вот так сразу? — Я вернулась к креслу и села. — Нет, так не пойдёт.

Кажется, он ожидал услышать другой ответ.

— Вы отказываете мне? — спросил он неуверенным тоном.

Я продемонстрировала абсолютную убеждённость в принятом решении:

— Ну конечно.

Дамиан подошёл ближе и опёрся бедром о стол.

— Можно узнать почему?

Я скрестила руки на груди, повторяя принятую им позу.

— Только что вы любезно пообещали мне галантные ухаживания, а теперь собираетесь от них отказаться. Получите моё «да» и решите, что дело сделано, и можно больше не стараться произвести на меня впечатление. Такое меня совсем не устраивает.

— Но позже вы скажете «да»?

— Я подумаю об этом. Вы почти идеальный мужчина, но даже на солнце есть пятна. У вас, — я начала загибать пальцы, — ужасная работа, очень опасная, я бы сказала — мерзкая и пугающая. Во-вторых, вы очень недоверчивы и склонны проверять даже близких, устраивая ловушки...

— Демон вселился в мою старшую сестру. Я долго не хотел в это верить, боялся открыть глаза, и мой отец пострадал. Я потерял всю семью, потому что не желал видеть правды. И простите меня, но этот урок я запомнил на всю жизнь. Пусть я буду подозрителен, пусть даже обижу вас, но больше никого не потеряю из-за беспечности.

— Мне очень жаль, — тихо сказала я.

Это ужасно. Он, как и я, потерял всю семью из-за демона. А потом ещё и вся эта история с Майри — он, наверное, был почти

уничтожен, когда понял всё.

Жестоко копаться в таких вещах, но сегодня у нас день откровений, и неизвестно, когда настанет другой, так что я спросила:

— До разрыва отношений вы не заметили признаков одержимости в Майри?

— Ещё год назад она была другой. Её разрушение сильно ускорилося в последнее время. Пожалуйста, не будем о ней. Лучше расскажите, в чём ещё я плох, чтобы у меня появился шанс понравиться вам. Что там третьё, какой недостаток?

— Вы любите другую женщину. Это я о Майри.

Он покачал головой, улыбнулся, словно я сморозила несусветную глупость.

Я сидела в кресле, а он подошёл ко мне, и я уже испугалась, что он вновь присядет на ту скамеечку и не даст мне уйти, и вся та неудобная ситуация повторится. А он встал передо мной на одно колено и вытащил из кармана кольцо.

— Мы ведь договорились, что я вам отказываю... пока что, — тихо сказала я.

— Я принимаю ваш временный отказ, — ответил он. Взял меня за левую руку и надел на палец кольцо.

Он поцеловал мою руку и встал.

— И что это было? — спросила я, совсем растерявшись.

— Теперь вы находитесь под защитой. Это кольцо — амулет, он защитит вас от всякого зла. И хотя, возможно, с вашими новыми силами такая защита не слишком-то и нужна, по моему опыту — защита от демонов не бывает лишней. А вы теперь рядом со мной, особенно дороги мне и рискуете больше других людей из-за той ненависти, которую демоны ко мне питают из-за моей работы.

Я тоже встала.

— Это потому что вы дознаватель? Я думала, ведьмы вас боятся и ненавидят, а не демоны.

Он покачал головой.

— Я главный королевский охотник на демонов. Это немного другая работа, розыск ведьм и дознание — её часть, но не главная. — Дэбрэ улыбнулся. — Вижу, я вас поразил. Но ничего, вы привыкнете. И к своему новому статусу тоже.

Да, это его метод — объявить территорию своей, а потом осваивать её, постепенно и неуклонно продвигаясь всё дальше и дальше.

— Вы надели мне кольцо на тот палец, где носят обручальное.

Он даже и не подумал смутиться.

— Там ему самое место, пока я добиваюсь вашего «да». Чтобы у возможных конкурентов не возникло ненужных иллюзий. Пойдёмте обедать, Майя. — Он предложил мне руку. — Что вы думаете о том, чтобы после прогуляться по саду? Ночь сегодня лунная, будет петь соловей, а сверчки — стрекотать.

Да, всё именно так. Он объявил меня своей, окольцевал и, игнорируя возможное сопротивление, уже шёл к желанной цели. Ох уж этот Дамиан Дэбрэ, виконт и главный королевский охотник на демонов. Звание, кстати, шло ему в разы больше, чем то ужасное — дознаватель. Но меня не устраивала та прыть, с которой он принимал решения за нас обоих, а верней — за меня.

— Вы так очаровательно раздражаетесь, Майя. Нет-нет, продолжайте. Кстати, у меня нет списка того, что мне не нравится в вас. Мне нравится всё. Я бы даже сказал: отныне и навсегда вы — моя любимая ведьма.

Конец